НАШЕ РАДИО
СЕРГЕЙ МИРОВ
ЭТО «СЕКРЕТ»?
ИГРА В «БИТЛЗ»
ЛЕГЕНДЫ РУССКОГО РОКА
LEGENDARY

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Начальный, самый яркий период легендарного ленинградского бит-квартета «Секрет» проходил на фоне безумно яркой и неоднозначной жизни в СССР 80-х годов. Что отличало эту группу от множеств других, появлявшихся в то время? Как музыканты создавали свои песни и образы? Почему сегодня «Секрет» находится на втором пике популярности, а песни, созданные больше 30-ти лет назад, по-прежнему звучат отовсюду? Обо всем этом и многом другом можно узнать из книги многолетнего друга коллектива Сергея Мирова «Это „Секрет“? Игра в „Битлз“».

- Сергей Миров
  - Увертюра
  - «Маленький мальчик гитару нашел…»
  - «Родина! Тебе я славу пою…»
  - «Ах, эта свадьба!»
  - «Просто ты скучаешь по битлам!»
  - «Ты скажи хотя бы, как тебя зовут!»
  - «The One and Only Billy Shears!»
  - «Этого нам только не хватало!»
  - «Я – первый ученик среди ребят!»
  - «Купите мне гитару, серебряные струны!»
  - «Ты помнишь, как все начиналось?»
  - «У солдата выходной – пуговицы в ряд!» (часть 1)
  - «Дорогая Останкинская башня, я простой телеграфный столб…»
  - «Комбат батяня, батяня комбат…»
  - «У солдата выходной – пуговицы в ряд!» (часть 2)
  - «У меня такой характер! Ты со мною не шути!»
  - «Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!»
  - «Ты как хочешь это назови!»
  - «От Москвы до Ленинграда, и обратно до Москвы!»
  - «У солдата выходной – пуговицы в ряд!» (часть 3)
  - «Гнев, о, Богиня, воспой…»
  - «Фильм, фильм, фильм!!!»
  - «А упало, Б пропало… Что осталось на трубе?»
  - «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!»
  - «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел!»
  - «Наши жены – пушки заряжены!»

- «Следить буду строго!»
- «Но в мире есть Таллин, он красив, как волшебный сон!»
- «Удар, удар, еще удар! Опять удар, и вот…»
- «Отпустите меня в Гималаи!»
- «Паровоз умчится прямо на границу»
- «Уно, уно, уно, уно моменто!»
- «И новые песни придумала жизнь!»
- «Разлука ты, разлука!»
- «Песню подобрал на гитаре я…»
- «Кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда…»
- «Все мы – простые актеры в театре Господа Бога»
- «Пол крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги!»
- «I Did it My Way!»
- «Все могут Короли!»
- «BACK in the USSR»
- «Вот и весь секрет…»
- Кода

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

Сергей Миров
Это «Секрет»? Игра в «Битлз»

Увертюра

Помню, в 70-е годы после пары стаканов коктейля «агдамрислинг» было принято громко гадать и спорить: почему же

распалась группа «Битлз»? Нуда, конечно эти Йоко и Линда… ну, а все-таки, ведь не из-за баб же?

А потом подобные распады стали некой традицией, и мы с удивлением узнавали о добровольном уходе от The Rolling Stones Мика Тейлора, а затем и Билла Уаймена, о смене вокалиста у Deep Purple, о чехарде музыкантов в группе Yes…

Обидно было, да?

Миллионам поклонников жизнь их любимых групп представляется чередованием сплошных радостей: исполнение прекрасных песен, прием бурных аплодисментов, посещение дорогих ресторанов, общение с красивыми девушками, съемки у знаменитых фотографов, запись в лучших студиях, жизнь в престижных отелях, и, конечно же, дружба, дружба, творчество, творчество, и еще раз дружба, дружба!..

Чушь это все.

Вернее, это все, конечно же, есть, но внимание музыканта в повседневном быту цепляется совсем за другие вещи: постоянный недосып из-за храпа друга, соседа по гостиничному номеру. Дико раздражает запах у него изо рта и подмышек, даже больше, чем его безумная неорганизованность в пространстве… А вот он еще и «зазвездил», сволочь, опоздал к автобусу, грубо рявкнул в ответ на дружеское замечание, взял неверную ноту в припеве, вытерся моим полотенцем, да и телочку, которая мне первому понравилась, подсуетился и к себе привел, гад, а меня попросил у ребят после концерта посидеть…

А в это время друг думает: да что он до меня докопался? Не храплю я совсем, только если выпью немного… Изо рта у него самого такой тынч, что вообще непонятно, как с ним девки целуются! Да и нехрен мои шмотки на пол сбрасывать, это моя половина стола! И, кстати, не опоздал, а в холле задержался, у меня автографы брали, не надо мне завидовать, козлы! И квинта здесь лучше терции, понимали бы чего, и, между прочим, не нужно свое полотенце на мою вешалку цеплять. А в прошлом городе разве не я у техников полночи сидел из-за тебя, заразы?

Да просто невозможно все это терпеть изо дня в день, из года в год, тем более что каждый нормальный артист именно себя любимого считает наиболее важной и творчески уникальной частью коллектива!..

(Кстати, словосочетание «прошлый город» – профессиональный сленг. Так говорят только эстрадные артисты, много лет находящиеся в гастрольном режиме.)

Но вот однажды мне вспомнилась школьная история о том, как Галилей разгадал многовековую загадку механической физики. До него целые поколения ученых не могли внятно

объяснить, почему же камень, брошенный рукой человека, продолжает лететь? Ведь никакая сила на него уже не действует! Галилей же поставил вопрос по-иному: почему же он останавливается? Ведь при отсутствии воздействия любое тело так и должно двигаться равномерно, по прямой, или находиться в абсолютном покое.

Так и в нашем случае.

Вопрос, почему распалась та или иная группа, не имеет никакого смысла, потому что НЕ распасться она просто не может. Гораздо интереснее вопрос обратный: почему же иногда коллективы, состоящие из нескольких талантливых, амбициозных, совершенно разных, харизматичных и ревнивых, творческих людей умудряются годами не распадаться? В «Аквариуме» вон четвертый состав меняется, из «Машины Времени» Маргулисуже в третий раз ушел, а вот «Секрет» по прошествии более трех десятков лет до сих пор выступает в изначальном составе!

Иногда. Но чаще и не нужно!

Книга будет именно об этой загадке «Секрета», и поверьте мне, что хоть я, много лет состоящий в дружбе с этой бандой, и думаю, что нащупал ответ на этот вопрос, но в процессе предстоящей работы наверняка выясню еще какие-то не известные мне факторы этого феномена.

Кстати, хочу и читателей, и героев сразу предупредить о том, что никакой комплиментарности в моей книжке не будет, все как в жизни: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда!»

Так что давайте вместе пробежимся по всей истории. И разговаривать о загадке «Секрета» я буду не только с Максимом Леонидовым, Николаем Фоменко, Андреем Заблудовским и Алексеем Мурашевым, но и с большинством тех людей, которые оказались рядом с ними в ключевые моменты.

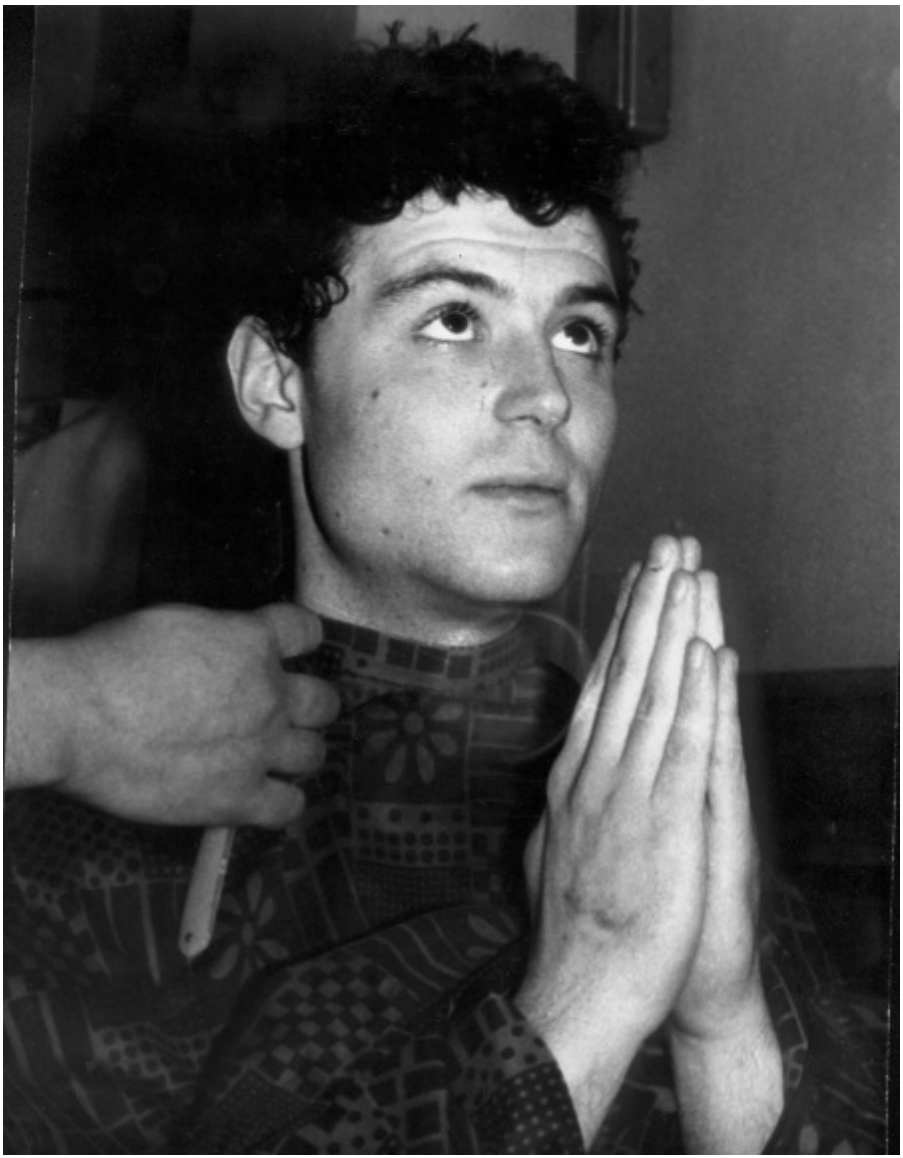
А, кроме того, кому не лень тыкать по клаве, может в процессе чтения включить компьютер, залезть в интернет и посмотреть видеоиллюстрации, ссылки на которые я даю в сносках.

«Маленький мальчик гитару нашел…»

«Ничего не возникает из ничего». Эта мудрость, осенившая

кого-то из древних, на самом деле является примитивным выражением закона сохранения массы и энергии. Здесь она процитирована для того, чтобы подойти к выяснению, каким образом каждый из ребят дошел до «Секрета», в смысле, какие у них были предыдущие музыкальные экзерсисы?

А были? Были, конечно! Ведь даже у Джона Леннона были Quarrymen! Даже Мик Джаггер играл в Little Boy Blue & The Blue Boys, Эрик Клэптон присоединился к The Roosters, Фредди Меркюри создал The Hectics, а депутат Николай Расторгуев активно вокализировал в ВИА «Шестеро молодых»! Так что стоит аккуратно покопаться в прошлом и у секретов.



«Господи, пошли мне хороший ансамбль!..»

Как ни странно, у Максима Леонидова, самого теоретически подкованного, в детстве и юности не было практического опыта! Ни один школьный ВИА он не организовал, но, в общем-то, это и понятно: Макс окончил Хоровое училище имени Глинки при Ленинградской государственной академической капелле.

Должен всех успокоить: несмотря на то, что в этом учебном заведении, в просторечье именуемом «капеллой мальчиков», учатся исключительно дети мужеска пола, ничего страшного, кроме тотального запрета на рок-музыку, там с Максимом не произошло.

Макс:

– Только иногда, запершись в классе, где стояли два рояля, мы с Женькой Олешевым или еще с кем-нибудь в четыре руки лабали какое-нибудь буги-вуги. Ну, и уже в старших классах парни иногда притаскивали на танцы подобие аппаратуры, и я иногда с ними выходил попеть что-нибудь, якобы англоязычное… Атак, до «Секрета» у меня ни с кем ничего не было!

«Смычок в левую, скрипку в правую… Так?»

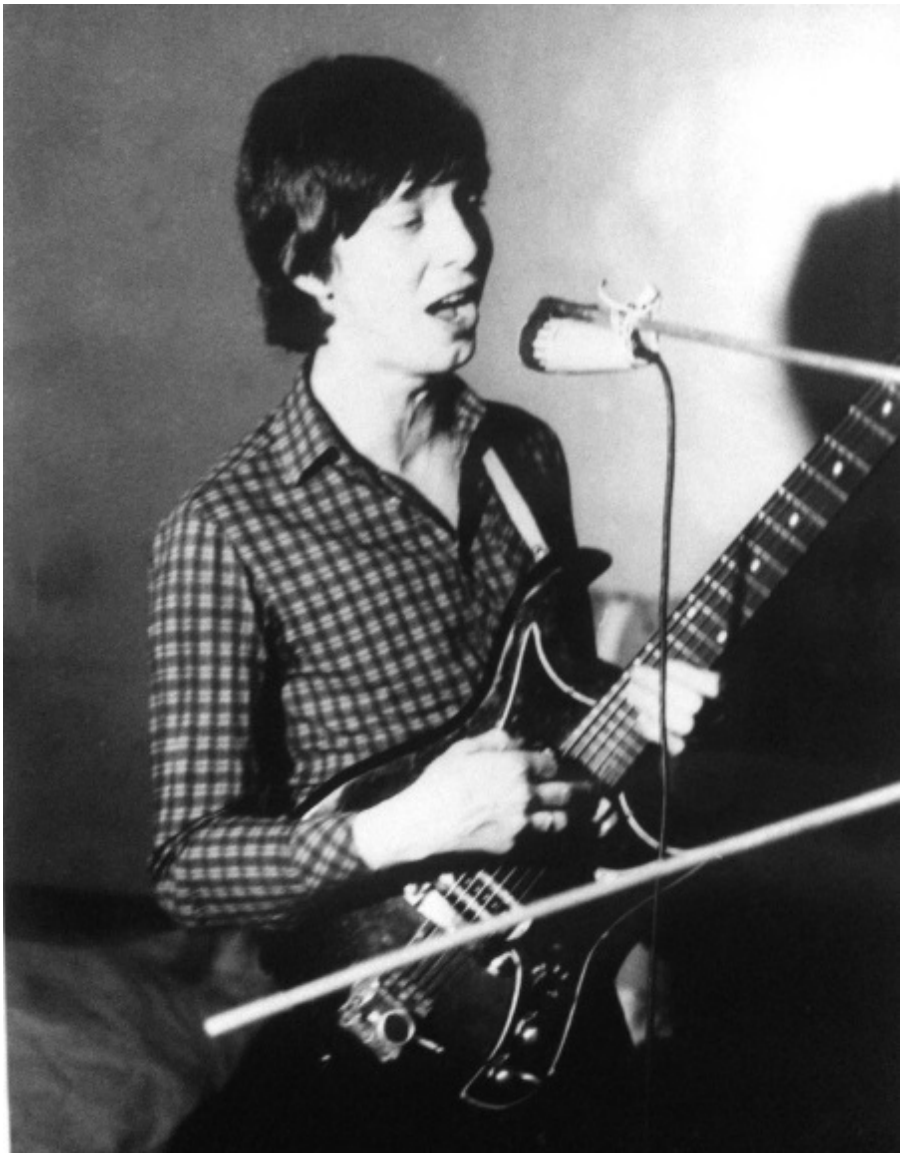
Николай же Фоменко, напротив, имел в детском роке более чем обширный практический опыт! Но для начала – бабушка пианистка, дедушка скрипач (вы ж понимаете!), потом музыкальная школа № 18 по классу скрипки, и как венец – оркестр Дворца пионеров имени Жданова, которым руководил знаменитый Марис Янсонс, а дирижировал Владимир Бадулин. Так вот, Коля Фоменко умудрился собрать рок-группу внутри этого оркестра, она называлась «Пластида»!

Правда, самые серьезные события произошли с Колей при игре в другой группе, совершенно безымянной, собранной им в

общеобразовательной школе. Она, честно говоря, и возникла только благодаря его усилиям! Именно семиклассник Коля Фоменко единолично выклянчил у шефов с завода «Светлана» инструменты и аппаратуру. И на выпускном вечере Коля надел на себя ту самую, синюю как море, гитару «Аэлита», выскочил на сцену и выдал несколько номеров из рок-оперы Jesus Christ Superstar… Со сцены его со скандалом стащили, потом, правда, вернули, но петь можно было уже только «Когда уйдем со школьного двора». Впрочем, этот слезливый хит Флярковского и Дидурова хулигана не реабилитировал. На следующий день в школу пришлось идти с отцом, потому что выдавать аттестат ему просто отказывались. Ну и зачем же было так рисковать?

Фома:

– Понимаешь, классе в шестом я впервые услышал группу из института имени Герцена… Они «в ноль» играли все самые последние вещи, типа, «Звезда Автострады» (по-нашему это Highway Star группы Deep Purple – *прим, переводчика)* и все такое. Ну… я моментально сума сошел и понял, что без этого жить дальше я просто не смогу! Ну, не смогу и все! И вот, когда появилась возможность, я просто не удержался!



«Ну… Пока не Харрисон… Но я решаю этот вопрос!»

У Андрея Заблудовского опыт рок-музицирования был не меньше. В своей общеобразовательной школе Андрюша вполне уверенно играл в школьном ВИА, правда… на барабанах. И уже в стенах ЛИСИ (Ленинградского инженерно-строительного института) он организовал группу с хулиганским названием «Хамелеончик ЗА», подарив ей свои инициалы.

Забл:

– Это все фигня. Важнее то, что преимущество Макса в теоретической подкованности ты несколько преувеличил. Я же

окончил музыкальную школу по классу скрипки, ту же, что и Фома, причем на два года раньше, и теорию музыки сдавал на выпускных экзаменах, также как и основы гармонии. Понял? Теперь о моих группах. Вот «Выход», который мы потом собрали в Доме работников здравоохранения, был делом уже серьезным. Альбом записали, на хороших концертах выступали… Меня даже Свин в «Автоматические Удовлетворители» приглашал! И, если бы не «Секрет», быть мне панком…

«Стенка шведская, говорите? Зато палочки советские!»

Послужной список Алексея Мурашова еще длиннее. Сначала,

конечно, детский вокально-инструментально-танцевальный ансамбль «Радуга», где Лешино мастерство игры на барабанах завоевало звание Лауреата III Всесоюзного конкурса самодеятельных исполнителей. Потом, в старших классах, были группы Guins и Grey Horse.

Мура:

– У меня в школе была кличка «Конь», потому что, типа, скакал везде, а второго парня звали Серега, «Серый», друг мой, потому и назвали мы себя Grey Horse, то есть «Серый конь»! Здорово, да?

Потом у Алеши были попытки влиться в коллектив «АПК» и достаточно серьезная работа в популярной в начале 80-х группе «Джунгли». Оттуда его, собственно, и вытащили в «Секрет»!

Вот теперь можно приступать и к самому «Секрету».

ВСЕСОЮЗНЫЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ
КУЛЬТУРЫ С С С Р

1 ОКТЯБРЯ 1984 ГОДА.

ЗАКРЫТЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПРОВЕРКИ СТУДИЙ ЗВУКОЗАПИСИ И ДИСКОТЕК НА ОСНОВАНИИ УКАЗА N361 ОТ 25.07.84 Г. "ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИА, ПОВЫШЕНИИ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО УРОВНЯ ИХ РЕПЕРТУАРА В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ ИЮНЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС ".

В ЦЕЛЯХ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ВЛИЯНИЕМ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ, ПОВЫШЕНИЯ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО УРОВНЯ РЕПЕРТУАРА САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ВИА, РОК-ГРУПП И ДИСКОТЕК, ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОДЕРЖАНИЕМ И КАЧЕСТВОМ РАБОТ ЭТИХ КОЛЛЕКТИВОВ, РЕКОМЕНДУЕТСЯ ЗАПРЕТИТЬ ПРОИГРЫВАНИЕ В Г.МОСКВЕ ПРАМЗЛАСТИНОК, КАССЕТ, ВИДЕОЗАПИСЕЙ, КНИГ, ПЛАКАТОВ И ДР. ПРОДУКЦИИ, ОТРАЖАЮЩЕЙ ТВОРЧЕСТВО СЛЕДУЮЩИХ ГРУПП:

1. НЕМЕЦКО-ПОЛЬСКАЯ АГРЕССИЯ
2. НЕМЕЦКО-АМЕРИКАНСКАЯ ДРУЖБА
3. РАЙНГОЛЬД
4. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
5. ОТСУТСТВУЮЩИЕ ЦВЕТА
6. КГБ
7. КРЕМЛЬ И ХОРОШИЙ НАРОД
8. 1948
9. ЗЛАТА ПРАГА
10. БЕЛЫЙ КРЕМЛЬ
11. ЧЕРНЫЕ РУССКИЕ
12. РОССИЯ
13. КОВАННЫЕ КОМИССАРЫ
14. ПЕТРОГРАДСКОЕ РЕВЮ
15. БЛЮ ОЙСТЕР КАЛТ
16. РАМОНС
17. ДИАГНОЗ
18. ХОЛНЕР БИГЕ
19. ВЕРОНИКА ФИШЕР
20. ФИГУРА
21. КИСС
22. ЭРИХ ХАНГ
23. ПРОПАГАНДА
24. ДИП ПРЕСС
25. СПЛАФФ
26. НИНА ХАГАН
27. Б-52
28. СТИКС
29. НЕДНЕСС
30. СЕКС-ПИСТОЛЗ
31. КЛЕШ
32. СТРЕНГЕРС
33. КРОКУС
34. АЙРОН МЕЙДЕН
35. ДЖУДАС ПРИСТ
36. АС/ДС
37. СПИНЕРС
38. ЛА БИОНДА
39. ДЖУНИПЕР ЭНГЛИ
40. КЕННИ ХИТ
41. ВАН ХАЙЛЕН
42. ЯЗУ
43. ТЕН-СИ-СИ
44. БЛОНДИ И ДЕББИ ХАРРИ
45. ХУЛИО ИГЛЕСИАС
46. УФО
47. БЛЭК САББАТ
48. ЭЛИС КУПЕР
49. ХУ
50. СКОРПИОНЗ
51. ЧИНГИЗ-ХАН
52. ПИНК ФЛОЙД (1983 Г.)
53. ТОКАН-ХЕДС
54. ПЕРРОН
55. ВАТТИ СМИТ
56. ЭЛВИС КОСТЕЛЛО
57. ВЭЛ ХАЛЕРС
58. МАЙКЛ ДЖЕКСОН
59. ДЮРАН-ДЮРАН
60. РОД СТЮАРТ
61. ГАННИБЛ
62. ХОТ 'РС'
63. МИЛК ЭНД ХАНИ
64. ЧЕРРИ ЛЕЙН
65. КРАФТВЕРК
66. НАЗАРЕТ
67. КАЛЧЕ КЛАБ
68. ДЕВЕН ИЭЛ
69. ВИЛЛЕ ВИЛЛЯ
70. СТУДЖИС
71. БЕЙЗ
72. САНТА ЭСМЕРАЛЬДА
73. МЕНИК МАШИН
74. ОРИДЖИНЕЛС
75. ВЭССЕНДЖЕРС
76. УОСП
77. ЗСИА
78. ОЗЗИ ОСБОРН
79. МОТОРХЕД
80. ЧИП ТРИК
81. СПИД
82. ЭКС
83. ЭКСЕПТ
84. САКСОН
85. КАРС
86. ДЭФ ЛЕПАРД
87. ДИО
88. КИЛЛЕР
89. МЕТАЛЛИКА
90. ТЕНК

«Родина! Тебе я славу пою…»

Эх, Расея-матушка!..

И поэту тебя не просто хороший рифмовальщик, а «больше, чем поэт», и Богу тут молятся до черепно-мозговых травм, и понятие «русский рок» отвечает сразу двум смыслам этого слова…

К середине 70-х годов среди рок-групп на Западе наметилось серьезное расслоение. Кто-то ушел в интеллектуальном направлении – Pink Floyd, Genesis, Yes, King Crimson, Gentle Giant, а кто-то резко «утяжелился», как Grand Funk, Deep Purple, Black Sabbath, Nazareth. Некоторые пошли в маргинальный «панк», типа Sex Pistols, Clash, Ramones, а достаточно мощный поток направился в сторону легкого и веселого поп-рока – ABBA, Mud, Middle of the Road, Smokie.

Изначально в формировании музыкальных вкусов советской молодежи господствовало протестное направление – чем громче и тяжелее, тем лучше, ибо ненавистнее предкам и властям. Но в начале 80-х стали появляться команды, ведущие творческий поиск в мажорно-позитивном направлении.

Здесь и наш с Серегой Минаевым «Город», и Сюткинский «Телефон», и «Браво» Хавтана и Агузаровой… В общем, потребность в такой группе, как «Секрет», стала очевидной, и тут дело даже не в «Игре в "Битлз"», а совсем в другом.

Вот вспомните, насколько тяжелым был наш рок в те времена! Не в смысле банального «хард-н-хэви», а с точки зрения «нагруженности высокими смыслами»!

Чего греха таить, за редкими исключениями он был просто невыносимо занудным, а в большинстве своем таким и остался по прошествии 35 лет!

Дело в том, что техника владения инструментами, английский язык и общая музыкальная культура для большинства наших самодеятельных рокеров всегда были ахиллесовой пятой. По крайней мере, до недавнего времени. И при всем внешнем англоязычном влиянии их корни удивительно глубоко сидят в российской почве. Заявляю с полной ответственностью, что наш родной аутентичный рок вырос отнюдь не из вкусных битловских гармоний, не из рваных стоунзовских ритмов, не из пронзительной мелодики цеппелинов и тяжелого диппепловского драйва! Он совершенно естественным образом возник из трехаккордовой «авторской песни», из которой по дороге просто куда-то выпали глубинная мудрость Окуджавы, острый сарказм Галича, воздушная легкость Кима и рвущий душу темперамент

Высоцкого. А… что тогда в нем осталось-то, а?

Это я пока только о содержании нашего рока, но если вспоминать о форме, то все еще печальнее!

Тут даже можно употребить некую философско-социологическую конструкцию «люмпен-интеллигенция», ибо весь советский истеблишмент совершенно сознательно объявлял и делал рок-музыкантов маргиналами. Они и рады были гордо нести свое аутсайдерство, ведь фраза БГ о «поколении дворников и сторожей» относится не только к ленинградскому року, но и ко всей субкультуре вообще!

А уж перенос на российскую почву культуры хиппи и панков, по очереди везде сопутствовавших рок-музыке, совершил самое настоящее санитарно-гигиеническое преступление перед всем советским обществом! Не согласны? А вы вспомните!

Впервые прогрессивная советская молодежь узрела длинные волосы, драные джинсы и разрисованные человеческие тела только на фотографиях из газет, журналов и на обложках дисков 70-х годов. Большинство из этих фото были исключительно дурного качества, порой переснятые несколько раз, поэтому наши «модные рок-мальчики» были просто не в курсе, что протертые джинсы на их героях аккуратно выстираны, волосы тщательно вымыты, а разрисованное яркими красками тело каждый вечер и каждое утро ходит под горячий душ…

Словом, благоухало наше рок-движение 70-х точно в такой же степени, как сибирский стройбат по дороге в субботнюю баню.

А еще тут и особенности русского языка, который в принципе не предназначен для эстрадных песен, а уж для рок-музыки в квадрате… Утверждаю сие с полной ответственностью, ибо много лет занимаюсь этим вопросом, да и сослаться мне есть на кого!

Андрей Макаревич:

– Мы с композитором Матецким, который тогда, собственно, и композитором-то еще не был, долго спорили и пришли к выводу, что истинный рок-н-ролл, то есть настоящий, «битловский», на русском языке делать просто невозможно. Отношение к смыслу в наших культурах сложилось совершенно разное. Исключения возможны, но только подтверждающие правила!

Наглядной иллюстрацией этой истине и сегодня служат герои телешоу «Голос». В большинстве случаев человек, блестяще показавший себя в исполнении западного хита, выглядит совершенно беспомощно и серо, исполняя материал на родном языке. Почему? Отвечаю.

Знаете ли вы, что по правилам литературного французского

языка ударения ВО ВСЕХ словах стоят только на последнем слоге? Неудобно с точки зрения различных стихотворных размеров, правда? Так вот, для стихов, особенно песенных, во Франции в течение уже многих веков принят целый ряд филологических исключений: гласные могут добавляться, выбрасываться, ударение перебегать на другой слог, и все это воспринимается совершенно нормально! То есть язык сам себя модифицировал под поэтическую и вокальную культуру.

В английском же языке большинство слов – одно– и двухсложные, уложить их в любой стихотворный размер элементарно, рифма в нечетных строках столь редка, что относится к счастливым подаркам судьбы, да и вообще, почитайте текст хотя бы великой Child in Time группы Deep Purple, сколько вы там найдете рифм? Лично я полторы. Настоящую: «head-ricochet» и весьма сомнительную «time-line»… Но воспринимается это слушателями совершенно нормально, причем не по причине бескультурья, а по давней традиции! А вот наше русскоязычное сознание (если оно есть, конечно) до сих пор каждую строчку и каждую рифму в рок-песне меряет на аршин Пушкина или, на худой конец, Резника!

Вывод: к английской рок-балладе, французскому шансону или итальянской песне писать тексты может любой мало-мальски грамотный человек, чем, собственно, и заняты сами композиторы, а вот право слагать вирши на русском языке нужно заработать особым талантом, профессионализмом или хотя бы определенным уровнем знаний и культуры, иначе это воспринимается как живопись обезьяны.

Кстати, говоря о языке, неплохо бы вспомнить и о новом музыкальном племени, гордо именующем себя «рэперы». Знаете, что такое РЭП? Это аббревиатура! RAP: Rhythmic American Poetry – «ритмическая американская поэзия». Ну и за что Кадыров дал Тимати «Заслуженного»? За адаптацию творчества уличных бандитов из Южного Бронкса?

А уж сценические образы и поведение на сцене… мама дорогая! Внимание публики привлекалось любыми средствами! И брызгами пота на первые ряды, и разрисованными, как в мультяшке, рожами, и матерными названиями, и телодвижениями на уровне сексуально неудовлетворенного зомби…

Помню рассказ моего друга, композитора Мити Гинзбурга. Когда-то он был гитаристом в нашей группе «Город», а потом основал весьма популярное электронное трио «НРГ», но между этими событиями он пробовал пройти конкурс на замещение вакансии в джаз-рок-группе «Рондо».

Дмитрий Гинзбург:

– Я достал свой «фендер», подключил его, настроил и быстренько сыграл соло из их самой известной песни, а потом оттараканил что-то из Клэптона. «Звезды» молчали, а Литвин отхлебнул пива и произнес: «Покажи, как попсуешь? – Что я делаю?… – Попсуешь. Ну, как ты на сцене жопой трясешь?» После этого вопроса я молча зачехлил гитару и, не прощаясь, ушел.

В общем, вся Россия начала 80-х – что зрители, что музыканты! – изнемогала в ожидании кого-нибудь легкого, веселого, неглупого, аккуратно одетого, артистичного, грамотного, пластичного и при этом… настоящего!

И они появились!

«Ах, эта свадьба!»

Вот кто сегодня может связать имя Андрея Дежонова, киноактера и режиссера Национального театра Карелии с группой «Секрет»? Да почти никто… А ведь именно на его свадьбе (тогда его звали Андрей Анисимов) компания друзей-однокурсников по ЛГИТМиКу – Макса Леонидова, Коли Фоменко, Димы Рубина и Саши Калинина – немного выпили и… попросили ресторанный ансамбль уступить им инструменты. Николай Фоменко, правда, учился в другой группе, но общих друзей и знакомых было достаточно для его появления на этом торжестве.

Надо сказать, что до этой свадьбы совместное музыкальное творчество уже присутствовало, но ограничивалось выступлениями дуэта Макс-Дима в широкополых шляпах с гитарами в руках. Тогда они косили под «Саймона и Гарфанкела», о Битлах даже не помышляя. Впрочем, такие «нетленки» как «Именины у Кристины», «Алиса» и бессмертный «Привет» в их исполнении уже звучали!

Ну, чем не Пол Саймон с Артом Гарфанкелом?

Тот самый «квартирник»!

Алексей Либов:

– Как-то в начале 80-х мы с Заблом пришли на какую-то типичную питерскую огромную и запущенную коммунальную квартиру, ты такие видел. И вот там, в самой большой комнате, был «квартирник»: выступал дуэт – Максим Леонидов и Дима Рубин. Очень скромно, интеллигентно… Совершенно не в тенденции, что меня очень удивило и заинтересовало! Ты ж помнишь, как тогда было: «Уронили пленку на пол – размотался весь "Дип Папл"!»

Но на той Анисимовской свадьбе их стало четверо! Как там оказался Фома, мне вообще не понятно, ибо он учился на курсе у другого мастера…

Фома:

– А мы с Анисимовым дружили с детства! В студию детского творчества ходили, потому я и оказался на его свадьбе!

Перебил, гад! Нарушил стройный ход моего повествования, но, должен признаться, что по делу, эта информация, конечно же, полезна.

В общем, ни к чему они специально не готовились, это была чистой воды импровизация, они даже не решили, кто на каком инструменте играет, и что они, собственно, будут петь! Более того, меняясь гитарой с кем-то, Макс уронил на пол чужой

«Фендер-стратокастер»… Слава Богу, все обошлось, а то бы его тогда просто убили, ведь шел 1982 год!

И вдруг прозвучала Hard Day's Night…

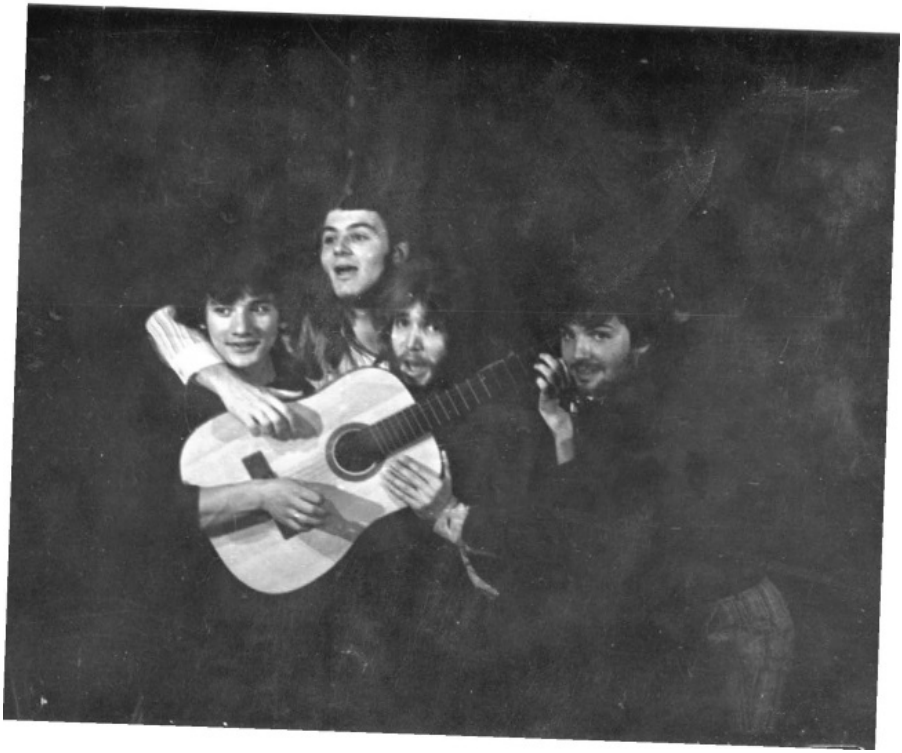
Ну, я никогда не поверю, что сыграли и спели они четко и слаженно. У непрофесионалов без репетиции это просто исключено, но выпито уже было изрядно, а посему последовали бурные овации, и будущим секретам в душу закралось чувство: а может… попробовать? Чем мы хуже?

Дмитрий Рубин:

– Честно говоря, у меня осталось не слишком радужное впечатление от этого выступления. Коряво было сыграно. Но народу понравилось – веселье, радость… Ну, и почему-то решили мы тогда начать совместные репетиции, благо для будущего выпускного спектакля ЛГИТМиК приобрел комплект музыкальных инструментов, и для нас он оказался как нельзя кстати!

Вначале группу, кстати, хотели назвать «Кристина», по рубинско-лео-нидовской песне. И хотя трое битлов учились на курсе Додина-Кацмана, а Коля Фоменко был с курса Игоря Горбачева, но на поточных лекциях (ну, всякая история КПСС, истмат, диамат, вы ж понимаете!) они обычно садились рядом и ТВОРИЛИ. Именно на такой лекции и возникло название «Секрет». Бумажку с битловским названием Do You Want to Know a Secret просто вытащили из шляпы!

В переводе это звучит как «Хочешь знать секрет?» В общем, сами того не зная, «Битлз» посодействовали нашим героям в обретении своего имени.



Коля Фоменко, Максим Леонидов, Саша Калинин, Дима Рубин. Они так хотели быть «Кристиной»

«Просто ты скучаешь по битлам!»

А, кстати, почему на советскую молодежь так подействовали именно «Битлз», в чем магия этой команды? Ведь такие мировые звезды, как Элвис Пресли, Чак Берри, Билл Хейли, Рэй Чарльз и Джерри Ли Льюис начали играть рок намного раньше!

Честно говоря, я не знаю ответа, но вопросом этим задавалось множество музыковедов и социологов. Думаю, что и в недрах НИИГБ СССР на эту тему писалось и защищалось немало работ, ведь ни для кого не секрет, что первым червячком, растлившим души юных строителей коммунизма, была именно музыка «Битлз».

Покойный ветеран рок-движения Максим Капитановский даже посвятил этой теме полнометражный документальный фильм «Во всем прошу винить "Битлз"», который мы все смотрели с огромным удовольствием, но ответ на вопрос «почему именно они» так и не прозвучал[1].

Впрочем, я с удовольствием приведу некоторые высказывания известных людей, сделанные несколько лет назад для моей телепрограммы «Музыкальная история». Некоторых уже нет, но их слова на эту важную тему я просто обязан передать.

Георгий Гаранян:

– Мы, джазовые музыканты, никогда не принимали рок-группы, которые пришли на смену джазу. Это все было неинтересно, банально, примитивно… Но «Битлз» были неповторимы! Мелодии, гармонии, общие образы… Неповторимы!

Никита Богословский:

– «Битлз» это мой крест. Дело в том, что… много лет назад, очень давно, я прочитал в «Литературной газете» статью о том, что вот, какие-то ребята из Ливерпуля, или еще какого города, выступили публично, и спели «долой Бетховена!» Ну, меня как приверженца не только песенной, но и классической музыки, это очень возмутило, и я написал ироническую статью в «Литературную газету» о том, что Бетховен будетжить всегда, а «Битлз», эти «Жуки», они скоро исчезнут… Вот этот случай, за который я себя кляну, и винюсь перед всеми теми людьми, которые меня за это осуждали, ведь я же их тогда даже и не слышал. А когда услышал и понял, что это просто здорово, было уже поздно!

Михаил Боярский:

– Всю жизнь, всю жизнь у меня была мечта поздороваться с ними за руку, которая реализовалась тогда, когда я познакомился с Ринго Старром, а потом и с Полом Маккартни. Это все равно что встретиться с ангелом-хранителем! Вот, послушай, что для меня счастье: рассвет, закат, кусок хлеба, вода и «Битлз». Ну… еще покурить, выпить и полюбить красивую женщину!

А это сам Автор в 1972 году! Все понятно?

Андрей Макаревич:

– У меня есть все пластинки битлов, они есть уже много лет,

но я их давно уже не слушаю. Мне их не нужно слушать, я просто у себя в голове включаю кнопочку, и они звучат, со всеми нюансами, деталями, подробностями!

Макс:

– …а потом случилось главное в моей тогдашней жизни – я услышал «Битлз». Я тогда уже был большим мальчиком, учился в школе, но с этого момента моя жизнь совершенно изменилась: возникло ощущение, что раньше я смотрел на мир через мутное стекло, и вдруг его разбили! Я обрел своего Бога и понял, что теперь знаю, куда мне идти и чего добиваться.

Фома:

– Я был во втором классе, сестра принесла пластинку, знаешь, такую, за 70 копеек, маленькую, я там одну сторону прослушал – все мимо, гармошки какие-то, а вторая сторона начиналась с Can't Buy Me Love. И… в принципе, все. Вот в эту секунду – как бутылкой по башке! И дальше – все. Вот, до сих пор!

В общем, любовь к битлам как-то сразу объединила ребят, заставив создать ГРУППУ и начать репетиции. Уже под названием «Секрет» была даже написана песня «Обращение к фотографии», там каждый из секретов говорил сокровенные слова каждому из битлов, обращаясь: «Мистер Ринго, мистер Джордж, мистер Пол, мистер Джон…» В общем, обычные щенячие сопли, но честные и трогательные. И даже прямая музыкальная цитата из битловской This Boy ухо здесь не корежит.

Вообще, изобилие цитат у «Секрета», в отличие от прочих коллег, выглядит исключительно органично! Но об этом позже.

А вот репетиции новой группы проходили (внимание!) с 7 часов утра, ибо другого совместно свободного времени музыканты найти физически не могли: занятия на курсе начинались с девяти утра, а заканчивались иногда и ближе к полуночи.

В связи с этим достаточно скоро ударника Сашу Калинина в группе сменил Леша Мурашов, но, несмотря на уже начавшуюся «Игру в "Битлз"», аналогий с Питом Бестом тут искать не стоит, в нее, скорее, вписался некто Панкер, но это было значительно позже и заслуживает особой истории. А эта скорее похожа на сюжет со Стюартом Сатклиффом: Саша решил, что как музыкант он из себя ничего не представляет, а вот на актерской профессии следует сосредоточиться, тем более что и на молодую семью требовались время и деньги, причем немалые.

В разговоре со мной Александр Калинин совершенно не удивился вопросу, пожалел ли он о своем решении. Естественно,

что об этом его спрашивают уже больше тридцати лет! Думаю, что он был честен, объяснив ситуацию так.

Александр Калинин:

– Я был старше всех почти на пять лет! Я пришел учиться на актера, уже имея одно высшее образование и семью, так что вполне естественно, что нужно было сделать главный упор на основную выбранную мной профессию. Жалости об этом никогда не было, была лишь гордость за сам факт сопричастности к такому явлению, как «Секрет». Вот только сейчас начинаю думать, а уж так ли я хорошо реализовался в сделанном выборе…

Алексей Мурашов:

– Мне тогда позвонил Макс. Ему дал номер мой ныне покойный друг Сережа Назаренко. Сначала предложение было сделано ему, но он отказался и дал мой телефон. Ну, раздался звонок, я взял трубку, и Максим говорит: «Алексей, не хочешь ли ты завтра приехать на репетицию новой группы на Моховую улицу, к семи часам утра?» И я сразу согласился! Вот сразу! И совершенно не понимаю почему, ведь мне для этого надо было вставать ровно в пять. Это было… да, это было осенью 1982 года! Вот, не помню… Брежнев уже умер к тому времени или нет? Помню, что я по этому поводу сильно плакал, но был ли я тогда уже в «Секрете» – не помню!

Здесь нужно отметить первую проблему, которая возникала перед отцами-основателями. Дело в том, что Леша Мурашов… не был битломаном! Эта история как-то проскочила мимо него, его увлечения были другими: юный Мурик был квиноманом и слэйдоманом одновременно! Как эти два совершенно разных стиля музыки в нем уживались, он сам сегодня объяснить не может, но факт остается фактом.

Так почему же Леонидов и Фоменко, которые совсем недавно клялись в верности Великим Битлам, так «прогнулись» и взяли в команду чужака? Думаю, что объяснение одно: преклонение перед высочайшим профессионализмом Мурика. Дело в том, что когда Леша пришел на ту самую репетицию в семь утра, первое, что он сделал – попросил отвертку. Ребята были поражены! Они даже не знали, что барабаны иногда нужно настраивать! Это сняло все вопросы и сомнения.

Только Фома, полностью соответствуя своему имени, так и не смог целиком довериться барабанщику, не воткнувшемуся в битлов на всю голову. Сегодня он говорит, что ничего особенного в этом не было, битломания не была обязательной, но вот сам Мура вспоминает, что в течение нескольких дней Фома к нему

тщательно «принюхивался», а потом, видимо, решившись, повел в ближайшую кофейню кушать эклеры, и уже там, по выражению Муры, «дал Ленина»!

В течение недели тематического потребления эклеров Коля очень вкрадчиво, но твердо подвел Алексея к пониманию того, что «круче "Битлз" только небо». Леша не столько принял эту позицию душой, сколько согласился, чтобы не расстраивать так сильно переживающего товарища…

Наш Алексей вообще очень мягкий и доброжелательный человек, ну, чистый Ринго!

Кстати, здесь имеет смысл привести конкретный пример того, что в первое время «секреты» все были равны в правах и авторитетах, а также в степени вовлеченности в творчество.

Именно Мура и придумал вторую составную часть названия: «бит-квартет».

Макс:

– Ни фига! Бит-квартет не Мурик придумал. Это я прочитал на одной из битловских пластинок: «beat-combo».

Мура:

– Ну! Правильно, принес и рассказал. А я тогда сказал: «квартет». Мне слово очень понравилось!

Именно в этом составе и состоялся первый концерт под названием «Секрет». Ребят за что-то полюбил Майк Науменко и позвал в Москву работать разогревом перед «Зоопарком». Концерт состоялся в ДК Часового завода в районе Белорусского вокзала.

Коля Фоменко, Дима Рубин, Леша Мурашов, Макс Леонидов. Эти люди приехали завоевать Москву!

Владимир Рацкевич:

– Они тогда играли на аппаратуре «Рубиновой атаки». Приличных и доступных комплектов в Москве было всего несколько штук, все распространители билетов знали, какой доступен, и тогда договорились со мной. Я не знаю, почем были билеты на тот концерт «Зоопарк» + «Секрет», но мы за аппарат получили, по-моему, сто рублей. Тех, настоящих.

Впечатления от того концерта у ребят остались не самые лучшие. Они считали, что провалились, но старший друг и кумир, Майк, в поезде на обратном пути их успокаивал и поздравлял с успешным дебютом.

«Ты скажи хотя бы, как тебя зовут!»

Однажды я спросил Леонидова, почему почти все девочки в секретовских песнях носят необычные имена: Алиса, Кристина, Арина, Сара, Лиза… Макс объяснял это желанием самим вырваться за рамки серой действительности и помочь это сделать зрителям.

В общем, получилось, но мало кто обратил внимание на то, что одну из девочек действительность все-таки настигла. Если в начале «Секрета» Алиса была «совсем как дитя» и «почти всегда дома», то в песне «Ленинградское время» вместе с нагрянувшей перестройкой она обрела вполне конкретное призвание: «Алиса и Лариса посадят Джона или Криса в тачку и свезут домой к Марине».

Вполне типичная для конца 80-х история – наивная четырнадцатилетняя мамина дочка к семнадцати годам уже переставала хлопать глазами, а к девятнадцати уже становилась вполне сложившейся «интердевочкой».

Не знаю, к Фрейду или Юнгу здесь нужно обращаться, но, в отличие от девочек, герои секретовских песен мужеска пола практически всегда были безымянны. Только в новом веке у Макса появились «Ерема», «Лилипут Митрофанов», «Патрульный Петров» и «Гад Иванов», а до них – ни-ни. Что за анонимщина такая? Мне все это стало очень интересно, и я, готовя книгу, решил залезть в историю с именами самих «секретов».

Если кто не знает, у североамериканских индейцев есть занятная традиция. При рождении ребенок получает лишь временное имя, а уже потом, вступив во взрослую жизнь, на собрании племени ему дают имя постоянное, отражающее его характер, образ жизни. Впоследствии, кстати, и оно может поменяться в зависимости от происходящих событий и совершаемых поступков.

И у нас в традиции есть нечто похожее, только новое имя называют прозвищем, псевдонимом, кличкой, позывным, ником, «погонялом»… Дают его обычно в профессионально-неформальной среде, будь то взвод спецназа, шайка бандитов или рок-группа.

Внутри музыкальной и фанатской тусовки уже 30 лет не

стоит вопроса, кто имеется в виду, когда звучат имена «Макс», «Фома», «Забл» и «Мура». Фамилии здесь уже совсем не нужны, также как и в случаях, скажем, Макара, Гули, Криса или Вайта.

(В период трио, правда, ребята решили было еще раз поменять имена и стали Кокой, Зябой и Лешиком, но это не прижилось и долго не продержалось.)

Юный Алеша с родителями

Но и с паспортными именами у музыкантов «Секрета» связано довольно много интересного. На имени Алеши Мурашова, например, настояла тетка, а ведь родители собирались назвать его… Максимом! Сам он по этому поводу даже радуется, представляя, «как неудобно было бы, что в одной команде два человека с таким редким именем!»

Маленький Максимка с отцом

Максим же Леонидов о происхождении своего имени не может сказать ничего, он просто не знает, почему его родители назвали именно так, а вот про фамилию может! Многие думают, что это его псевдоним, ибо звучит как-то не слишком естественно, но это именно фамилия, которую Макс носит с самого рождения! А вот отец его, известный в Ленинграде театральный актер, взял ее именно как благозвучный псевдоним! Кстати, в свое время

довольно часто путали ленинградского артиста Леонида Леонидова и московского, с точно таким же именем!

Но искушенный в закулисных интригах театроман точно знает, что различие между ними колоссальное! Московский (МХАТовский) Леонид Леонидов в детстве и юности отзывался на фамилию Вольфензон (на идише «Сын Волка»), а ленинградский – Шапиро (на иврите – «Красивый»)! Так что, как говорят у нас в Одессе, это две большие разницы.

Макс:

– Фамилия Шапиро носит сефардские корни (к ивриту отношения не имеет), происходит от слова «сапфир».

Я:

– А вот и имеет! Я понимаю, что иврит ты знаешь значительно лучше меня, но открой «википедию» и посмотри: «Сапфир (от др. – греч. σάπφειρος (sappheiros) – синий камень, возможно от ивр. ספיר (sapir)»

А еще Макс рассказал мне довольно занятную историю. Дело в том, что у московского Леонидова был внебрачный сын, которого звали Павлом. Этот Павел Леонидов в конце 70-х работал администратором Владимира Высоцкого, а в фильме «Высоцкий. Спасибо, что живой» его роль сыграл именно Максим Леонидов, так что история и здесь описала довольно занятный пируэт!

Коля, славный потомок митрополита

Коля же Фоменко всю жизнь гордится и всерьез занимается своей генеалогией. При разговоре об именах он поведал мне, что основатель их рода, митрополит московский Иоасаф (Скрипицын), похоронен в Троице-Сергиевой Лавре, настоятелем которой он был при Иоанне Грозном, а Николаем его назвали в честь деда, скрипача с огромным дарованием и непростой судьбой, Николая Федорова.

Но самая занятная история, связанная с именами, лежит в семье Андрея Заблудовского, и здесь, пожалуй, нужно сделать еще одно общеисторическое отступление.

То, что Джордж Оруэлл в романе «1984» назвал «новоязом», то есть языком нового времени, на самом деле не было придумкой гениального прозаика и публициста. Этот «новояз» реально возник в 20-30-е годы в СССР и выразился в таких словах как «колхоз», «комсомол», «жэк» и многих других, сохранившихся

и поныне. Крамольники-литераторы сразу же стали активно пародировать это явление, что выразилось в изумительных сокращениях, типа «Лижи» (Литература и Жизнь), «Совраска» (Советская Россия) и «Липа» (Литературная Панорама), впоследствии переименованная в «Литобоз» (Литературное Обозрение). По этому же принципу звания Герой Социалистического Труда и Заслуженный работник культуры превратились в «Гертруду» и «Засраку».

Но самое тяжкое наследие того времени досталось людям, получившим в те годы новые имена.

Борьба с влиянием православной церкви, то есть с «опиумом для народа» приобретала самые абсурдные формы, например, исключение из бытовой практики имен, собранных в святцах. Таким образом, по мнению идеологов, место традиционных Владимира, Марка, Евстафия, Елены и Нины должны были занять Владилен (ВЛАДИмир ЛЕНин), Марлен (МАРкс и ЛЕНин), Ивсталий (И. В. СТАЛИн), Вилена (В.И. ЛЕНин) и Нинель (Ленин наоборот). Все это нашло определенное пародийное отражение в литературных произведениях двадцатых и тридцатых годов, достаточно вспомнить, хотя бы «Республику ШКИД», в которой беспризорники с удовольствием конструировали имена типа Викниксор, Косталмед, Амвон и прочие.

(Вообще-то, мне думается, что я здесь нашел материал для отдельного исследования, ибо все эти новообразования, включая оккультное прочтение имени наоборот, дают иллюстрацию к инфернальной сущности всей коммунистической идеологии. Ее сутью было вытеснение классической уваровской триады – Православие, Самодержавие и Народность, и замена ее на совершенно бесовскую: Коммунизм, Диктатура пролетариата и Классовая борьба.)

Явно нездоровая психика составителей коммунистических святцев иногда сочеталась с мрачным, порой скабрезным, фрейдистским юмором, следствием чего было появление таких имен, как Даздраперма и Герпепята (ДА ЗДРАвствует ПЕРвое МАя и ГЕРой ПЕрвой ПЯТилетки).

Некоторые новоязовские имена звучали достаточно благозвучно, и поэтому повзрослевшие КИМ (Коммунистический Интернационал Молодежи) Рыжов и МЭЛОР (Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская Революция) Стуруа в период оттепели паспорта не поменяли, но большинство Индустриев и Октябрин все-таки стали Игорями и Оксанами.

Думаете, что здесь я «не в тему»? И зря!

Когда лет двадцать назад я впервые увидел паспорт Забла, отчество «Изилевич» вызвало у меня гадкое хихиканье и

уверенность в том, что его папа носит древнее и гордое имя Израиль, один слог которого просто вывалился из-под пера нетрезвого паспортиста.

Чуть позже я с удивлением узнал, что Изиль Заблудовский является одним из старейших актеров БДТ имени Горького, и вся страна его знает как «человека с кислым лицом» из фильма «Трое в лодке, не считая собаки» (помните: «В сад, сэр, в сад!»). Но когда я услышал, что самого Андрея близкие друзья иногда называют «Взиль», мне стало совсем интересно, и, подняв тему, я узнал очень поучительную историю.

*«Ну, Андрюша, описаешься – Взиле**ч**'!»*

Дело в том, что Ция Филипповна Иоффе и Захар Богданович Заблудовский произвели на свет своего любимого первенца на заре коммунистической юности, то есть в двадцатые годы. Соотнося образ своих действий с духом того времени, мальчика решили назвать Изиль, что значило «Исполняя Заветы ИЛЬича» (я, кстати, не понимаю, что им таки мешало Исполнять Заветы РАненого ИЛЬича, Фейга Каплан к тому времени уже произвела роковой выстрел!).

Тем не менее, Изиль Захарович Заблудовский вырос, стал артистом и уже в более нормальное время связал свою судьбу с Кирой Владимировной Нечай, дочерью профессиональных революционеров.

На рубеже 60-х, когда призрак коммунизма снова замаячил в речах наших государственных лидеров, в их семье тоже родился мальчик.

И вот тогда бабушка нашего героя, Милица Андреевна Нечай, души не чаявшая в своем зяте с таким идеологически выдержанным именем, в ультимативной форме потребовала, чтобы имя ее внука тоже соответствовало эпохе.

«Правда, я уже похож на дядю Додика Ойстраха?»

Рассуждала она так: если в двадцатые годы заветы Ильича мы только исполняли, то сейчас, когда известно, что наше поколение таки будет жить при коммунизме, мы их уже точно все выполнили. Таким образом, преемственность трех поколений советских людей должна была выразиться в имени Взиль Изильевич Заблудовский. Путем неимоверных ухищрений бабушку все же удалось переубедить, и глазастый мальчик получил аполитичное имя Андрей, ну, и слава Богу.

Уже в наше время, когда у Андрея родился сын, еще не получивший законное имя Костик (в честь Кинчева, кстати!), друзья по «Секрету», конечно же, отмечали его рождение. И вот на этой пьянке Макс Леонидов предложил:

– Слушай, назови его «Перевзиль»!

А в ответ на недоуменное молчание расшифровал:

– Ну, ведь Заветы ИЛЬича мы, судя по всему, уже Перевыполнили!

«The One and Only Billy Shears!»

И вот тут мы плавно подходим к выпускному спектаклю ЛГИТМиКа 1983 года, послужившему одним из главных толчков к взлету группы «Секрет».

Идея музыкального спектакля на театральном курсе Аркадия Кацмана и Льва Додина в ЛГИТМиКе возникла давно. Я не исключаю, что и набирали-то они курс уже с прицелом на мюзикл.

Кстати, давайте сделаем маленькое отступление и разберемся с иностранными словами «спектакль» и «мюзикл». Вот, спрашивается, почему они по-русски звучат именно так, а не наоборот: «спЕктакл» и «музИкль»? Ведь, по-хорошему, и то и другое – прилагательные, одно – латинского происхождения, другое – греческого, в переводе означающие «зрелищный», и «музыкальный», и употребляться должны с существительным «шоу», то есть, «показ». Но здесь дело исключительно во времени прихода этих слов в русский язык: одно пришло на рубеже XVII–XIX веков, а другое уже в XX.

А значит, слово «спектакль» пришло к нам из французского языка, а «мюзикл» из английского! Ведь в конце XVII – начале XIX века культурная ориентация России шла из Франции, а во второй половине XX – из США, вот и звучат эти слова соответственно произношению на языках-доно-рах!

Итак, на курсе Кацмана-Додина ставят мюзикл.

Макс:

– Знаешь, «Ах, эти звезды», все-таки не мюзикл.

Ну, хорошо, в строгом американском понимании терминов, это, конечно, не мюзикл. Но тогда я прошу сказать мне: а что это? Причем сказать не в длинной статье, а коротко, если уж не одним словом, то в одном предложении! Для этого сразу открою маленький секрет: сегодня достаточно войти в Ю-тюб, набрать «Ах, эти звезды!» и за каких-то 80 минут получить полное представление об этом действе[2].

Ну, что я вам могу сказать… Как же далеко шагнул шоу-бизнес за прошедшие три десятилетия! Глазами сегодняшнего искушенного зрителя все это было так наивно и плюшево, что даже диву даешься – с чего же весь ленинградский и даже московский бомонд по этому поводу с ума сходил? Но по тем временам это был, конечно, прорыв.

Грубо говоря, сегодняшние телешоу «Точь-в-точь» и «Один в один» просто внаглую «слизаны» с этого выпускного спектакля

ЛГИТМиКа.

А настоящих «звезд» в этом спектакле было две: Максим Леонидов и его единоутробная супруга Ирина Селезнева, которая лично на меня произвела большее впечатление, чем даже Макс, поющий за Армстронга, Пресли и какого-то певца стиля кантри. Валентина Толкунова, Анна Герман, Любовь Орлова и Робертино Лоретти в исполнении Селезневой и сегодня воспринимаются выше всякой критики.

«Ах, эти звезды!» Мане в роли Луи Армстронга. Сзади на банджо – Саша Калинин

Ну, а дальше с этим спектаклем начались настоящие чудеса. Говорят, что то же самое было в 1964 году в Москве, когда выпускной курс Щукинского училища давал «Доброго человека из Сезуана» в постановке Юрия Любимова.

Истосковавшийся по зрелищу советский народ буквально давился у стен Учебного театра, чтобы попасть на этот спектакль! Да что народ, маститые артисты и зарубежные дипломаты использовали все свои ресурсы, чтобы посмотреть «Ах, эти звезды».

Андрей Макаревич:

– Мы приехали в Ленинград, и после концерта нас повели на представление «Ах, эти звезды». Это был выпуск театрального училища, и это был спектакль, который очень нашумел. Они сделали сумасшедшие совершенно пародии на всех известных людей, даже «Машина Времени» там была тогда уже. И… там были западные люди, там был Армстронг, там были битлы. Все это базировалось на группе «Секрет», то есть музыкальная составляющая была сделана ими!

Ну, здесь Макар, конечно, выдает желаемое за действительное. Во-первых, «Секрета» в классическом составе там еще не было, только Макс, числившийся музыкальным руководителем этого спектакля, которому истинная любовь к битлам даже не позволила пародировать кумиров живым звуком: короткий вступительный эпизод с группой «Битлз» было решено давать все-таки под фонограмму.

Или это Фоменко, полный ревности студент параллельного курса, настоял? Мол, как же это будет без меня-то? При этом нужно сказать, что Мурашов там иногда все-таки присутствовал, и не только изображая Ринго Старра, а и отрабатывая весь музыкальный ряд спектакля. Так было конкретно в ДС «Юбилейный», где при самом первом выходе Мура торжественно запорол трэш-концовку песни Муслима Магомаева «Ах, эта свадьба».

Ну, а Забл? А вот его-то еще в «Секрете» не было! Так когда же? Да скоро, скоро, полглавы еще потерпите!

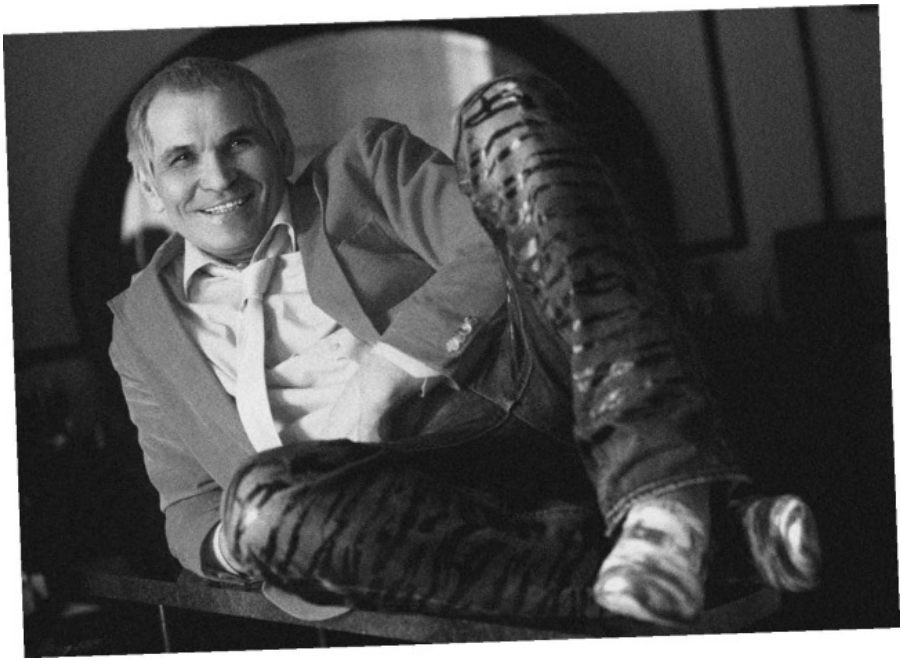
«Этого нам только не хватало!»

Зимой 1983 года Фома спродюсировал выступление «Секрета» в клубе «Эврика». Вообще-то, он это делал не однажды, но именно тогда и произошла следующая судьбоносная для команды встреча: это был Бари Алибасов, алчущий свежей крови.

Бари Алибасов:

– 30 декабря 1982 года мы дали последний концерт старым, легендарным составом «Интеграла», где были Лоза, Гумаров, Сандлер… В общем, ты понимаешь уровень. Мы не устраивали драк, мы не судились, не ругались, просто за год до этого договорились, что мы все уже сделали, прочесали страну так, что любо-дорого, ни одного приличного города не осталось. Всем было пора делать что-то новое. Ну и вот, в начале 1983 года Саратовская филармония дала названию отпуск на репетиционный период, и у меня было очень мало времени, чтобы набрать новый состав. И тут один мой друг, Александр Пучкин, конферансье и одновременно стукач КГБ (он позже стал Александром Воронковым, а потом вообще умер), сказал, что в Ленинграде есть прекрасный студенческий самодеятельный ансамбль, который можно брать целиком. Это ж как мне было удобно, сколько времени экономило! Я приехал в Ленинград, они меня позвали на репетицию и сыграли всю программу. Кстати, песни «Привет» в программе не было. Так вот, послушал я их, потом попросил поиграть каждого в отдельности… Понимаешь, у меня же было шоу лучшее в Союзе, слушаю их по одному – никто вообще играть не умеет! А вот вместе у них – ансамбль! Чудеса, да? Ну вот, Дима Рубин на басу хоть что-то умел. Я его отдельно и пригласил!

Что касается воспоминаний самих секретов, то все в один голос говорят, что самым ярким впечатлением от встречи с «ба-альшим пра-адюсе-ром» была его дубленка… Ярко-голубого цвета!



«Небось, до сих пор жалеете, зведы рок-н-ролла?»

Отслушав программу, Алибас-Барабас в своей традиционной манере заявил:

– Ну, все это, конечно, полное говно. Такая музыка никогда не будет популярной и никому не нужна, это не кто-нибудь, а я вам это говорю.

А после паузы добавил:

– Ну… я бы, конечно, мог попробовать взять вас в свою программу отдельным номером, но надо будет очень много работать… Не знаю, не знаю…

Такое оскорбление будущим битлам стерпеть было невозможно. И вот тут наступил звездный час Леши Мурашова. С деланно равнодушным лицом он поднялся и произнес великую фразу:

– Бари Каримович, я не первый год в рок-музыке, и не нужно учить меня, что и как играть.

И вышел.

Что было дальше и чем закончились переговоры, неважно. Жирная точка была поставлена. И до сих пор, каждый раз, когда кто-то из ребят вспоминает этот эпизод, начинается безумный хохот, а ведь больше тридцати лет прошло!

«Я не первый год в рок-музыке!»

Правда, через несколько дней Максиму позвонил Дима Рубин и сказал, что он… принял предложение Бари Алибасова. Ну, представляю, какой это был шок для Макса. Все-таки Дима Рубин – проверенный соратник с самого начала, один из «отцов-основателей» группы, к тому же – однокашник, с которым готовился и выпускной спектакль…

Но кроме этого, там была еще какая-то запутанная история. Разобраться в ней сейчас просто невозможно, но как автор я просто не могу упустить некий намек на острый сюжет в секретовской биографии. Рассказал мне его Панкер, подробный рассказ о котором будет позже.

Панкер:

– Мы тогда очень подружились с Димой Рубиным, были с ним ближе, чем с остальными, и я даже не знаю, что нас с ним рассорило. Но там был какой-то жуткий детектив, когда Диму забирали в «Интеграл», какая-то крайне темная история, со звонком Максу, что его кто-то где-то запер, держит и не пускает даже позвонить! Мы все были в изумлении, я так и не знаю, что там было… Пропал, потом вдруг как-то появился сразу… Вот, тридцать лет прошло, а я так и не могу разобраться в этом, все молчат… А ведь лучшие песни «Секрета» – это Рубин-Леонидов.

Впрочем, я подозреваю, что все гораздо проще: когда от меня уходят любимые женщины, они, чтобы избежать неприятных разговоров, обычно тоже сначала пропадают со связи и придумывают этому совершенно детективные объяснения, а потом мое неверие используют как отличный повод для ссоры.

Хотя… когда в деле замешан Бари Алибасов, может произойти ВСЕ!

В общем, Дима – ёк.

И тут очередная однокашница, Ада Булгакова-Заблудовская, с курса музкомедии, на лестнице, во время перекура между поточными занятиями, задала оставшимся «отцам-основателям» очень своевременный вопрос:

– Ну и как у вас там? Может, моего Забла возьмете?

Отцы переглянулись… А правда, почему нет? Ведь гитариста Андрея Заблудовского они знали много лет, недавно даже совместный концерт делали… Правда, ушел-то от них бас-гитарист, но, ничего, Фома готов переучиться на бас-гитару, тем более, что и Пол Маккартни был вынужден это сделать, когда ушел Стюарт Сатклифф!

Мура:

– И вот к нам на репетицию пришел Забл. Это была весна, апрель, и в этот день мы впервые в репетиционном помещении раскрыли окна…

Знаешь, вот у меня до сих пор осталось ощущение, что с его приходом в нашу комнату ворвался свет!

Это было 20 апреля 1983 года.

Это не просто гитарист. Это последний штрих для создания шедевра!

«Я – первый ученик среди ребят!»

Эта главка впервые затронет серьезнейшую для музыкантов проблему: «проблему Второго».

Мало кто над этим задумывался, но факт бесспорен: один лидер создать настоящую ГРУППУ не может, для этого нужны как минимум двое. Если он один, то все моментально вырождается в коммерческий проект

«Звезда и Фантики». Да, конечно, этот вариант куда стабильнее, но и прорыва от него ждать не следует. Только диалектическое единство и борьба ДВУХ противоположностей (простите за форшлаг) в состоянии придать творческой идее нужное ускорение. Примеры? Да пожалуйста!

Джон Леннон – Пол Маккартни, Мик Джаггер – Брайан Джонс (позднее Кит Ричардс, именно его полномерное включение, кстати, спасло роллингов от закисания), Гэри Брукер – Кит Рейд, Роджер Уотерс – Сид Барретт (почти сразу сменившийся Гилмором), Питер Гэбриэл – Фил Коллинз (ну, здесь все очень сложно, лидерство в разное время делили и Стив Хакетт, и Тони Бэнкс, и Джонатан Кинг), Фредди Меркюри – Брайан Мэй, ну и десятки других примеров, пусть и менее ярких.

На битлах следует остановиться особо, ибо какая-то звезда все время вела самоуверенного задиру и забияку Джона Леннона от самоутверждения и ссор с людьми, проявлявшими свое лидерство в совершенно разных аспектах деятельности группы. Его идеологическое господство было вроде бы бесспорным, но ведь не лез же он в драку с музыкальным и поначалу мягким Полом Маккартни, предприимчивым и активным Брайаном Эпстайном, чрезвычайно профессиональным и образованным Джорджем Мартином… Да и активность Харрисона со Старром всегда только поддерживалась! Инстинктивно? Сознательно? Теперь у него уже не спросишь.

Только вот, интересный момент. Уже после распада битлов каждый из них, создавая сольные проекты, привлекал к совместной работе максимально возможное число творческих ЛИЧНОСТЕЙ, не ограничиваясь техничным и послушным «студийным планктоном». Трудно с ними? Безусловно, но зато как интересно! Более того, в своей толерантности Маккартни явно перебрал, включив в один из альбомов группы Wings довольно серую песню в исполнении Джимми Маккаллоха… Не потянул-таки!

Пример Пола Маккартни, кстати, очень показателен. Все старания Маккартни создать еще одну «ГРУППУ» потерпели

фиаско. Уровень его таланта и масштаб личности оказались столь высоки, что в результате все пришло к уже упомянутой поп-формуле «Звезда и Фантики». С 80-х годов группы Wings уже нет. Альбомы записывает и дает концерты «Сэр Пол Маккартни и сопровождающие его лица».

А вот Ринго до сих пор играет в эти игры! Когда он со своим «плавающим» составом All STARR Band приезжал в Россию, мы были на этом концерте вместе с Заблом, и он даже всплакнул, когда Гэри Брукер, лидер группы Procol Harum, запел свою знаменитую Whiter Shade of Pale…

Обратите внимание, по отбору «замен» в команду и по отношению к ним отцов-основателей всегда можно понять, творит группа или уже просто «чешет по городам и весям», зарабатывая заслуженное бабло.

Когда на место неожиданно офигевшего от собственной звездности Мика Тейлора The Rolling Stones взяли Рона Вуда, у них все было еще впереди, и Вуд стал полноправным членом группы, кстати, и визуально дополнив образ команды. А вот когда Билла Уаймена, не желающего посыпать рок-подмостки старческим песком, сменил супертехничный Дэррил Джонс, его даже не включили в списочный состав группы, оставив на правах сайдмена! Джаггер с Ричардсом, кстати, уже имели такой опыт: клавишник Иэн Стюарт работал с «камнями» три десятилетия, но был слишком «благообразен» и не вписывался в общий разгульно-хулиганский образ, а посему в списочном составе также не значился…

С Дэррилом Джонсом, правда, было сложнее. Он, знаете ли, чернокож, а посему все вокруг очень быстро заговорили о расизме Джаггера и Ричардса, но потом все стало понятно: дело даже не в том, что на фотографиях он не смотрелся бы в ряду остальных «уродцев», а просто с новыми музыкальными идеями в группе явно не катило…

А вот и родной пример. В нашей «Машине Времени» кроме приджа-зованно-каэспешного Макара в творческом процессе всегда участвовали несколько человек: сначала отец-основатель, вдумчивый Сергей Кавагоэ, потом отвязно-блюзовый Гуля, поп-роковый Кутиков, консерваторский умник Зайцев, безумно музыкальный гороховый шут Петька… Вот и была российская СУПЕРГРУППА!

А сейчас… Кава уехал, а потом и вообще умер, с Зайцевым все тоже очень плохо закончилось, Петьку выгнали, потому что всех достал, Гуля сам ушел, потому что все достало…

Державин, хоть и побрился налысо, но Подгородецкого так и не заменил, а Игоря Хомича, сменившего Женьку Маргулиса, в

результате долгих размышлений сделали «российским Дэррилом Джонсом», не включая в списочный состав и не помещая на афишные фотографии.

Саша Кутиков, конечно, старается вовсю, но на фоне полного спектра активности Андрея Макаревича всего этого явно не хватает. Вот и стала «Морщина в темени» составом, аккомпанирующим Макару в одной из его ипостасей, теперь уже, судя по всему, и не главной…

Еще более показательна история со свердловской группой «Наутилус Помпилиус». Там вообще, было четыре лидера – Вячеслав Бутусов, Илья Кормильцев, Дмитрий Умецкий и Алексей Могилевский, причем каждый отвечал за свое направление! Бутусов – мелодист и фронтмен, Кормильцев – идеолог и поэт, Умецкий – создатель внешнего образа и бас-гитарист, Могилевский – аранжировщик и клавишник. Собственно, этой коллективно-продуктивной творческой кухней и объясняется потрясающий успех, пришедший к «НАУ» во второй половине 80-х.

Только… у всех медалей есть оборотная сторона.

Этот самый «Второй», наличие которого просто необходимо для возникновения настоящей рок-группы, со временем обязательно становится проблемой… Потому что объективно оценить вклад каждого из идеологов в результат, то есть в популярность коллектива, в принципе невозможно! Каждый, естественно, думает, что он делает больше другого, а публика… естественно, направляет свое обожание в основном на фронтмена!

В «НАУ» первым почувствовал дискомфорт Дима Умецкий, и это чувство с удовольствием и мастерством подогревалось его женой Аленой, ее даже и называли в тусовке «Йоко Оно для бедных».

В «Воскресении» обошлось без женщин: Сначала Романов, а потом и Никольский решили, что второй фронтмен им только помеха…

На эту же тему я долго пытался раскрутить Гэри Брукера, с которым нас судьба столкнула через несколько лет за одним столом, но он отзывался о Мэтью Фишере с исключительным, хотя и несколько натянутым, уважением. Да и РикУэйкман о пенисометрии в группе Yes рассказывать категорически не захотел.

Так о чем это я так долго распространяюсь? Ах, да! Мы же тут о «Секрете»… Так вот: когда на рубеже 70-80-х годов на актерском курсе Додина-Кацмана в ЛГИТМиКе встретились Максим Леонидов и Дима Рубин, разговора о лидерстве вообще не было.

Дмитрий Рубин:

– Наш дуэт сложился совершенно естественно. Макс был уже готовым профессиональным музыкантом, все-таки Музыкальное училище при капелле, а я писал стихи и хотел, чтобы их слышали люди!

Макс и Дима. Пока еще абсолютные единомышленники

Получается, что это были два совершенно равноправных партнера, чьи музыкальные вкусы совпадали, а творческие способности дополняли друг друга. К тому же оба были до неприличия смазливы, что на корню снимало вопрос о поклонницах их дуэта. Один делал музыку, другой – стихи, один пел первым голосом, другой вторым, причем иногда это чередовалось… Ну, нечего было тогда им делить, и не о чем спорить!

Собственно, так все всегда и начинается. Уже потом, вместе с успехом и звездным статусом возникают неудовлетворенные амбиции и материальные претензии.

Самое серьезное разногласие в команде обычно возникает между идеалистом и материалистом. Идеалист мечтает как можно полнее выразить чаяния свои и наиболее продвинутой части публики, даже в ущерб рейтингам и, соответственно, гонорарам. А материалист четко знает, какую тему развивать, какого стиля придерживаться, и о чем петь не следует, дабы получить зеленый свет у людей, «решающих вопросы», и

завоевать максимальную популярность у стадообразного большинства.

Именно эти разногласия, пусть и не сформулированные четко, кстати, и пролегли солидной трещиной в группе «Битлз». Можно с уверенностью утверждать, что именно между Джоном Ленноном и Полом Маккартни зародилась та трещина, которая через несколько лет расколола молодежный музыкальный мир на «рок» и «попсу». Степень таланта здесь, кстати, не обсуждается.

Может быть, дело в возрасте? В той самой «детской болезни левизны»? Может быть.

Валерий Сюткин:

– Когда мой «Телефон» перешел в профессионалы, и я попал на первое профсоюзное собрание Кировской филармонии, меня там аж подбросило! Я вскочил и начал выступать: «О чем вы все тут говорите? Ставки, коэффициенты, премии, как так можно? Нужно об аппаратуре, о свободе творчества, как вам не стыдно?» Все вокруг очень странно молчали, а потом ко мне подошел один седой саксофонист и спросил: «Вам, юноша, сколько лет, двадцать пять? А-а… тогда пока можно. Мы все такими были».

Ну, ничего страшного там не случилось, через несколько лет, как мы все видели, Валера совершенно выздоровел.

Но вернемся к «Секрету». Здесь, в понимании большинства музыкантов, образовался тот самый раскол, причем ныне практичный Леонидов, как ни странно, в тот раз оказался на стороне идеалистов, а Рубин попытался стать прагматиком!

Макс с Фомой и Муриком были готовы и дальше «работать за идею», а Дима устал ждать достойного вознаграждения за свой сладкий голос, красивый профиль и правильные рифмы. Алибасов пообещал ему это «здесь и сейчас». Дима и клюнул.

Но…

Бари Алибасов:

– Он, вообще-то, умный парень был. Все сам понял. У меня же был фантастический состав, я имею в виду по технике инструменталистов! Такого состава в СССР больше ни у кого не было. Я дал ему бас-гитару, мы пару недель порепетировали, попробовали… И тут он сам понял, что не тянет, и я его отпустил. Песню «Привет», кстати, мы у него купили и очень долго исполняли! Пришлось, правда, для телевидения там некоторые слова изменить, в сторону оптимизма, но ты сам понимаешь, такое время было!

К процессу «исправления» стихов был привлечен поэт Игорь Шаферан. Ну, что вам сказать про этого поэта… Да ничего не

буду. Вспомню только народную частушку конца 70-х:

Вопрошает шах Ирана:
– Где же песни Шаферана?
Отвечает Хомейни:
– Не поем такой фигни!

Если вы не согласны с народной оценкой творчества известного поэта-песенника, то я вам ее не навязываю. Можете просто послушать версию песни «Привет», сделанную группой «Интеграл» как раз в описанное время[3].

А что касается Димы Рубина… Это ж какая психологическая трагедия, а? Вот так – сделать выбор, «кинуть» друзей-соратников и… Сразу же получить по носу, обломаться по всем направлениям. Да, не хотел бы я тогда оказаться на его месте.

Макс:

– Жалел ли он потом? Не знаю. Мы с ним об этом никогда не разговаривали. Я бы жалел!

Я долго искал Диму, и, когда все-таки уговорил его на интервью, он мне рассказал несколько иную версию всей этой истории.

Дмитрий Рубин:

– Да нет, конечно, я не жалею. Это просто было не мое. Я с самого начала не был настроен на сценическую работу. Я, в общем, автор, чем сейчас и занят, а ребят тогда вообще тянуло в клоунаду! В общем, Алибасов меня тогда принял именно как автора, что мне и было нужно. Мы с ним написали несколько очень приличных песен… Да и ребятам нужен был совсем другой музыкант! Мы сейчас очень дружим, я хожу на их концерты, и мне крайне приятно, что мои песни исполняются до сих пор, и приличные «авторские» капают на сберкнижку.

Давайте сделаем вид, что поверили ныне известному кинодраматургу и сценаристу, а? Действительно, так ведь бывает, что хочется сфокусироваться именно на работе за столом…

Только вот не могу понять, а зачем тогда нужно было идти на актерское отделение театрального института?

И освободившееся место Второго в группе «Секрет» довольно долгое время оставалось вакантным. Фишка была в том, что в команде единогласным решением было установлено абсолютное равенство, не только по доходам, но и по вкладу. Эдакий квазикоммунизм: «с каждого по способностям, и всем поровну!» И поначалу все старались совершенно одинаково: и песни писали, и

вопросы решали, и деньгами скидывались… Кстати, не поровну, а именно по способностям и возможностям!

Мы с вами подойдем в этой книге к моменту, когда проявились ярко выраженные Первый и Второй. Более того, никто себя Вторым считать не хотел. Объективно признавая преимущества друга-соперника, каждый всячески инициировал такой крен в творчестве «Секрета», который проявит именно его сильные стороны.

И «Секрет» стал шататься…

Впрочем, до этого момента еще очень далеко.

«Купите мне гитару, серебряные струны!»

Для мальчишек 60-70-х годов, собиравшихся играть песни любимых западных команд, термина «рок-группа» еще не существовало. Мы собирались в вокально-инструментальные ансамбли, а позже – «бит-группы».

Эх, и времечко было!

Гитары строгали сами, ломая для их начинки телефоны-автоматы и попадая за это в милицию, самостоятельно оплетали медной проволокой басовые струны, а иногда и доставали их из потрохов школьного рояля…

Для ударной установки брали и обклеивали шоколадной фольгой пионерские барабаны, а для медных тарелок приспосабливали крышки от кухонных кастрюль и сковородок. Педали воровали от швейных машинок, хоть и нуждались они в серьезной доработке…

Усилители и колонки делали, внимательно проштудировав мировой бестселлер «Радио? Это очень просто!», собирая их корпуса из обломков засиженного клопами комода или шифоньера.

Московская средняя школа № 35, Golden Dreams. Типичный

ансамбль Гитары самодельные, причем бас построен лично Автором

А кроме того, никто из нас и сегодня не забыл волшебное слово «Кинап»! Ах, вы его не знаете?

Во время войны в Самарканде на базе эвакуированных из Украины и Ленинграда заводов было создано предприятие, снабжавшее своей продукцией дома культуры и клубы. Это была аппаратура, предназначенная для звукового сопровождения кинопроекторов. К 70-м комплектом «Кинапа» были укомплектованы практически все московские школы. Тогда, глядя на эти колонки, мы досадливо морщились, с придыханием употребляя зарубежные слова, типа «Регент», «Динакорд», или «Биг», но вот сегодня могу сказать – классный был аппарат!

Андрей Макаревич:

– В школе моя группа называлась The Kids. У нас были две советские эстрадные гитары по 35 рублей, к которым мы сами присобачили звукосниматели, а одну я еще переделал в бас, путем установки виолончельных струн. Ударная установка была чуть ли не трофейная!

Ансамбль The Kids… Да это ж практически наши Quarrymen!

«Фобос», Первая команда Сергея Попова в 1968 году. Гитары полностью самодельные. На снимке слева направо: Сергей Попов, Александр Неганов, Иштван Ланг, Сергей Богомолец

Сергей Попов:

– Тогда еще ни «Жар-Птицы», ни «Алиби» не было. В конце 60-х мы назывались «Фобос», и играли только на самодельных гитарах. Ну, «басовку» я сделал своими руками, струны из рояля вынул. А звукосниматели нам тогда делали друзья радиолюбители, они для этого телефонные трубки раскурочивали.

Конечно же, в первую очередь все это делалось для себя, любимых, но потом уже некоторые сделали кустарное производство инструментов и фарцовку областью самореализации и дохода.

Владимир Рацкевич:

– Вот я просто помню, как в 68-м году мы все, мальчики из хороших семей, поняли, что играть не на чем, и встали у комка на Неглинке фарцовать. Все там стояли! Макаревич в подъезде рядом показывал новые, отрытые им, аккорды, а Градский орал какие-то арии. Помню, Саша Любавский из группы «Русско-турецкая война» где-то в Зеленограде нашел ту самую, тонкую первую струну! Мы же все – Хендриксы, нужно было ноты «тянуть», а с советскими толстыми струнами это было невозможно. Так он всю Неглинку снабжал, и мы к нему за

струнами с первой зарплаты приходили. В общем, купил-продал, достал-отправил – так «Рубиновая Атака» и добыла себе настоящий аппарат, тот самый, на котором «Секрет» впервые играл в Москве!

Группа «Рубиновая Атака» со своей аппаратурой.
Слева направо: Владимир Рацкевич, Сергей «Баски» Ляшенко, Александр Самойлов

Окончив школу и выйдя в свет, мы стали уже стесняться откровенных «самоделок». Фирменные инструменты так и оставались радужной мечтой, но тут на помощь пришли братья-демократы из ГДР и Чехословакии. При этом фантазии чехов в жанре названий были совершенно инфернальными: их гитары носили имена стихийных бедствий – «Торнадо» и «Тайфун». Немцы же основную славу заслужили себе музыкальным производством в городке Маркнойкирхен, называвшимся «Музима». Впрочем, не только.

Андрей Макаревич:

– В начале 70-х я играл на гитаре Marma производства ГДР, у Кути был чешский бас, кажется, он назывался «Тайфун», Эдик Азриелевич сидел за органом Farfisa, тоже ГДР, как и усилительная аппаратура Regent 60. А вот светомузыка была самодельная, за пультом Алик Микоян сидел!

«Машина Времени». 1973 год. Слева направо: ноги Алика Микояна, Александр Кутиков, Алексей (фамилия в истории не сохранилась), Андрей Макаревич, Сергей Кавагое

Александр Кутиков:

– Сереж, я их всех поправлю, можно? Рацкева не мог на Неглинке видеть Макара, ибо за всю «Машину» там торговал только я. Помню даже, как я поставил там рекорд: по 770 рублей продал два «дабл-эффект-машин» для гитары, которые привез отец Сережки Кавагое, а на эти деньги мы купили микрофоны «Шур» и комплект Regent 60. Да и Макар все забыл: на фото стоит орган «Матадор» фирмы Vermona, и сидит за ним Игорек Саульский, хоть и не видно его, а «Фарфиза» – инструмент итальянский. Кава играл на сборной установке Trowa, производства тоже ГДР, а пленочный ревербератор нам сделал Феликс, потрясающий инженер, работавший с группой «Лучшие Годы».

Ну, вы поняли, в каких условиях начиналась в СССР рок-музыка? Теперь можно и вернуться к «Секрету».

В 80-х, когда наши главные герои начинали свои музыкальные экзерсисы, ситуация уже изменилась, но не слишком, и для тысяч самодеятельных команд, уже именовавших себя «рок-группами», проблема с аппаратом и инструментом стояла достаточно остро. В общем, если аппаратуру «Секрет» вначале использовал институтскую, ту самую, которую приобрели

для постановки мюзикла, то с гитарами, конечно, была полная вава.

Не считая максовой акустической двенадцатиструнки, первую собственную гитару, это был бас, ребята приобрели весьма показательным образом: заработав деньги покраской какой-то частной собственности. Я долго выяснял подробности этой истории, и то, что эта была лодка, узнал практически сразу, а вот чья, история умалчивала. И только недавно в разговоре совершенно на другую тему мне открылась истина.

Фома:

– Так это ж была яхта моего дядьки! Собрались мы, респираторы надели и несколько дней пахали, кактомы сойеры… Изнутри красили, снаружи… Сто рублей получили и купили гитару, тот самый «Тайфун». Вначале на ней играл Дима Рубин, а потом она перешла ко мне!

Но и с другими гитарами была занятная история, имеющая, как водится, несколько версий. Дело в том, что Изиль Заблудовский, будучи в Японии на гастролях с БДТ, приобрел две электрогитары. Почему две?

Алексей Либов:

– Забл тогда сказал папе: «Без гитары можешь не возвращаться! Домой не пущу», и бедный Изиль Захарович чуть ли не в первый день пошел в комиссионный и купил гитару «Ямаха» на все свои суточные. А потом, уже там, в Японии, когда вдруг произошел некий нежданный заработок, ему показали еще одну «Ямаху», уже новую, но почему-то дешевле! И он не смог удержаться… А потом Макс поставил Заблу условие: если хочешь у нас играть, то вторую гитару продай мне!

Вот они, те самые две «Ямахи» и один «Хоффнер»!

Интересно… В истории «Машины Времени» был практически такой же сюжет, но на 10 лет раньше: отец Сережи Кавагое привез для группы сына первую настоящую гитару тоже из далекой Японии! Однако версия Либова была принята не всеми.

Забл:

– Да что он несет, этот Либов? Папа ездил на гастроли в Японию уже в 1984 году, а в «Секрет» я пришел в апреле 83-го со своей старой «Музимой»! Никакого условия мне не ставили, а Максу я гитару продал, просто потому что зачем мне две гитары?

Ну, честно говоря, я и не думал, что Андрей Заблудовский будет в восторге от этой версии, но еще Либов, кстати, рассказывал, что он и самого

Забла уговаривал принять поступившее от «Секрета» предложение, ведь для него эта музыка казалась слишком примитивной, его «Выход» играл куда более замороченную дурь…

Нужно понимать, что теперь две настоящие красивые «Ямахи» стали просто ножом по сердцу Коли Фоменко с его несчастным «Тайфуном»… В общем, срочно нужно было что-то делать! На всякий случай сообщаю, что непосредственно в это время наши «Леннон и Маккартни» проходили службу в Советской Армии, но вместе с ними служили еще несколько друзей, и все происходило у них на глазах.

Евгений Олешев:

– На Фому тогда было жалко смотреть! И вдруг я узнал, что мой приятель Коля Иваненко, игравший тогда в кафе «Орбита», в группе «Дилижанс», продает свою гитару «Хоффнер». Представляешь? Это была настоящая, фирменная «скрипка», в родном футляре, хоть и итальянская, но 64-го года, точно как у Пола Маккартни! А ребята же тогда на всю голову болели битлами! Ну, я как сказал Кольке, он в тот же день добыл 500 рублей, мы поехали и без разговоров купили. Я никогда не видел на Фоме такого счастливого лица! Вернулись в казарму и в тот же вечер хорошо отпраздновали!

Мура:

– Вот как только Фома взял себе скрипку, мы поняли: все. Вот теперь мы точно как «Битлз»!

Самому Мурику незадолго до этого концертные барабаны сделал его папа. Собственными руками, на заводе, где и работал. Это ведь только в трудовой книжке он назывался «слесарь», а на

деле, закончив Академию имени Репина, он выполнял на заводе труднейшую творческую работу макетчика!

Я даже и не знаю, как он умудрился соблюсти все нюансы технологии, но много лет концерты «Секрета» и звучанием, и видом гордо украшало произведение рук слесаря Виктора Мурашова, у которого даже конструкция стула полностью соответствовала высокой посадке. Ну, точно как у Ринго Старра!

Играл на них Мура долго, и только году в 88-м заказал новую установку в Таллине, у того же мастера, который делал барабаны знаменитому Гуннару Граапсу. Тогда, кстати, и сменились и некоторые другие инструменты «Секрета». В общем, «The times, they are changing», как пел когда-то Боб Дилан…

И вот тут мне хотелось бы еще раз отметить колоссальную роль отцов бит-квартета «Секрет». Я не об «отцах-основателях», а о настоящих, биологических отцах всех музыкантов группы.

Смотрите: Изиль Заблудовский привез две гитары, экономя на еде и сувенирах, Виктор Мурашов построил сыну барабаны, а уж роль Леонида Леонидова в формировании музыкального вкуса и творческой личности Макса переоценить вообще невозможно! К тому же, ведь именно он, старый театральный волк, в нужный момент дал сыну благословение на уход из БДТ, что и послужило главным толчком для перехода «Секрета» на профессиональные рельсы.

Что касается Владимира Фоменко, то здесь меня ждало настоящее открытие.

Мура:

– Знаешь, когда ушел Дима Рубин и ребята начали писать песни сами, я жутко удивлялся, как это у них складно выходит! А потом умер Колькин папа, Колян мне подарил книжку его стихов, и вот тут я понял, что все начальные тексты именно он помогал нам писать! Я уж не знаю, что они сейчас по этому поводу скажут, но мне сегодня так кажется!

Фома:

– Да, сейчас могу тебе сказать, что, например, текст нашей первой с Заблом песни «Она не понимает» практически полностью написал мой отец, но категорически потребовал, чтобы его имени в титрах не было! Он очень талантливый был и… очень молодой.

Забл:

– А я вот помню, что мы сидели у меня дома и всю историю придумали сами, а Колькин отец только набор рифм на бумажке

написал!

Честно говоря, я не очень представляю, как человек мог написать набор рифм, не придумав сюжета… Да и процесс сочинения текста на готовые рифмы мне кажется возможным только у высокопрофессионального поэта, нуда ладно. Оставим этот пассаж на совести Забла.

Но вы понимаете, да? Отцы наших ребят были практически ровесниками первых рок-н-рольщиков – Элвиса Пресли, Билла Хейли, Литл Ричарда, Джерри Ли Льюиса, Бадди Холли, Би-Би Кинга… Советская власть сделала все, чтобы наложить на их судьбы свою тяжелую костлявую лапу, и не дала им в молодости по-настоящему оттянуться… Ну, и папы вовсю постарались, чтобы эту возможность получили их дети!

Мне это все очень близко и понятно: мой собственный папа, простой инженер-шестидесятник, и бас-гитару мне выпиливал, и стихи писать помогал, и битлов я впервые услышал на его магнитофоне «Астра-2»…

Спасибо вам, наши папы, за весь ваш нереализованный внутренний рок-н-ролл, который вы завещали и подарили нам!

Папа и мама Мурашовы

«Ты помнишь, как все начиналось?»

Первое выступление бит-квартета «Секрет» в классическом составе состоялось на выпускном акте ЛГИТМиКа.

Память участников за три десятилетия выронила подробности, но я по своему опыту должен сказать, что от коллег в данной ситуации особых восторгов ждать не приходится. Все, конечно, с улыбкой подходят, хвалят, поздравляют, лобзают (!!!), но мы в Щукинском училище называли это «иудиным поцелуем».

Не может творческий человек без зависти радоваться успеху другого творческого человека! Самые светлые и порядочные просто забивают в себе это чувство, спасаясь внутренним: «Ну, я-то не хуже. А может, даже и лучше, просто публика до меня еще не доросла…»

И вот при всем этом зрители-студенты устроили на этом концерте настоящую овацию! Кричали, свистели, размахивали пиджаками, как и положено на настоящих рок-концертах! Они, конечно, еще ни на одном не были, но уж на фотографиях видели достаточно, да и первое видео в Ленинград уже стало приходить…

А вот педагогический состав воспринял это действо настороженно, с недоумением и некоторым раздражением. И это понятно: из людей четыре года формировали драматических артистов, а это, простите, что такое?

Но все равно на общем фоне событий спектакль курса Додина-Кацмана «Ах, эти звезды!» был прорывом. Все лето он шел на различных площадках уже на коммерческой основе, и бывшие студенты достаточно неплохо «приподнялись» по деньгам.

Дошло до того, что и Ленконцерт решил поправить свои финансовые дела и договорился со ЛГИТМиКом, чтобы показать его в СКК им. Ленина на 10 000 зрителей. И что вы думаете? Полный аншлаг!

И вот тогда Лен концерт раскатал свои ненасытные губищи… Максима Леонидова позвали на переговоры, чтобы этот спектакль перешел к ним в полное распоряжение, дабы не только показывать его в Ленинграде, но и катать по городам и весям.

Как это там у классиков:

«– Шарапов! Это же Эльдорадо!»

А что вы думаете, если зрелище собирает 10 000 зрителей, а платить его нетарифицированным участникам можно вообще копейки?

По воспоминаниям артистов, «Ах, эти звезды!» катали по Ленинграду и другим городам больше года. Хотели и дальше, но

не выгорело. Жизнь из него потихоньку уходила, из «яркого культурного события» он потихоньку стал превращаться в предмет «чеса», а кроме того, весь курс уже был распределен по разным театрам, и каждый актер видел себя в роли как минимум Гамлета Молчацкого, и на какие-то «вшивые ленконцертовские игрушки» соглашаться не собирался.

Побаловались, и будя!

Ну, хорошо, а как же наши секреты? А вот перед ними, мечтавшими «стать как битлы», была полная неопределенность, ибо на пути светлого будущего советского рок-н-ролла стояло несколько огромных помех:

1) творческая нагрузка в разных театрах;

2) материальные потребности семей;

3) предстоящий уход в армию.

Третий пункт для всех советских юнош в те времена был наиболее весомым и значительным, но разговор о нем мы отложим до отдельной главы, оно того стоит. А вот что говорили секреты о нагрузках и семьях.

Мура:

– Знаешь, моя жена была из очень небедной семьи, когда мы поженились, с каждой стороны нам давали по сто рублей, я еще стипендию получал и убирал лестницу в Доме Пионеров, так что у нас было больше трехсот рублей в месяц! Мы с ней очень хорошо жили, и даже когда ребенок родился, особых проблем в отношениях с женой по поводу моей игры в «Секрете» не возникало! А из института меня тогда уже выгнали, так что и времени было достаточно!

Макс:

– Товстоногов ввел меня в спектакль «Энергичные люди», именно я в образе мента забирал в вытрезвитель героя Евгения Лебедева… Ну, ты же понимаешь, что времени на это уходило даже меньше, чем в институте! Ирка и папа прекрасно понимали мое желание заниматься музыкой.

Забл:

– А что? Для меня ничего не изменилось! Я как работал тогда начальником отдела контроля на заводе ЖБИ № 4, так и продолжал… Да, жена, деньги… Ну, я же гитару-то брал в руки после, а не вместо работы!

Фома:

– Понимаешь, мы пришли в Александринку почти целым

курсом, неким кулаком, бандой, и были уверены в том, что вот сейчас мы здесь все перевернем! Вот мы им всем покажем! Такое вытворим, что… И ровно через месяц я понял, что пипец. Этого кулака, этой банды больше нет… Нас профессионально растащили в разные углы, мы перестали общаться, перестали быть ядром внутри большой машины. И я понял, что вот теперь я совершенно спокойно могу пойти играть рок-н-ролл!

И рок-н-ролл продолжился.

«У солдата выходной – пуговицы в ряд!» (часть 1)

В общем, я очень долго пытался восстановить общую картину периода осень 1983 – осень 1985, но разночтений в трактовке и даже периодичности событий было множество.

Мне до сих пор непонятно, каким образом у «Секретов» возникло репетиционное помещение от Ленконцерта во время службы Леонидова и Фоменко в армии. Для объяснения этого у ребят, как обычно, есть несколько версий. Первая гласит, что Максим Леонидов, не сумевший уговорить свой курс еще год поработать в штате Ленконцерта, перед самым призывом взамен спектаклю «Ах, эти звезды!» предложил группу «Секрет», и Ленконцерт повелся. Вторая – что помещение и инструменты выбил через своих знакомых Коля Фоменко. А по третьей версии, с сентября по конец декабря репетиций не было вообще, ибо сначала у двух артистов были месячные театральные гастроли, а потом их сразу же забрили в «учебку»!

На самом деле я понимаю причины некоторой мутности в обзоре всех этих событий. По старой комсомольской привычке (все наши герои были комсомольцами!) люди стесняются говорить о… не совсем праведных способах достижения результата. То, что оба – и Макс и Коля! – попали в АПиП (Краснознаменный Ансамбль Песни и Пляски Ленинградского Военного округа), ведь не было чисто божьим промыслом, конечно же, их родителям пришлось «включать» родственников и знакомых…

В этом нет ничего сверхдурного, но память – странная штука. Сама умеет забывать то, что помнить не хочется.

Фома:

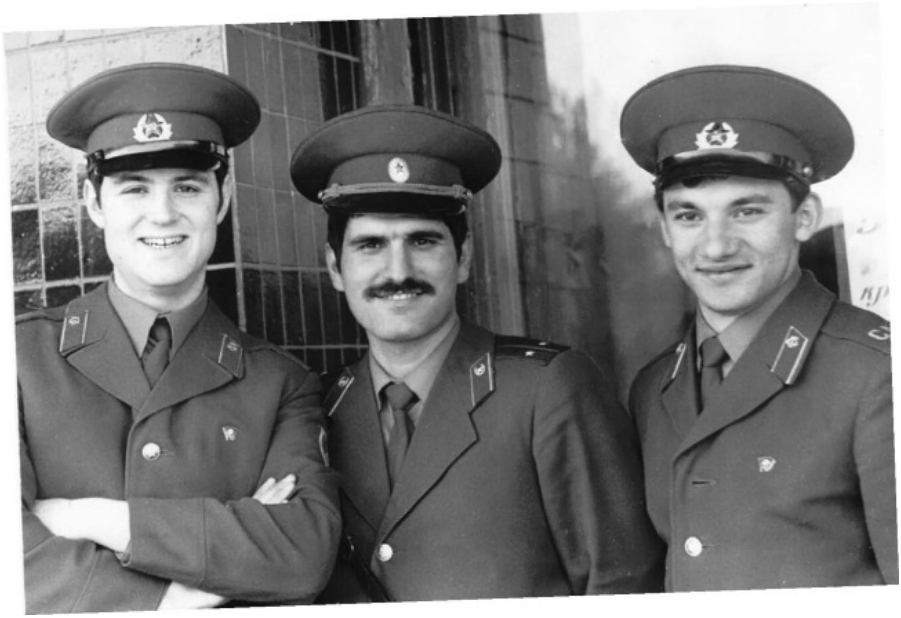
– Я эту повестку до сих пор сохранил… Где-то дома среди документов лежит.

Макс:

– И вот, прихожу я «на карантин», а меня там уже Фома встречает, который на неделю раньше призвался: «Добро пожаловать в ад!», говорит. Только насчет того, что это было «по блату» – неправда. Почитай мою книжку.

Я-то читал. И остался при своем мнении, но, как честный человек, готов и всех вас адресовать к этому изданию: Максим Леонидов «Я оглянулся посмотреть…»

Вообще, «особая армия» для службы молодых артистов – предмет написания отдельной книги. Несколько моих друзей служили в Московском ЦАТСА, и кроме анекдотов ничего рассказать не могли.



«Чем ближе к командиру, тем чаще домой!»

Александр Новицкий, сын партнера моего деда, был призван в Театр Советской Армии, жил дома, в пяти минутах ходьбы от службы, и видел автомат Калашникова ровно два раза в жизни: один из них на принятии присяги, а второй – когда их (в наказание за пьянку!) отправили на стрельбы.

Театральный критик Игорь Чутко тоже служил в ЦАТСА. Именно там он заслужил пожизненную кличку «Кабинет», потому что полтора года по сто раз в день произносил фразу: «Кабинет начальника театра слушает!»

Саша Посвянский, один из звукачей «Автографа», полтора года оттрубил валторнистом в похоронной команде МВО, иногда «бодая по три жмура в сутки». В связи с дефицитом на его инструмент все обошлось даже без «учебки», весь их оркестр из шести человекжил в трехкомнатной квартире где-то в Беляево, и никакой другой формы, кроме парадной, Сашка просто не знал. Как-то он пришел ко мне в гости, прямо с чьих-то похорон, сильно напился, снял парадную форму и произнес сакраментальную фразу: «Щас я позвоню в армию и скажу, что я туда сегодня не приду!..».

Бойцы Леонидов и Фоменко. Мы за ними, как за каменной стеной, правда?

Ну, вы поняли, в каких «блатных» условиях служили наши доблестные артисты? Правда, у Макса и Фомы все было чуть посерьезнее. У них даже «учебка» была довольно далеко в области, но продолжался этот карантин всего два месяца. Потом они вернулись в Ленинград и, хоть и проживали в казарме, но на выходные доблестных бойцов от греха подальше отпускали домой. В АПиПе с ребятами служил и внук знаменитого ленинградского композитора Соловьева-Седого, который впоследствии стал конферансье на концертах «Секрета».

Василий Соловьев:

– Понимаешь, в АПиПе служили мальчики «из хороших семей», на выходные домой уходили не только Макс и Фома, а практически все. С увольнительными проблем не было вообще, у

каждого на руках была пачка уже подписанных, а мы их только заполняли!

Какая же, в сущности, хорошая и демократичная штука, эта Советская Армия, особенно для мальчиков из хороших семей! Ведь именно во время службы Макса и Фомы у группы «Секрет» произошли главные подвижки в направлении славы и популярности! Ну, про покупку гитары «Хоффнер» я уже писал, про знакомство с Васей тоже, но ведь был и первый профессиональный гастрольный опыт! Ведь АПиП выступал практически по всех частях Ленинградского военного округа и многих городах Ленинградской области!

В гражданском, но стрижка все выдает.
Слева направо: Мура, Макс, Фома и Вася. Забл снимает

Ну… не «Секрет», но, видимо, «Военная тайна»

Василий Соловьев:

– Здесь я выступал практически администратором «Секрета»! Мы приезжали в какую-нибудь казарму, и я договаривался с местным прапорщиком, чтоб дали отдельную комнатку, там я Макса и Фому запирал, мол, давайте, пишите, не отвлекайтесь на всякую суету. Только на выступление и выходили.

Но со службой Макса и Фомы в армии совпали и совершенно судьбоносные вещи: программа «Кружатся диски», знакомство с Сергеем «Натанычем» Александровым и приглашение в Ленконцерт!

И вот здесь опять я не смог однозначно выстроить причинно-следственную связь! По версии Заблудовского, Ленконцерт был еще до армии, они же и прислали Александрова, который дал контакт на телевидение.

Макс утверждает, что Александров был первым, именно он и пригласил группу в Ленконцерт, а потом возникло и предложение с телевидения.

Фоменко же настаивает, что зацепка за Ленконцерт была с его стороны, телевидение – от Макса, а пришествие Натаныча было уже следствием первых двух.

Натаныч:

– Да идет этот Забл, куда ему положено! Макс и Фома все правильно говорят! Не было там у них никаких дел с Ленконцертом до меня! И не могло быть!

Забл:

– А что, все забыли, что к нам на репетицию по просьбе Макса приходил театральный режиссер Андреев, чтобы поставить нам сцендвижение? А я вот помню, и значит, я прав: Ленконцерт планировался еще до Натаныча.

Поняли, да? Но я все-таки здесь больше доверяю скрупулезной памяти материалиста Александрова. Подождите, мы скоро дойдем до рассказа об этом достойнейшем персонаже! И давайте будем здесь придерживаться хронологии Фоменко.

Ой, нет-нет, «Новая хронология» академика Фоменко здесь тоже не катит! Я имею в виду нашего Фому.

«Дорогая Останкинская башня, я простой телеграфный столб…»

Итак, однажды в доме Леонидовых раздался звонок: Максиму, так ярко проявившему себя в спектакле «Ах, эти звезды!», позвонили от Клары Фатовой. Эта очаровательная старушенция, легенда Ленинградского телевидения, предложила Максу вести новую музыкальную программу.

Дело в том, что именно в середине 80-х самые чуткие творческие люди поняли, что грядут большие перемены, которые потом всю страну перевернут с ног на голову. В Ленинграде телевизионная «перестройка» началась даже раньше закоснелой и опасно близкой к Кремлю Москвы, и Клара Фатова с программой «Кружатся диски» была своеобразной

предтечей «Пятого колеса» Беллы Курковой и «600 секунд» Александра Невзорова.

А идеологами всей этой гамсахурдии были наши Макс и Фома!

Конечно, именно в этой телевизионной истории и есть ответ на главную причину небывалого взлета популярности «Секрета»!

Ленинградское телевидение всегда было в определенной степени «отсталым» по сравнению с Центральным. И дело тут не только в количестве и качестве техники. Просто музыкальная редакция «Останкино» уже с середины 70-х весьма прибыльно торговала экранным временем в «Утренней почте», а посему Борис Холопенко, ее бывший главный редактор, сегодня может похвастаться виллой на Кипре. Да и не он один! Иномарки, дачи, квартиры в центре Москвы, как грибы, появлялись у каждого неленивого сотрудника этих «хлебных» телепрограмм уже через год работы!

Хотя вру. И в Москве случались редкие исключения, например, великий подвижник Евгений Гинзбург, для которого качество материала, выпускаемого на экран, было на порядок важнее материальной выгоды. Но эти исключения только подчеркивали общую тенденцию.

Должен сказать, что стоимость выхода песни на экран в «Утренней почте» или «Песне года», я уж не говорю о «Новогодних огоньках», поднялась со 100 рублей в 70-х годах до десятков тысяч долларов в конце 80-х. Говорю вам это как человек, имевший личные контакты со множеством редакторов и режиссеров музыкальной и молодежной редакций ТВ. В 89-м я сам переправлял весьма толстую «котлету» ныне шибко

державному и православному телеведущему в темных очках.

Так вот, в Ленинграде то ли воздух был лучше, то ли контроль жестче, но с «Секретов» никаких денег никто не брал. Может быть, уже потом их вальяжный директор переправлял «в телевизор» весомые поздравления с праздниками, но это уж точно были не взятки, а благодарность.

Итак, Макса позвали, Фома пошел вместе с ним и… Ну, вы же понимаете, что дальше открыть рот уже ни у кого шанса не было. С первого визита на улицу Чапыгина два симпатичных бойца Советской Армии всех обаяли, убедили, возбудили и утвердили.

Вот только подумайте: они договорились не только о АВТОРСКОМ стиле монологов ведущего и особом режиме съемок, но и добились того, что бит-квартет «Секрет» с новыми песнями будет появляться в КАЖДОМ выпуске передачи! И не готовые клипы они будут приносить, а всякий раз СНИМАТЬ новый, за счет бюджета и мощностей программы. И даже фонограммы они будут записывать в телевизионном тон-ателье!

Каково, а? Так в средние века договаривались с бургомистром поверженного города ландскнехты-победители, с боем занявшие этот город и получившие его на разграбление!

Но и для нас, зрителей, и для творцов, телевизионщиков, оно того стоило. Некоторые, уже ставшие за это время маститыми и легендарными, с удовольствием вспоминают это время.

Вот такими они пришли на телевидение!

Телевидение

Кружатся диски

2 октября, 20.15. Программа ЛТ.

В ОЧЕРЕДНОМ выпуске передачи «Кружатся диски» совершится «чудо». Попугаю Ваки порядком надоели шутки ведущего Максима Леонидова, которому поэтому пришлось превратиться из лихого диск-жокея в... Но, впрочем, кем он стал, вы узнаете из передачи. Скажем только, что передача эта эксцентрично-театрально-музыкальная. На помощь себе преобразившийся диск-жокей позовет Николая Фоменко, Алексея Мурашова и Андрея Заблудовского. И будет бит-квартет «Секрет» в полном составе! Начнется сказочная игра... Итак, на телеэкране весь вечер бит-квартет «Секрет». В передаче прозвучат исполняемые группой широко известные и не очень известные песни.

Режиссер — К. Фатова, ведущие операторы — В. Гречишкин и С. Дубровский. Редактор — И. Михайлова.

Ф. ЧЕРМИН
студент факультета журналистики ЛГУ

На снимке: бит-квартет «Секрет»

А вот такими их увидела страна!

Борис Деденев:

– Знаешь, при всем отстое телевидения тех лет, от работы с «Секретом» осталось ощущение праздника души! С криками Фатовой, хохмами Фоменко… Это же с него первого начались эти моментальные импровизации в кадре и за кадром, то, что сейчас делает Ваня Ургант… У нихтогда была офигенная «команда», именно КОМАНДА, хоть и заметны были два неоспоримых

лидера. Все было такое легкое, воздушное!.. Знаешь, я же потом много раз снимал Макса… Вот правду говорят, что если бы человека познакомить с самим собой через 25 лет, они бы друг друга не узнали. Он сейчас стал грузный, серьезный… Взрослый дядя!

Придумок там было много. Самой революционной, конечно, стала идея Фатовой ввести в качестве со-ведущего… попугая! Да-да, именно попугай Вака стал образом этой программы, впоследствии многократно растиражированным, и воплощенным даже ведущим МузОбоза! Помните? Как и попугай Вака, немой образ в темных очках каждую неделю нуждался в озвучании профессиональным диктором, но не в съемках! А это давало сногсшибательные технологические возможности, по крайней мере, по оперативности сдачи материала! Ну а все остальное, от манеры ведущего и его текстов до видеоподводки к номерам, придумывали, конечно же, Макс и Фома.

Вы только вспомните начало 80-х! По всем четырем телевизионным программам – репортажи с великих строек, рекордные удои молока и фантастические урожаи зерновых! Самое увлекательное телевизионное зрелище осени 82 – весны 85 – похороны плеяды Генеральных Секретарей! Помню, что Саша Градский записал с эфира весь этот «документальный сериал» на одну кассету и давал друзьям на просмотр в обмен на хорошие голливудские фильмы…

А субботние и воскресные музыкальные программы были до отказа завалены всякой «толкунь-кобзонью», и только в самом конце можно было надеяться на яркий и красочный номер в исполнении Балета Телевидения ГДР! У Валеры Сюткина тогда родилась очень показательная шутка: «– А какая ваша любимая группа? – Моя? Группа Советских Войск в Германии!»

И так абсолютно во всем. Помните, кто в 1984-м первый и единственный выпустил на фирме «Мелодия» цифровой компакт-диск? Правильно: Иосиф Давыдович Кобзон. Ну а кто в этом же году возглавил хит-парад продаж в категории компакт-дисков, с трех раз догадаетесь?

Вот так. И уж если по выходным на экран пробивалось что-то нестандартное, да хоть «Верасы», не к ночи будь помянуты, то по понедельникам в курилках и столовых всех НИИ, фабрик и заводов страны только и обсуждался номер, увиденный вчера по телевизору! Ну и как тут «Секрету» было не поднять в Ленинграде бешеную популярность?

И они подняли, причем не только в своем городе. Сам знаю людей, покупавших особую «дециметровую» телеантенну, чтобы в Москве смотреть Ленинградское телевидение, «потому что там

появилась классная группа».

Самое смешное, что для самих клипов обычно… сценарий вовсе не писался! Например, для съемок песни «Она не понимает»[1] ребят просто вывезли на каток, надели на них коньки с гетрами, поставили на лед и сказали: «Ну, мотор!»

Ах, да, нашли еще маленькую девочку, которая перед «Секретом» танцевала, а все остальное – полная импровизация.

Анекдот здесь еще и в том, что уже на льду выяснилось абсолютное неумение Макса не только ездить, но и СТОЯТЬ на коньках! Сами понимаете, что возможности импровизации это сильно сузило…

И обратите внимание: у всех, кроме Забла, аккуратная армейская стрижка – лето 1984!

Съемки клипов «Мажорный рок-н-ролл» и «Дай мне тепло твоих ладоней». Представляете такое на улицах Ленинграда в 1984 году?

Забл:

– Мы же были единственной командой в мире, которая продолжала играть и продвигаться вверх, когда все были в армии на срочной службе! Ну… кроме меня, ибо мое верхнее образование заодно дало мне и погоны лейтенант-инженера запаса!

Хорошо, ну, а как же с Ленконцертом-то?

В результате долгого следствия и снятия со всех свидетельских показаний, я избрал рабочую версию.

Дело в том, что Людмила Красикова, мама первой жены Коли Фоменко, Лены, была педагогом по актерскому мастерству на эстрадном отделении в Музыкальном училище при Ленинградской консерватории. И один из ее учеников работал в Ленконцерте конферансье, а в кругу коллег был известен как крутой администратор. И звали его…

Фанфары! На сцене появляется Сергей «Натаныч» Александров – Брайан Эпстайн, русская версия!

Впрочем, Забл, как обычно, утверждает, что все было чуть по-другому. Он говорит, что Александрова заинтересовала «Секретом» сама Лена Лебедева, ибо она была у него в концертной бригаде. Думаю, что истина посредине: Людмила Красикова для начала устроила в бригаду Александрова свою дочь. Уже там, в «полевых условиях», Лена завела разговор о группе «Секрет», потом Сергей Натанович продолжил разговор на эту тему с ее мамой, а затем и увидел самих героев по телевизору.

Натаныч:

– Я не понимаю, чего тут неясного? Я же, по-моему, про версии Забла уже все сказал! Чушь полная. О существовании Лены Лебедевой я знал только от ее мамы. Слушайте, мы же с вами серьезные люди, так что не стоит слушать всякие глупости!

(Прости, Забл, но в доме покойника из песни слова не выкинешь!)

В общем, после просмотра команды «по ящику» Сергею Александрову сразу стало все ясно, не зря ему о них рассказывал старый приятель, оператор этой программы Сергей Дроздовский! Ведь любой директор (по-западному – продюсер!) мечтает наткнуться на золотую жилу и сразу же начать ее грамотно разрабатывать! Помните, как это было у битлов? В ливерпульском магазине пластинок у Эпстайна спросили новую запись группы «Битлз», а он даже и не слышал про такую! Пошел в клуб «Каверна», посмотрел их концерт… и все понял!

Также и здесь.

Сергей Александров уже много лет катал по большой стране армянскую певицу Рубину Калантарян, которая с возрастом стремительно теряла популярность, и вопрос о его дальнейшем

благосостоянии вскоре обещал встать ребром…

Мура:

– Понимаешь, Натаныч устал. «Бывшая звезда» – это же очень трагичная история! Ей по штату уже не полагается номер «люкс», а она требует! Купе-СВ на одну тоже нельзя, а Натаныч и это выбивал, практически из своих денег… В общем, когда появились мы, он увидел огромную перспективу и для себя!

Но перед тем, как уже «по полной» включить в наше повествование нового героя, давайте-ка разберемся с термином «продюсер» и с его основными функциями, а заодно и с другими терминами, так или иначе всплывающими в темах, касающихся шоу-бизнеса: «саунд-продюсер», «директор», «костюмер», «меценат», «администратор», «промоутер», «роуд-мэнеджер», «пресс-агент», «PR-менеджер», «спонсор», «квартирьер», «инвестор», «бригадир», «импрессарио», и пр., и пр., и пр.

«Рычит продюсер,
Пирог уписывая:
"Вы – просто дуся,
ваш лоб, как бисерный!"»

Это – Андрей Вознесенский, отрывок из стихотворения о Мэрилин Монро.

Если обратить внимание на образную конструкцию, то совершенно понятно, что любой продюсер – сволочь! Эдакая акула капитализма, паразитирующая на свежих и чистых талантах в мире желтого дьявола. Подманивающая их жалкими подачками, а потом содержащая своих рабов впроголодь… Ну, сволочь ведь, эксплуататор!

А в сегодняшнем российском шоу-бизнесе благодаря всяческим «поющим трусам» утвердилось представление о продюсере как о человеке, дающем «таланту» деньги на клип и на жесткую ротацию в эфире, а потом нещадно эксплуатирующем его (ее) в извращенной форме…

Фигня.

Денежным мешком продюсер может и не быть. Просто «талант» обычно витает в своих творческих эмпиреях, и с земными реалиями его связывает довольно мало нитей. В общем, дурачок он наивный, ибо – Талант. И нуждается в опеке профессионала, человека, которому доверяет и он сам, и все те, кто может организовать телевидение, радио, концертные залы, прессу…

Вот, например, в театре. Кто-то из корифеев когда-то сказал,

цитирую по памяти: «Знаете, а ведь "режиссер" и "главный режиссер" это не ступени, а совершенно разные профессии!»

Именно!

Режиссер думает только о спектакле, о том, как дать верную трактовку мыслям автора и научить этому артистов, а Главный Режиссер должен мыслить практически! Где добыть реквизит, кто сделает декорации, кому поручить оформление, кому – музыку… Как договориться с популярным артистом, который сейчас снимается в кино, на какой день назначить премьеру, чтобы весь «бомонд» пришел… И кого из журналистов приглашать на «афтер-пати», а кого только на спектакль! В общем, Главный Режиссер – это… Продюсер!

Вот и нужен был группе «Секрет» человек, «решающий вопросы».

Поначалу эти функции взял на себя общий друг, звали его Панкер. Ну, по паспорту – Игорь Гудков. Он делал их записи, организовывал выступления и подсказывал направление аранжировки. Панкер работал в звуковой студии Театрального института, и ребята частенько забегали к нему покурить. Впрочем, с Андреем Заблудовским и с его группой «Выход» он был знаком и раньше, именно он записывал альбом «Нервная ночь», где никому еще не известному Косте Кинчеву подыгрывали Забл и Мура.

Панкер:

– Я был звукорежиссером, вернее, даже звукооператором, ведь понятия «продюсер» тогда просто не существовало. А звукорежиссером меня сделал Майк. Именно я познакомил «Секрет» с Майком, сначала предложил, а потом и настоял на том, чтобы они играли его песни. Кстати, Майку очень понравилось, когда мы записали и сразу привезли к нему «Мажорный Рок-н-Ролл»! Ведь очевидно, что в эту песню, поначалу банальный танцевальный рок-н-ролл, они добавили настоящее шоу!

Ну, не Эбби Роуд, конечно, и не Джордж Мартин, но зато свое и бесплатно!

Первый альбом «Секрета», «Ты и я», записал именно Панкер, будучи фактическим продюсером и саунд-продюсером этого альбома. Да и давешнюю поездку в Москву вместе с Майком организовал именно он!

Панкер за работой в своей студии

Кроме того, он был членом Ленинградского рок-клуба, и лоббировал стремительное вступление «Секрета» в Ленинградский рок-клуб. Сейчас это звучит смешно, а в 80-е это было исключительно значимым событием.

Давайте немного оглянемся назад, чтобы вспомнить о Ленинградском и Свердловском рок-клубах и Московской рок-лаборатории.

Московская рок-лаборатория приняла и выпустила группы «Алиби», «Альянс», «Ария», «Бахыт-Компот», «Биоконструктор», «Браво», «Коррозия Металла», «Крематорий», «Николай Коперник», «Ногу Свело!», «Нюанс», «Шах», «Э. С. Т.», что, конечно же, не исчерпывает список.

В Ленинграде с названием рок-клуба ассоциируются «Аквариум», «Зеркало», «Зоопарк», «Кино», «Мифы», «Пикник», «Россияне», «Странные Игры», простите все, кого не назвал.

Свердловчане же, которые пытались самоорганизоваться еще в ранние 70-е, прославили свой город такими названиями, как «Агата Кристи», «Настя», «Наутилус Помпилиус», «Трек», «Урфин Джюс», «Чай-Ф», и этот список тоже неполный!

Стоит сказать, что, несмотря на позднейшие признания генерала КГБ Калугина, инициатива по созданию общественных рок-структур принадлежала не только Клубу Гуманитарных Благотворителей. Но если бы не изначальное стремление чекистов «контролировать все и вся», то объединения

пассионарных музыкантов возникли бы все равно, и бороться с ними было бы уже затруднительно. Хотя, в союзе с другими группами жестких согласных – КПСС и ВЛКСМ, ребятам из КГБ некоторое время удавалось даже возглавлять эти общественные организации. Впрочем, некоторые моменты выглядели достаточно смешно.

Представьте, как на одном из фестивалей Ленинградского рок-клуба по знаменитому адресу Рубинштейна, 13, румянощекий комсомольский вождь представляет группу «Санкт-Петербург»:

– Художественный руководитель ансамбля – мастер спорта по легкой атлетике, Владимир Рекшан!

И в этот момент из зала раздается глумливый голос одного из зрителей:

– Ну, метни копье!

Впрочем, от деятельности рок-клуба, конечно же, были и другие впечатления.

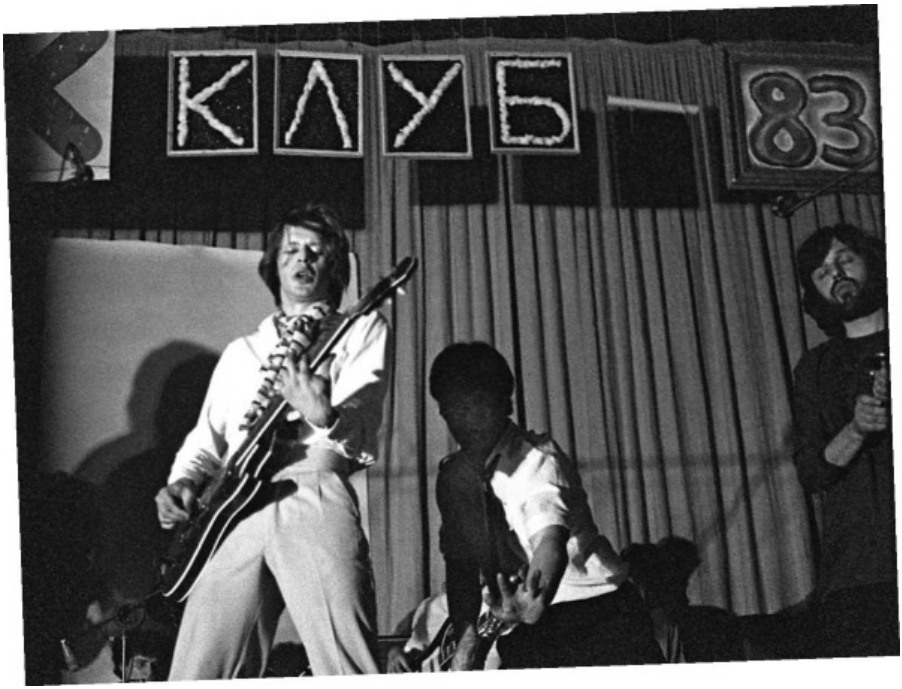
Фома:

– Это же было потрясающе! До сих пор помню, как Боря Гребенщиков вышел на сцену, просто сказал несколько слов, и у меня все внутри перевернулось, как будто я пошел прямо за ним! «Кино» видел там в составе дуэта – Цой и Рыба… А Жора Орднановский с «Россиянами», а? Потрясающий гитарист Жора Орднановский, с которым мы даже познакомиться не успели, он пропал без вести в Старый Новый год… Так до сих пор никто ничего не знает. Великие были люди, и у нас появилась возможность стать одними из них!

1983 год. Руководитель группы «Санкт-Петербург» Владимир Рекиман. Тогда – гитарист и Мастер Спорта, сегодня – писатель и кавалер Ордена Ленина

1983 год. Герои Ленинградского рок-клуба. Виктор Цой.

Справа сверху – Борис Гребенщиков. Справа снизу – Георгий Ордановский. С флейтой – Андрей «Дюша» Романов. Фото Андрея «Вилли» Усова



Вступлению предшествовала торжественная процедура: они пригласили корифеев к себе на репетицию в институтский зал, выставили аппаратуру и дали концерт, на который собрался весь Совет: Михайлов, Гуницкий, Файнштейн… После концерта гости

поднялись в «звукорежиссерскую» к Панкеру и под коньячок торжественно приняли группу в Действительные члены клуба, даже без кандидатского стажа! Кроме «Секрета» такой чести был удостоен лишь один «АукцЫон».

Вот так, с переменным успехом, ни шатко, ни валко, с редкими рок-клубовскими концертами и активным раскрашиванием собой ленинградских телеэкранов, прошел у «Секрета» весь 1984 и начало 1985 года. Макс и Фома подкрадывались к дембелю, но Муре предстояло служить еще год, так что более активных действий от Панкера как продюсера никто и не ждал.

Но мы же помним, что такой функции – «продюсер» – в те годы просто не существовало, да? И посему в дальнейшем с Игорем «Панкером» Гудковым произойдет довольно неприятная история, которой я собираюсь уделить особое внимание, но чуть позже.

А пока, как мы и собирались, давайте на примере «Секрета» разберемся со всеми административными и квазитворческими терминами шоу-бизнеса.

«Саунд-продюсер». Человек, который создает особый фирменный стиль звучания группы, обычно на записи альбома. Вначале у «Секрета» это был Панкер, потом Александр Кутиков, в усеченном «Секрете» этим не занимался практически никто, а сейчас все функции саунд-продюсера легли на гитариста и аранжировщика максовского «Хиппобэнда», Володю Густова.

«Директор». Человек, решающий базовые финансовые, юридические и административные вопросы. Конечно, это Сергей Александров, потом функцию директора разделили Забл и Фома, недолго и неславно на этом поле повоевал Александр Македонский, затем Марат Хайрутдинов, а сейчас, опять-таки, хиппобэндовский басист Юра Гурьев.

«Администратор». В советское время так называли директора, но сегодня это отдельная функция. Выделяется она из директорской у активно гастролирующих коллективов в том случае, если самому директору заниматься мелочами просто лень. Помимо нее отдельные богатые «понтярщики» выделяют понятия «бригадир» – человек, отвечающий за ситуацию на концертной площадке, «роуд-менеджер» – фигура, занимающаяся переездами и перелетами «звезд», а также их комфортом в этом процессе. Бывает еще и отдельный «квартирьер», то есть тот, кто расселяет звезд по гостиничным номерам и контролирует их бытовой райдер.

Термин «промоутер» у нас еще не окончательно сформировался. На Западе этим словом обозначается человек,

продвигающий творчество звезды в СМИ, но у нас этим обычно занимаются пресс-агенты и PR-менеджеры, а промоутера нередко путают с импрессарио: человеком, организующим гастрольные туры.

«Меценат», «спонсор» и «инвестор» – чаще всего это просто богатые люди, ну… о-очень любящие творчество «звезды» и с удовольствием тратящие на него свои кровные деньги. Либо – просто из куража и для собственного кайфа, либо имея некие меркантильно-имиджевые цели. Но в условиях нашей действительности все это обычно совмещается. Андрей Макаревич, например, этих людей называет скромно и значительно: наши друзья.

Сколько функций я тут перечислил? По-моему, десять. Так вот, с 1985 по 1990 год в группе «Секрет» всем этим занимался практически один Сергей Натанович Александров.

Итак, к весне 1985 года, когда Макс и Фома завершили свои отношения с Министерством обороны, «Секрет» уже успел подустать от предложений всевозможных администраторов.

Последние полгода их появлялось по штуке в неделю, но либо они сразу просили предоплату за будущие великие труды, либо довольно нескромные запросы музыкантов заставляли их сдвигать брови, цокать языком и озабоченно качать головой, типа, «Ну вы, ребята, размахнулись… Все это возможно, но не сразу! Лет пять поработаете, тогда и о своей аппаратуре можно подумать, и о зарплате хорошей!» На этом уровне мышления старый друг-многостаночник Панкер их пока вполне удовлетворял. Хоть студия бесплатная…

«Я директор группы „Секрет“, а ты кто такой?»

Так что, когда Фома сказал, что им назначил встречу очередным «Брайаном Эпстайном», особых ожиданий не было. Радужному настрою уже стал уступать место здоровый скептицизм.

Погода теплым апрельским днем 1985 года была удивительно

приятной для северной столицы.

На площади перед Казанским собором непривычно большое количество ленинградцев стояло вокруг уличных газетных стендов, жадно впитывая в себя свежее дыхание второй оттепели, пришедшее со словами «Горбачев», «ускорение», «перестройка», «гласность»…

Назначившего встречу они узнали сразу: у Казанского собора стоял видный муж в черном кожаном плаще нараспашку и широченной шляпе.

Образ его соответствовал как представителю высших кругов богемы, так и «смотрящему» из криминального мира. Хотя, нет, «смотрящий» свой плащ расстегивать бы не стал…

– Сергей Натанович, Сергей Натанович, Сергей Натанович, – басовито пророкотал он трижды и крепко пожал руку каждому из пришедших на встречу.

Первая же фраза Сергея Натановича после формального приветствия резко повысила общий уровень ожиданий:

– Ребята, а что мы будем как босяки разговаривать? Пойдемте, выпьем пивка, – и уверенно направился в сторону бара «Жигули».

Идущие сзади ребята переглянулись. Организовавший встречу Фома вопросительно поднял брови, Макс одобрительно кивнул, а Забл широко улыбнулся.

Сели. Заказали…

Сергей Натанович, как человек серьезный и солидный, ничего лишнего произносить не хотел, а посему многозначительно молчал, сопровождая громкие речи суетливо солирующего Фомы покровительственной улыбкой.

И только при возникшей паузе он поинтересовался:

– А собственно, какие у вас есть конкретные пожелания относительно предстоящей работы?

Фома выпалил:

– Чтобы аппарат, как у Пугачевой!

Макс добавил:

– И плакаты, как у «Землян»!

А Забл, с улыбкой палача-садиста вызывающе завершил серию пожеланий:

– И чтобы получали мы по 500 рублей в месяц!

Под столом ему кто-то возмущенно наступил на ногу, но Сергей Натанович кивнул, невозмутимо допил пиво и спокойно пробасил:

– Будет. Все это у вас будет.

И, не дожидаясь, пока ребята начнут скидываться по рублю за угощение, величавым жестом прекратил эти потуги и подозвал

официанта:

– Любезный, счет мне, пожалуйста!

И это осязаемое подтверждение всем виртуальным обещаниям вдруг сделало их совершенно реальными!

Фома:

– Да никогда в жизни «Жигулями» этот пивняк не назывался! «Очки» – и все! Потому что там, рядом, магазин «Оптика» был, и очки на витрине. А так – точно, мы сидели в «Очках», такой у нас был «Славянский базар».

Роскошная деталь, вот бы там еще мемориальную доску поставить! В общем, из пивного бара «Очки» группа «Секрет» вышла, уже имея своего Директора. А теперь пора дать прямую речь и самому Натанычу, ведь официально он числился в Ленконцерте артистом разговорного жанра!

Натаныч:

– Я человек опытный, проработал в Ленконцерте немало и профессионального чутья мне не занимать. Ребята мне сразу же понравились. Во-первых, потому что я старый битломан со стажем, а во-вторых, мне безумно импонировало то, что они – в первую очередь АРТИСТЫ, а уже во вторую – музыканты. Ленконцерт был… ну, очень консервативной организацией, и ничего подобного там еще не было. Пожелания у них были очень наивные… «Хотим быть круче "Землян"!» – вот что я запомнил… А о деньгах тогда разговора вообще не было. Это вы дофантазировали, но получилось хорошо. Можно оставить. Мы тогда просто «обнюхались», но решили начать совместную работу.

Макс:

– Натаныч прав. Про деньги разговор был уже потом, на следующей встрече, там, кстати, и Мура уже присутствовал. Но для стройности композиции – оставь.

Перед сдачей программы «Секрету» нужно было обрести репетиционное помещение и концертные костюмы. Деньги на это Ленконцерт выделил под честное слово Александрова. Не думаю, что обычный зритель поймет, что это значит, но музыканты, заставшие «эпоху Совка», могут оценить. Кроме того, предстояла борьба за комплект аппаратуры, но у Натаныча на этот счет уже были некоторые планы. А вот то, что один из артистов еще год должен был числиться за Министерством обороны, для желаемого режима функционирования «Секрета» проблем создавало значительно больше, чем Макс и Фома с их АПиПом.

Скажу больше! Это было буквально катастрофой для

предстоящего гастрольного «чеса», а ведь именно этот профессиональный термин обозначает тот сладостный процесс, ради которого администраторы, собственно, и выбирают себе популярные коллективы!

Но, чтобы понять всю ситуацию, давайте вернемся на год назад, в раннюю весну 1984 года, когда Алеша Мурашов впервые примерил казенные сапоги.

«Пылинки сдувать? Да не вопрос!»

«У солдата выходной – пуговицы в ряд!» (часть 2)

В своем педагогическом институте Мурашов к тому моменту уже восстановился, но военкомат это не волновало:

– Пойдешь служить!

Мура:

– Меня должны были призвать в Кремлевский Полк. Ты же видишь – рост, красота… Все при мне! Слава Богу, у них не выгорело. Стоять у мавзолея – это же «досвидос, ноги», тем более мне – барабанщику!

От кремлевского полка по охране мумии первого советского фараона отвертеться удалось, – псориаз! – но во времена ППП – «Пятилетки Пышных Похорон», когда страна каждый год закапывала своих генеральных секретарей, в армию стали забирать практически всех, чуть ли не одноногих и слепых. Так что, в связи с новыми политическими веяниями, для обычной службы Мурашов оказался вполне годен:

– Пойдешь служить!

«Ну, я вам там навою!»

Лешины надежды на то, чтобы вообще откосить по тому самому псориазу, накрылись повесткой достаточно скоро. Военкоматовский врач пробежал глазами строки, указывающие на уже бессмысленный недуг, и с плотоядной ухмылкой произнес:

– Пойдешь служить!

Ну и что было делать? Особых требований для «блатной» службы не имелось: лишь бы остаться в Ленинграде, а там разберемся.

«Оркестр Клуба Одиноких Стройбатовцев Сержанта Перчика»!

Макс, Фома и Забл включили все свои знакомства, более того, к поискам нужного решения было подключено все окружение, как самих секретов, так и их родителей и друзей. Но

найдено оно было благодаря случайной встрече Муры в автобусе с общим приятелем секретов Вадимом Майоровым. Он его направил к руководителю оркестра (!) одного из ленинградских стройбатов, и тот сказал:

– Могу взять к себе. Но для этого нужно, чтобы на сборный пункт ты пришел строго в назначенный день!

Легко сказать… А у Муры повестка на три дня раньше!

Зима, холод, Лешка раздевается до кальсон и больше часа сидит на балконе, чтобы всерьез простудиться. Уходит спать, утром ставит градусник – это ж надо, 36,6! Только ячмень на глазу!

Но именно этот ячмень и спас группу «Секрет». Участковый терапевт выдал Леше справку о болезни, которая послужила основанием для неявки в призывной день. Таким образом, в нужный день на сборном пункте произошла так нужная встреча, в результате которой ударник группы «Секрет» остался служить прямо в городе на Неве.

Но это же только половина решения, ведь просто находиться в городе мало, нужно же иметь возможность выходить на волю в дни репетиций, концертов и съемок!

Функции отмазки Муры в нужные дни записи и съемок «Кружатся диски» поначалу взял на себя Забл.

Он надевал на лицо приветливое, но официальное выражение, добавлял к нему официальную бумажку от Ленинградского телевидения (ну, воинская самодеятельность, престиж города и т. д.), с которыми и заявлялся в часть, где проходил действительную воинскую службу рядовой Советской Армии Алексей Мурашов.

Удивлялись, недоуменно жали плечами, мол, кому может быть нужен этот бесполезный боец, который даже канаву копать толком не умеет, но отпускали…

Правда, не всегда. К новогодней передаче «Кружатся диски» командир по какой-то важнейшей причине уперся, и… В песне «Последний час декабря» на заднем плане вместо Алексея Мурашова красовался другой Алексей – Либов, друг группы.

В общем, трудно было Сергею Александрову начинать работу с перспективным коллективом в таких условиях… Но помог случай и богатырское здоровье директора!

Мура:

– Натаныч был крутым профи, и потом уже из армии меня «выкупал» только он, чему крайне обрадовался Забл и редактор Ленинградского телевидения Ира Михайлова, которой приходилось все бумажки писать и по телефонам названивать.

Они просто устали. А вот сколько это стоило денег, я не знаю! Или не помню…

Натаныч:

– За тот год, что Мурашов служил в армии, а я уже работал с «Секретом», в казарме он ночевал от силы две ночи из каждых десяти. Но про деньги он это зря. Тратилась там моя печень. Дело в том, что замполит его стройбата оказался моим сослуживцем, вот с ним-то мне поначалу и приходилось выпивать. А потом мы перевели Мурашова из города, где он был на виду, в маленький стройбат под Ленинградом, и друг-собутыльник передал меня по эстафете тамошнему командиру, подполковнику, которого я называл «Монумент». Это был кошмар: он как садился за стол, так просто каменным становился… До тех пор, да и после, никто в моей жизни так не пил!

«ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ!»

Сегодня в Спортивно-концертном комплексе имени В. И. Ленина начинается большая театрализованная эстрадная программа для молодежи «Возьмемся за руки, друзья!». Концерты будут идти до 2 марта.

Набор исполнителей этого представления сулит встречу с молодыми, но уже зарекомендовавшими себя ансамблями, с известными и совсем новыми именами. Впервые на сцене в тринадцать тысяч зрителей, а не на небольшой площадке выступит бит-квартет «Секрет», в составе которого все те же, знакомые по выступлениям в телепрограмме «Кружатся диски», — Максим Леонидов, Николай Фоменко, Андрей Заблудовский, Алексей Мурашов. По итогам конкурса «Звезды-85» квартет занял шестое место среди ансамблей, и с недавнего времени выступает в программе известного джаз-оркестра «Диапазон», который также сыграет в СКК.

Дебютирует на профессиональной сцене ленинградский ансамбль политической песни «Грандола», многие годы выступавший как самодеятельный коллектив ДК имени Ильича. После двух лет стабилизации состава, поиска репертуара и сценического образа набирает класс и другой коллектив — группа Олега Гусева. В ансамбле играют интересные инструменталисты, репертуар составляют мелодии О. Гусева на стихи Роберта Рождественского, Михаила Дудина, молодых ленинградских поэтов-песенников Д. Рубина, М. Шелега.

Еще два имени, чье участие в программе «Возьмемся за руки, друзья!» ожидается с интересом: Юрий Николаев, танцевальный ансамбль «Лидер». Иными словами, ведущий телепрограммы «Утренняя почта», танцевальный коллектив, знакомый по выступлениям с Аллой Пугачевой.

На сцене СКК вы увидите и других артистов разных жанров. Но в данном представлении все они будут не просто демонстрировать свое индивидуальное мастерство, а по воле сценариста и режиссера должны стать участниками спектакля, пронизанного высокими мотивами нашего времени. «Возьмемся за руки, друзья!» — в названии заложена главная идея программы: артисты постараются сделать и вас, зрителей, активными участниками.

В. СОКОЛОВ

● Бит-квартет «Секрет». Рисунок В. Неговского

Зам. редактора В. ЮГИН

Однажды для того, чтобы «вынуть Фокса с кичи», то есть забрать Муру из армии, Натанычу пришлось не просто угрюмо выпивать с Монументом, а закусывать чистый спирт… таблетками поливитаминов, ибо ничего другого под рукой в тот момент просто не оказалось.

Великий человек!

«У меня такой характер! Ты со мною не шути!»

Вот возьму-ка я на себя наглость (не первую и не последнюю, предупреждаю!) и приблизительно как «пан Ведущий» попробую здесь кратко и афористично описать все четыре характера, хотя понимаю, что три десятилетия назад кое-что было по-другому….

«Ну и что же ты про нас думаешь?»

Макс

Вальяжный, самоуверенный, ироничный, но весьма осторожный, с детства влюблен в самого себя… Недавно наконец добился взаимности.

Фома

Взрывной, но упорный. Обаятельный, но закрытый. Язвительный, но чуткий. Яркий, артистичный и остроумный… До головной боли у окружающих.

Забл

Мечтательный, сентиментальный, упрямый, драчливый… Как всякий мальчик, доказывающий, что скрипочка при нем случайно и совершенно чужая.

Мура

Добродушный, мягкий, уступчивый, ранимый, внушаемый и слабохарактерный, но… Оспаривая это, может дойти до чего угодно.

HOTEL IMPERIAL

Макс:

– Э! Про остальных все правильно, но то, что ты называешь моей самовлюбленностью, на самом деле чувство собственного достоинства!

Мура:

– Я? Слабохарактерный? Миров, ты совсем дурак?! Бессменный барабанщик звездной пионерской дружины имени Германа Титова, председатель совета отряда, член совета дружины, чемпион школы и района по лыжам, КМС по фехтованию на шпаге, любимец женщин, востребованный детсадовский хохмач по прозвищу «Алеша, рассмеши!», лучший пионер района (почетная фотография у знамени районной пионерской дружины), дважды ударник коммунистического труда, зам. председателя комсомолькой ячейки армейского батальона, кун-фуист, заваливший сен-сея в очном спортивном бою – СОПЛЯК и ТРЯПКА??????? Миров, срочно познакомь меня

со своим врачом, мне необходимо с ним поговорить! Да, была склонность к алкоголю, но я смог ее победить! Да, был отчислен из института за драку, но через год был восстановлен! Да, потерял сознание при первой и последней сдаче донорской крови на производстве, но ведь больше я туда не ходил! Да… Наверное, еще что-то… Но это уже детали. А геройский поступок на сцене? Смотри: стадион. Середина выступления «Секрета». Поворачиваю голову налево и вдруг… Вижу загоревшийся кабель, который ведет к левым от меня порталам! В голове промелькнул рассказ о недавних событиях в городе Таллине на выступлении группы «Алиса». В точно такой же ситуации огонь дошел до портала, из колонки вырвало динамик, которым ранило в голову одного из зрителей. Оглянулся по сторонам – ни одного техника! Недолго думая, вскочил из-за барабанов, метнулся к месту возгорания, на ходу расстегивая ширинку… Ну, ты же знаешь, что пописать на огонь – единственно возможное решение. Подбежал, достал свой «пожарный брандспойт»… И тут же пришла в голову шальная мысль: убьет же через струю! Слава Богу, тут уже появились техники, сигналом для которых послужил не пожар, а отсутствие звука ударных в быстрой и мощной песне. За такой поступок, за смекалку и самопожертвование в США принимают в Зал славы рок-н-ролла! Во всяком случае, так сказал Саша Любимов.

Я:

– Все-все, молчу-молчу, Мура, и больше – ни слова ироничного про тебя… Ну… почти ни слова!

А так видели секретов восхищенные девочки-фанатки… Рисунок одной из них в 1986 году

Итак, какие же бывают «идеальные четверки», с кем бы сравнить?.. Для начала, конечно же, проведем аналогию с битлами. Есть психологические совпадения? Безусловно, и, например, совпадение личности Мурика с Ринго Старром близко к 100 %.

А вот Забл, хоть и старался ассоциироваться у окружающих с Джорджем Харрисоном, имеет с «тихим битлом» гораздо меньше совпадений. Я бы здесь назвал цифру процентов в 70.

Ну а пара «Леннон-Маккартни», как частенько называют в группе Макса и Фому, хороша именно парой, потому что в отдельности Максим и Коля растащили своих кумиров по кусочкам, и все получилось, как у Гоголя: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича…» Но если бы Макс держал в руках бас-гитару, то внешнее и внутреннее сходство с сэром Полом было бы намного выше, чем у Фомы

с Джоном Ленноном, которое даже при наличии ритм-гитары в руках было бы весьма условным. Однажды (уже в режиме трио) он попробовал в своих текстах побыть революционером, но быстро выздоровел.

Впрочем, диалектическое «единство и борьба противоположностей» в этой паре сохранялось и сохраняется

точно, как и в оригинале!

Теперь попробуем поискать сравнения в «комедии дель арте». Это сразу же приходит в голову, когда смотришь на Колю Фоменко: ну классический же Арлекин! Только имена и функции персонажей в южно-итальянской и в северо-итальянской традиции различаются весьма сильно. Нам же ближе и понятнее их транскрипция у Алексея Толстого в «Приключениях Буратино».

Да, Фома – Арлекин. Да, Забл – типичный Пьеро! Но если Макса представить тем самым Буратино, то… Мурику остается только роль пуделя Артемона. Не пойдет, прости, дорогой.

А вот посмотрим, как все укладывается с любимыми персонажами Дюма:

Фома – холерический д'Артаньян с шилом в заднице.

Макс – флегматичный и мудрый Атос.

Забл – меланхоличный Арамис, тихушник с десятком белошвеек по углам.

А Мура – Портос! Пусть и худой, но добрый и простодушный!

В общем-то – идеальная компания друзей… Если встречаться по выходным за партией в бридж или рюмочкой чая. Но ведь им предстояли ГОДЫ совместного существования в режиме «каждый день и даже ночь», зарабатывание денег, отстаивание своего вклада в общее дело!

«Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!»

С лета 85 года у «Секрета» начался «роман с Ленконцертом». Правда, по версии Забла (уже зарубленной Натанычем, но все-таки), он начался на год раньше, когда с подачи Макса они сели на репетиционный период в Дом музыкальных ансамблей. Александров же зашел к ним туда, хмыкнул и через некоторое время перевел группу в отдельный ДК, куда поставил ленконцертовскую аппаратуру «Динакорд», в комплекте с которой поступил и звукорежиссер «Землян» Вася Алексеев.

А впереди уже виделись концерты, гастроли по стране с оркестром «Диапазон», где тогда солировали Валерий Леонтьев, Александр Розенбаум и Михаил Боярский. Каково перед ними выступать первым отделением?

Так что на репетициях звукорежиссеры Вася Алексеев и Панкер сидели рядом, делились опытом…

Вот тут мы подходим к истории, практически полностью повторяющей драму Пита Беста в группе «Битлз». Помните?

В середине августа 1962 года Брайан Эпстайн вызвал его и объявил: «Пит, я должен сказать, что ребята хотят, чтобы ты ушел, а твое место занял Ринго. Они считают тебя недостаточно хорошим барабанщиком, и Джордж Мартин тоже так считает!»

Удивительная история. Сам Пит еще за минуту до этого разговора не подозревал о грядущей беде, да и Ринго Старр был еще несколько дней связан контрактом с Рори Стормом, так что пару концертов в «Каверне» с группой «Битлз» пришлось выступать Джонни Хатчинсону.

А зачем было так торопиться-то? Говорят, что настоящей причиной были чисто психологические нестыковки с Бестом. И гулял-то он по Гамбургу отдельно от остальных битлов, и прическу-то менять не захотел…

А по-моему, все просто: у битлов всерьез замаячил контракт с фирмой EMI, означавший новый «рывок по жизни», а саунд-продюсер Джордж Мартин намекнул, что неплохо бы группе на первую запись взять ударника-сайдмэна… Ну и Джону Леннону сотоварищи так хотелось попасть на эту студию, что они, «задрав штаны», побежали исполнять скромное пожелание Мартина даже с перевыполнением плана.

Пит Бест даже не подозревает, что дни его в группе «Битлз» сочтены…

Самое смешное, что на первой записи даже новичка Ринго заменил суперпрофессиональный Энди Уайт, но с Бестом все было уже решено…

Вот и Панкер, человек, находившийся рядом с «Секретом» в течение всех трех первых лет, бесплатно записавший все их песни, приведший их в Ленинградский рок-клуб, организовавший большинство выступлений, познакомивший ребят с легендарным Майком Науменко, на новой ступеньке группы оказался помехой. Перед тарификацией и официальным оформлением в штат Ленконцерта Натаныч впрямую сказал, что этот человек больше не нужен. Некоторые пытались сопротивляться, но… Придумать, чем Игорь «Панкер» Гудков будет заниматься в новых условиях, никто так и не смог.

Макс:

– Панкер с нами делал все: он и звукорежиссер, и администратор, он даже пытался внедрить элементы продюсерства! Все сразу и… все не профессионально! Кроме того, у нас всегда присутствовала какая-то идейная чужеродность в музыкальных вкусах. А как только мы пришли в Ленконцерт, тут появился потрясающий директор Сережа Александров и

звукорежиссер от «Землян» Вася Алексеев! Ну как можно с ними сравниться? И… честно говоря, я сейчас даже не припомню, как произошло расставание. Ну, Натаныч, наверное, разрулил…

Панкер:

– Знаешь, мне тогда думалось: мы же не просто группа, а ГРУППА! А я – пятый секрет… Пошла движуха, начались деньги, назначена тарификация… И тут Натаныч меня просит зайти и говорит, что дать мне ставку, как всем, не получится. Только – «четыре пятьдесят» за выход. Ну, я думаю, и ладно! Все равно денег до фига получается! А еще, говорит, тебя нельзя оформить звукорежиссером, потому что там Вася Алексеев числится, можно только рабочим. Тоже, говорю, фиг с ним, не страшно. Но понимаешь, говорит, тебе ведь и работать придется не звукачом, а рабочим… Ну, ни фига себе! Я был практически продюсером и саунд-продюсером лучшей группы Ленинграда, а меня вот так опускают! Я, конечно, сразу рванул к ребятам в ДК Дзержинского. В тот день готовился концерт, и ждали Пугачеву. Ну, думаю, они сейчас им всем как скажут! Как выступят! Как дадут! И вдруг… Вижу, что парни прячут глаза и резко начинают заниматься своими делами, я – к Заблу, такой просто извинился и начал зачем-то гитару настраивать… Вот так, значит… Ну, говорю, я все понял, успеха вам. В общем, обиделся и ушел пить. К Майку. Потом они мне сказали, что я сорвал концерт и поэтому работать со мной не будут… Я долго с ними не разговаривал, а потом заработал на другом деле много денег, и мне стало уже все равно!

Забл:

– Ну… Все так и было, только я от него никуда не скрывался. Мы с ним подробно поговорили, и он сказал мне тогда: «Смотри, Забл, эти "АРТИСТЫ" меня кинули, а потом также и вас с Мурой кинут!» Он просто все забыл уже.

Панкер и Забл. Примирение через несколько лет

Кстати, почти то же самое случилось и с Петькой Подгородецким, который, счастливо улыбаясь, пускал во сне слюни после аншлагового юбилейного концерта «Машины» в «Олимпийском», когда ранним утром раздался телефонный звонок. Вчера все прошло просто замечательно, удалось даже за кулисами пропустить пару стопочек с большими начальниками, вроде Чубайса и Путина, а тут вдруг Володя Сапунов, директор «Машины Времени», говорит ничего не соображающему спросонья Петьке: «Макар просил передать, что коллектив в твоих услугах больше не нуждается».

Петр Подгородецкий пытается соразмерить дружбу, талант и этику

Фома:

– Слушай… Вот ты написал, а я только сейчас все вспомнил и понял, что именно так все и было! Как же мы жутко поступили по отношению к Панкеру… А тогда, в суете и славных перспективах, мы об этом даже не подумали!

Интересная закономерность, правда? Все это делали директора… Душа творческого человека столь нежна и ранима, что предательство ему совершать, конечно, можно, но лучше

чужими руками. Или устами… Тяжело ведь сказать другу, мол, прости, конечно, но пошел-ка ты, старик…

Да, конечно, всегда есть туева хуча уважительных причин, объясняющих, почему с былым соратником необходимо расстаться! И техника игры-то у него слабая, и во вкусах-то мы стали расходиться, и как человек-то он – говно, и пьет уже даже не как сапожник, а как лошадь сапожника…

Но главное и решающее здесь, конечно, в другом: команда перестает себя с ним чувствовать комфортно, или он просто начинает тормозить общий рост, и эта причина здесь объясняет и извиняет абсолютно все.

Еще неизвестно, что пришлось бы делать группе The Rolling Stones, если бы «закирявший» Брайан Джонс, уже превратившийся в откровенный балласт, самостоятельно не заявил о своем уходе. Через несколько дней он, правда, еще взял и утонул в собственном бассейне, но, по меркам шоу-бизнеса, это уже мелочи.

Дружба и Порядочность как раз из тех самых жертв, которых постоянно требует себе Искусство. Такое расставание со старым другом-соратником – это, конечно же, самое настоящее предательство, но оно даже не то чтобы простительно, а просто необходимо, да и не только в музыке.

Об этом же на рубеже тысячелетий я разговаривал и в интервью с великими советскими актерами, неожиданно ставшими художественными руководителями главных театров в Москве и Санкт-Петербурге.

Михаил Ульянов:

– У нас огромная, перегруженная труппа. Надо сокращать, причем сокращать стариков, а это безумно тяжело! Они приходят в театр только за зарплатой, но они же все мои друзья, и я знаю, что на пенсию они не проживут… но что делать-то?

Кирилл Лавров:

– Для меня расставание с друзьями это крайне болезненный вопрос. За четырнадцать лет я так и не уволил ни одного артиста, чем, конечно же, понизил общий уровень нашего театра!

Вам кажется, что я все-таки осуждаю музыкантов и продюсеров за то, что они «предают старых друзей»? Да упаси Бог! В отношении битлов это с моей стороны вообще было бы даже не наглостью, а запредельным хамством! Еще раз заявляю: музыкальный бизнес – штука чрезвычайно жесткая, и без подобного «предательства» коллективное творчество обойтись просто не может.

Правда, из этой практики есть по крайней мере одно безумно красивое исключение… Такое красивое, что аж слезы на глаза наворачиваются!

Рик Аллен, ударник группы Def Leppard, в наши дни

Когда в 1991 году ударник британской группы Def Leppard Рик Аллен по собственной дурости потерял левую руку, остальные музыканты… отказались расставаться с другом и брать нового барабанщика, хоть и понимали всю опасность этого решения. Вы только вдумайтесь: однорукий ударник! Но за несколько месяцев коллективными усилиями была придумана и разработана принципиально новая ударная установка, на которой Аллен смог играть одной рукой и ногами[4].

Понятно, что музыкальные партии под это тоже были скорректированы!

Эх, Европа, какая же мерзкая ты и бесчеловечная…

«Ты как хочешь это назови!»

История о прохождении «Секретом» процедуры инициации… Ой, простите, тарификации в Ленконцерте довольно хорошо описана в книжке у Макса, но я бы хотел обратиться к ней еще разок.

Напоминаю, что происходило это в то самое время, когда на все советские ВИА и особенно «рок-группы» пошел очень серьезный наезд.

Возник он отнюдь не в подвалах Лубянки, как может показаться непосвященному, а в мягких и комфортных недрах Союза композиторов СССР.

Весь этот «пахнущий фенхель» (шутка старая, обыгрывающая фамилии известных советских композиторов Александры Пахмутовой и Яна Френкеля) просто воспользовался общей атмосферой «андроповского закручивания гаек» для того, чтобы вернуть себе сладкие «авторские», размер которых сильно приуменьшился с появлением новой музыкальной палитры, представленной еще недавно самодеятельными музыкантами!

Дело в том, что каждая концертная площадка страны всегда должна была отчислять определенный авторский процент за исполненную на ней песню. Если большие концертные залы отдавали в ВААП (предшественник РАО) 7–8% от сбора, то с ресторанами поступили проще: две копейки с каждой песни. Сумма, конечно, смешная, но если учесть размеры страны и количество в ней ресторанов, то, как говорится, «пять старушек – рубль!»

Первый звоночек для «пахнущего фенхеля» прозвенел, когда на рубеже 70-80-х Юрий Антонов за все свои «Абрикосовые и Виноградные» вдруг получил… несколько миллионов рублей. И у СССР резко зачесались финансовые органы, мол, как такое возможно?

Воодушевленный своими доходами, Юрий Михайлович неоднократно пытался вступить в злосчастный Союз композиторов, но не тут-то было! Считать его своим композиторы не хотели уже из вредности, повторяя чью-то шутку: «У нас в Союзе двери очень узкие, а у Антонова за спиной такой мешок с деньгами, что пройти он просто не может!»

Тариф снизили, теперь за песню стали отчислять по одной копейке. Вот тут композиторы и взвыли! Тем более, что магнитофонная культура резко подняла популярность таких групп, как «Земляне», «Цветы», «Диалог», «Браво», «Машина Времени», и посетители ресторанов с гораздо большей охотой

стали растрясать жиры под «Поворот» и «Каскадеров», нежели под официальные «Носики-курносики»! А уж фантастический взлет популярности виртуального проекта Чернавского-Матецкого «Банановые острова» вообще все поставил с ног на голову! Это ж надо – кто автор и первый исполнитель, неизвестно, а все рестораны пляшут под «Я робот» и «Мальчик Бананан»!

Ну и что делать?

Как что?! Запретить, конечно!

И в 1983 году принимается эпохальное постановление, запрещающее музыкальным ансамблям исполнять больше 20 % собственных и зарубежных композиций в программе. Не менее 80 % должны представлять песни советских композиторов. Роскошный пример лоббизма, правда?

Ух, и помучились тогда музыканты! «Машина Времени» для отмазки записала «Багги» Игоря Якушенко, «Автограф» смирился с песней «Два снега» Юрия Саульского, а «Карнавал» Саши Барыкина, преодолевая тошноту, исполнял «Солнечному миру – Да! Да! Да!» самой Александры Пахмутовой.

Именно в эти годы члены Союза композиторов взялись «крышевать» молодежные группы. Карманными ансамблями обзавелись Оскар Фельдман, Максим Дунаевский, Александр Морозов, Давид Тухманов… Да и все, кто успел! Как раз к этому времени относится полуискусственная популярность «Форума», «Электроклуба», «Фестиваля» и прочих бастардов, прижитых официальной культурой от почти подпольного и антисоветского, по сути своей, рока.

А настоящие молодежные группы – давить, конечно! Тогда бытовала шутка про отношения властей и молодежного рока: «А дустом пробовали?»

Впрочем, народ умудрялся все эти истории как-то обходить. Лучше всех справился «Автограф».

Леонид Гуткин:

– Ситковецкий решил вопрос гениально просто. В полном соответствии с тем постановлением наша программа состояла из четырех песен каких-то советских композиторов на первые 10 минут (80 %) и… одной полуторачасовой «Сюиты», включавшей себя все наши авторские произведения!

А в «Машине Времени» этим вопросом вообще не заморачивались, ибо Росконцерт на ребят, два года подряд делавших план всей огромной организации, просто молился! Макаревич отмахивался от назойливых мух одной фразой: «Простите, но чем я вам не советский композитор?», тем более, что членство в горкоме драматургов давало ему некоторые

официальные права.

Но тогда наезд на молодежные ансамбли пошел с другой стороны: обязательные ежегодные тарификации и переаттестации.

Причем, как это у нас водится, аттестовать и тарифицировать должны были совершенно безграмотные, а иногда и неадекватные по возрасту люди!

Типичная история произошла при сдаче программы группой «Круиз».

Матвей Аничкин:

– Отыграли мы все просто блестяще. Ну – носа не подточить! И выступления членов комиссии были довольно благожелательными. Я уже руки потирал, как вдруг встает одна бабуля, «божий одуванчик», и говорит: «А вот у них дым на сцене, а если у зрителей астма?» И все! Программа не принята, через два месяца – новая переаттестация.

Через этот ад в те годы проходили все ВИА. Понятно, что с ними просто воевали не на жизнь, а на смерть, но иногда случались уж совсем анекдотичные случаи!

Максим Капитановский:

– Программу сдавали в баре, больше негде было. Все хорошо, выдержанно, патриотично… И вдруг встает какой-то хрен и говорит: «Знаете, вот мне не нравится, как играет на синтезаторе ваш клавишник! Как-то очень вяло и совершенно не согласованно со всей группой!» Мы переглядываемся и не понимаем, о чем он говорит, ведь в команде вообще нет клавишника, да и синтезатора нет! А он говорит: «Я вот про этого музыканта!», – и указывает пальцем на бармена, который тихо возится с кофе-машиной… Ну, мы заржали так, что стекла затряслись! Только программу не приняли, сказали, что мы слишком неуважительно относимся к старшему поколению…

У «Секрета» же все прошло относительно благополучно, только должен вам напомнить, что тарифицировалась группа не как музыкальный ансамбль, а как… коллектив музыкальных эксцентриков! Наверное, именно поэтому певец Эдуард Хиль посоветовал ребятам после сатиры, обличающей Запад, все-таки взять в руки патриотичные балалайки, а композитор Александр Морозов выразил осторожное сомнение: «Неплохо, конечно, только нужен ли нам этот жанр? Совершенно непонятно, куда такая музыка может повести советскую молодежь!»

В общем, саму концертную программу сдали, а вот за все остальное пришлось всерьез пободаться…

Что же здесь может быть остальное? Объясняю. Натаныч, один из первых музыкальных администраторов, оценил все возможности штуки, которая сейчас называется «мерчендайзинг», а тогда – «продажа сувенирной продукции». На импровизированные прилавки во время концертов «Секрета» планировалось выкладывать красные галстуки, значки, майки, куртки, фотографии, плакаты…

Вот за дизайн всего этого «халоймеса» они и зацепились!

Это лишь малая часть всей сувенирной продукции «Секрета»

Натаныч:

– Трудно пришлось. Я там всерьез повоевал. У нас был один плакат, где ребята, свесив ноги, сидели на рояле, так этот плакат вообще запретили! Мол, не может советская молодежь так сидеть на советском рояле! Но, по большей части, всю продукцию удалось отстоять…

Чуть забегу вперед. Через два года «Секрету» понадобилось пройти перетарификацию с повышением. Да и ставки нужны были все-таки инструментальные, чтобы совмещать их с вокалом и другими инструментами, ведь за это капали «половинки и четвертушки»!

(Кстати, знаменитый фокусник Арутюн Акопян, который всегда мурлыкал себе что-то под нос, получал за это четверть ставки аккомпаниатора!)

Но и Сергею Александрову ребята предложили тоже сделать инструментальную ставку, а для этого на комиссии поставили его рядом с Лешей Мурашовым, чтобы он несколько раз палками ударил по бонгам.

Натаныч:

– Мне так стыдно было! Как кролик стою, палками стучу, только всю музыку порчу… Ну и после первой песни плюнул на все и ушел. Думаю, хрен с ней, с повышенной ставкой. А потом слышу, комиссия спрашивает, мол, почему второй ударник ушел, а тут Фома ни секунды не думая говорит: «А партия у него такая. Во второй и третей песне бонгам делать нечего!» И что ты думаешь, меня тарифицировали!

«От Москвы до Ленинграда, и обратно до Москвы!»

К сентябрю 1985 года «Секрет» уж был готов к тому, чтобы по-взрослому «тряхнуть стариной Ленинградом»! К ведению концерта был привлечен молодой и красивый сослуживец Макса и Фомы Вася Соловьев, за лето уже была произведена «обкатка» программы в таких областных городах, как Сестрорецк, Гатчина, Всеволожск, Кронштадт… Не забыли даже несостоявшуюся столицу «Советской Финляндии» Териоки, правда, называлась она теперь Зеленогорском.

Более того, «Секреты» в последний момент были включены в программу Московского фестиваля молодежи и студентов, и успели поучаствовать в нескольких концертах.

Да и на публике ленинградского ДК им. Дзержинского они уже неоднократно себя проверили.

И Натаныч дал отмашку: «Можно!»

Были пошиты костюмы, расклеены афиши, напечатаны билеты и флайеры…

Но десять полных аншлагов в Ленинградском дворце молодежи тогда никто ожидать не мог!

И продумано было все в духе той самой Игры в «Битлз», ибо начиналось все еще в фойе: самодеятельная группа «Блик» исполняла и битловские, и секретовские, и свои собственные песни, фаны им с удовольствием подпевали, а параллельно шел конкурс на звание «Мисс Секрет», победительница которого потом вызывалась на главную сцену, в общем, заходя в зал, зритель уже был готов к обожанию тех, кто им этот праздник устроил, в чем помогал торжественный, но при этом совершенно нестандартный конферанс!

Вася Соловьев:

– Сумасшедшие были концерты! Я там оказался, надеюсь, в жилу, но «Секрет» вполне мог обойтись и без меня, это полный фурор, конечно!

Забл:

– Да, это был настоящий успех. Такой, о каком мы никогда и не подозревали, что он возможен… Ты себе не представляешь, что началось, когда Натаныч, сидевший в третьем ряду, вдруг встал и начал разбрасывать наши фотки, как прокламации!

Вот, собственно, о Натаныче я бы и хотел сейчас еще

немножко поговорить.

Солидный, взрослый, серьезный человек. Знающий цену деньгам, умеющий их зарабатывать в нелегкое советское время…

Вообще, эстрадные, театральные и киношные администраторы были тогда людьми из совершенно другого теста. Находясь рядом с творцами, они сами должны были обеими ногами твердо стоять на этой земле, прекрасно ориентироваться во всех реалиях, уметь уверенно общаться на всех инстанциях, решать вопросы как на официальном, так и на теневом уровне, иметь в голове базу знаний и в юриспруденции, и в бухгалтерии, а также разбираться в логистике даже тогда, когда и слова такого еще не существовало!

Ах, да, еще зубные врачи. Почему именно они? Да потому что только эти две небольшие категории людей в эпоху диалектического материализма имели «неучтенку», то есть некие наличные средства, проконтролировать приход и уход которых было практически невозможно!

Ну как, скажите, можно учесть бюджет, потраченный на киномассовку, когда люди за день, проведенный в толпе под камерами, получали наличными три или пять рублей? А как проверить количество пациентов, заплативших дантисту четвертной за пломбу из импортных (сиречь, качественных) материалов?

Да никак. Существовал еще целый ряд способов «решания финансовых вопросов», но сейчас мы не об этом, ведь я прекрасно помню, какими неприятно звучащими словами называли этих оборотистых людей: «махинатор», «аферист», «блатмейстер», «гешефтмахер»…

Но пройдет всего три-четыре года, и эта порода начнет строить экономику всей страны!

А пока… Знаете ли, еще слишком свежи были воспоминания об охоте на предпринимателей в сфере развлечений и зрелищ, а также и сроки, полученные Рудинштейном, Смольным, Иваненко… Да и скандал с группой «Воскресение» был совсем недавно!

Алексей Романов:

– Ну, что я могу тебе про это сказать… У нас тогда были очень большие проблемы и длились они целый год, но ничего серьезного там вообще не было. Просто продавались билеты, и все! В общем, мы все попали под андроповскую кампанию по закручиванию гаек.

Но только кампания по «генеральному закручиванию гаек» со смертью Андропова и переносом в кресло генсека тела Черненко

не закончилась, и ситуация вокруг концертной деятельности молодежных ансамблей была достаточно напряженной. А тут… Знаете, серьезный и тертый Натаныч оказался в душе таким же мальчишкой, как и четыре раззвездяя, с удовольствием называющие его «папой»!

Игра в «Битлз» настолько захватила и его, что я сейчас уж и не рискну сказать, кто ставил задачи, а кто их выполнял! Например, знаменитая эскапада «Секрета» на первом гастрольном выезде в Новгород (тот, который после этого-то и стал Великим) произошла с подачи именно Александрова!

Натаныч, думая, как «сделать» 150 километров от Ленинграда до Новгорода, решил остановиться на идее автотранспорта. Два такси? РАФик? Автобус? Может быть. Но потом ему, впечатленному «Авторизованной биографией "Битлз"» Хантера Дэвиса, пришла в голову идея… взять на Ленфильме в аренду ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЛИМУЗИН!!!

И взяли.

ЗиЛ-114.

И написали на нем большими буквами: БИТ-КВАРТЕТ «СЕКРЕТ».

«Он сказал „Поехали!“»

И приехали на нем в Новгород!

Макс:

– Это было круто! Вот тут мы уже себя почувствовали совсем

битлами! Это ж правительственная машина, она ж как танк, у нее внизу плита стальная, весом в несколько тонн, и поэтому на скорости в 170 километров в час, ни один стакан воды (воды!) на столике не расплескался! А потом Натаныч попросил, чтоб мы не сразу ехали в гостиницу, а сначала въехали на площадь, где стоял горком КПСС, и нарезали по ней пару кругов, видно, у него к кому-то там личные счеты были!

Натаныч:

– Уточню: не горком, а обком КПСС. На горком мне было совсем наплевать, я даже не знаю, где он там… А еще занятно: когда мы на этой скорости ехали по трассе, все менты видели только зиловскую морду машины, и бегом выскакивали, чтоб отдать честь! А там – видят, что сбоку написано: «Бит-квартет "СЕКРЕТ"»… Ну и они сразу за свисток, телефон и пистолет хватались, а мы уже далеко!

В общем, когда «Секрет» кружился вокруг обкома КПСС, у «хозяев жизни», засевших в этом заведении, сначала тоже сердце в пятки упало: «РЕВИЗИЯ! ПРОВЕРКА!» А потом они надпись разглядели, и взыграло у них ретивое: «КТО ПОЗВОЛИЛ! КАК ПОСМЕЛИ!»

Класс!

А, собственно, что случилось-то? Кто мог запретить использовать красивую машину для того, чтобы популярные артисты приехали в ней на гастроли в хороший город? Просто раньше это и в голову никому не приходило!

В общем, два дня группа «Секрет» каталась по Новгороду на этом динозавре, что произвело среди жителей настоящий фурор, едва ли не больший, чем сами концерты, хотя и концерты всех поставили на уши.

А на второй день в зале оказалась группа американских туристов!

Да, да! В те годы частенько студентов колледжей, изучающих славистику, организованно вывозили в СССР, причем в Ленинград и Новгород чаще, чем в Москву. Уж не знаю, с чего старшему группы пришло в голову повести их на концерт, но это случилось.

И ведь завелись американцы! Как и положено на концерте всех «Битлов», завелись! А в финале, когда зазвучала песня «Вот и весь секрет», и наши герои сидели в ряд на самой авансцене, туристы вылезли со своих рядов и сели рядом с ними, не понимая ни слова, но улыбаясь во весь рот…

Тот самый финал концерта!

Ну, а потом вся эта толпа набилась с ребятами в тот самый лимузин, и поехали они в гостиницу, и накрыл им там Натаныч огромный стол…

Напились, в общем. Состоялся у американцев опыт «погружения в реальность вероятного противника»…

И еще кое-что хочу сказать о гостинице. Дело в том, что у «Секрета» игра в «Битлз» была абсолютной, тотальной и всепоглощающей! Войдя в гастрольный режим, они даже отказывались селиться в номерах по одному, хотя уже вполне могли себе это позволить! Только по двое, как битлы!

Натаныч:

– Ну, я им обычно брал три «люкса». В двух они жили, а в третьем собирались все вместе, так было правильнее всего, чтобы никого не стеснять.

Впрочем, работа в Ленконцерте теперь виделась уже не самым лучшим продолжением игры. При всех возможностях там существовали довольно сильные ограничения, и первое из них, конечно же, финансовое. Дело даже не в том, что «секретам» было мало денег, там все было чуть сложнее.

Натаныч:

– Как ни странно, в это время деньги не были для ребят на первом месте. Важнее всего был «пафос», который был составной частью всей игры. Кроме того, игра предполагала полное

равенство, а Максу концертную ставку сделали «семь пятьдесят», тогда как другим только «пять пятьдесят». Их это не устраивало. Тогда мы несколько раз поработали с оркестром «Диапазон», и мой друг Володя Конторов предложил нам всем вместе перейти в Ульяновскую филармонию.

О, эти провинциальные филармонии!.. Суперпопулярные в те годы «Зодчие» работали от Тюменской, потом от Рязанской, «Интеграл» от Саратовской, «Браво» от Московской Областной, «Круиз» от Тамбовской, «Телефон» от Кировской, «Диалог» от Кемеровской, а мэтр… да что я, целый «киломэтр» – Юрий Антонов – аж от Грозненской!

Причина здесь в наличии и объемах так называемых «фондов». Поехать куда-то «на фонды» считалось огромным праздником для любого артиста эпохи соцреализма. Почему? Объясняю самые азы, ибо в глубины филармонических тайн и технологий были посвящены только самые продвинутые директора.

Дело в том, что в провинциальных филармониях фонды заработной платы всегда имели колоссальные резервы, ведь штаты их были заполнены далеко не так плотно, как это было в Москонцерте, Ленконцерте или Росконцерте. Конечно, эти организации были намного престижнее, но, по сути, весь престиж выражался только в бумажной вывеске. Популярность артиста он ничем не компенсировал, а посему, когда та или иная «звезда» приезжала в город, ее гонорар зависел именно от востребованности, а отнюдь не от «шапки» на гастрольном удостоверении.

Местные администраторы прекрасно ориентировались в том, соберет артист зал или нет, и поэтому Народный-разнародный камерный певец из Москонцерта, соответствуя ставке и коэффициенту, хоть и должен был получать в разы больше бесставочного «Секрета», но их востребованность была куда больше, сборы на порядок выше, а поэтому и приглашали их с куда большей охотой и готовы были идти на любые условия. Так при чем здесь фонды? А при том, что неизрасходованные фонды заработной платы в провинциальных филармониях пускались на дополнительные гонорары приезжим артистам! А еще в том, что филармонии прекрасно умели друг с другом договариваться!

В общем, Владимир Конторов был настоящей акулой шоу-бизнеса. Об этом говорит хотя бы тот факт, что абсолютные звезды 80-х Валерий Леонтьев, Михаил Боярский и Александр Розенбаум предпочли работать именно с ним.

И он понял, каким потенциалом обладают ребята из «Секрета», сколько можно на них заработать, посему и пригласил

их составить компанию вышеупомянутым звездам. Ауж как на него молилась Ульяновская филармония, можно себе только представить!

Владимир Конторов:

– Мы давно дружили с Сережей Александровым, и когда он попросил меня посмотреть на ребят, которых он взял, они мне сразу показались очень интересными. В первую очередь тем, что они делали не столько музыку, сколько шоу! А ведь этого у нас тогда не делал почти никто. В общем, мы прикинули и решили пригласить их в нашу программу отдельным блоком, тем более что для начальной раскрутки у них уже все было – телевизионная популярность и довольно уверенная группа фанатов! В общем, я об этом ни разу не пожалел, была даже неожиданная похвала от Управления культуры за хорошую «просветительскую работу среди молодежи». Они имели в виду, что те подростки, которые валом валят на группу «Секрет», в нашей программе слушают кроме них еще и высококлассный джаз!

На сцене – бит-квартет «Секрет» и джаз-оркестр «Диапазон»!

Натаныч:

– Именно в Ульяновской филармонии удалось заказать им одинаковые костюмы, причем на все случаи жизни. Там были не только концертные пиджаки, но и куртки для прогулок, летние шорты, майки, рубашки, плащи, зимние пальто с шарфами, несколько вариантов головных уборов и обуви. Всего по четыре предмета, соответственно размерам!

Забл:

– Сережа, там даже трусы и носки были, все одинаковые! Натаныч нашу игру в «Битлз» не просто принял, а развил, углубил и придал ей масштаб, который нам самим даже и не снился! Ну как не папа!

«Мы все решили одеваться одинаково – как битлы!»

А вот тут – милая деталь. Когда я разговаривал с Сашей Кутиковым на тему записи альбома группы «Секрет», попутно выяснилась занятная подробность, забытая другими участниками.

Александр Кутиков:

– Знаешь, а ведь все костюмы «Секретам» придумала моя жена Катя! Придумала, разработала, все подробно нарисовала… И Натаныч ей тогда заплатил… Аж 80 рублей от филармонии!

Там, в «Диапазоне», был еще один занятный момент. Дело в том, что опорная «звезда» конторовского проекта, Михаил Боярский, сам был всегда одним из ведущих битломанов СССР. Тем более он уже давно был знаком с Максом. Так это же хорошо, скажете вы!

И ошибетесь. Боярский на дух не переносил все самодеятельные потуги на битловской ниве и неоднократно рекомендовал Максу бросить ерунду и продолжить серьезную

работу в театре. Причем он был настолько уверен в своей правоте, что открыто отговаривал Конторова от решения взять «Секрет» в их обойму!

Владимир Конторов:

– Мы даже с Мишей заключили серьезное пари. Он утверждал, что я никогда не смогу вывести ребят в настоящие «звезды», а я был в них уверен. А через год нашей совместной работы он подошел ко мне и признал свой проигрыш!

Михаил Боярский:

– Совершенно не помню такого эпизода в моей жизни. «Секрет» всегда был яркой группой, хотя в самом начале мастерства им, конечно же, не хватало.

Соратники: Владимир Конторов, Александр Драчев, Михаил Боярский

Надо сказать, что всякий битломан, как, впрочем, и любой «ман», есть существо совершенно необъективное. Если он сам

имеет отношение к продукту, связанному с его манией, то – «старик, это гениально!» А вот если что-то в этой области сделано без его участия, то – «старик, это неоригинально и совсем не интересно!»

Есть в Питере такой персонаж – Коля Васин, настоятель Храма Мира Любви и Музыки имени Джона Леннона. Чуваку уже 70 лет, из них около 50 он – самый авторитетный битломан бывшего СССР. Захаживали к нему и секреты.

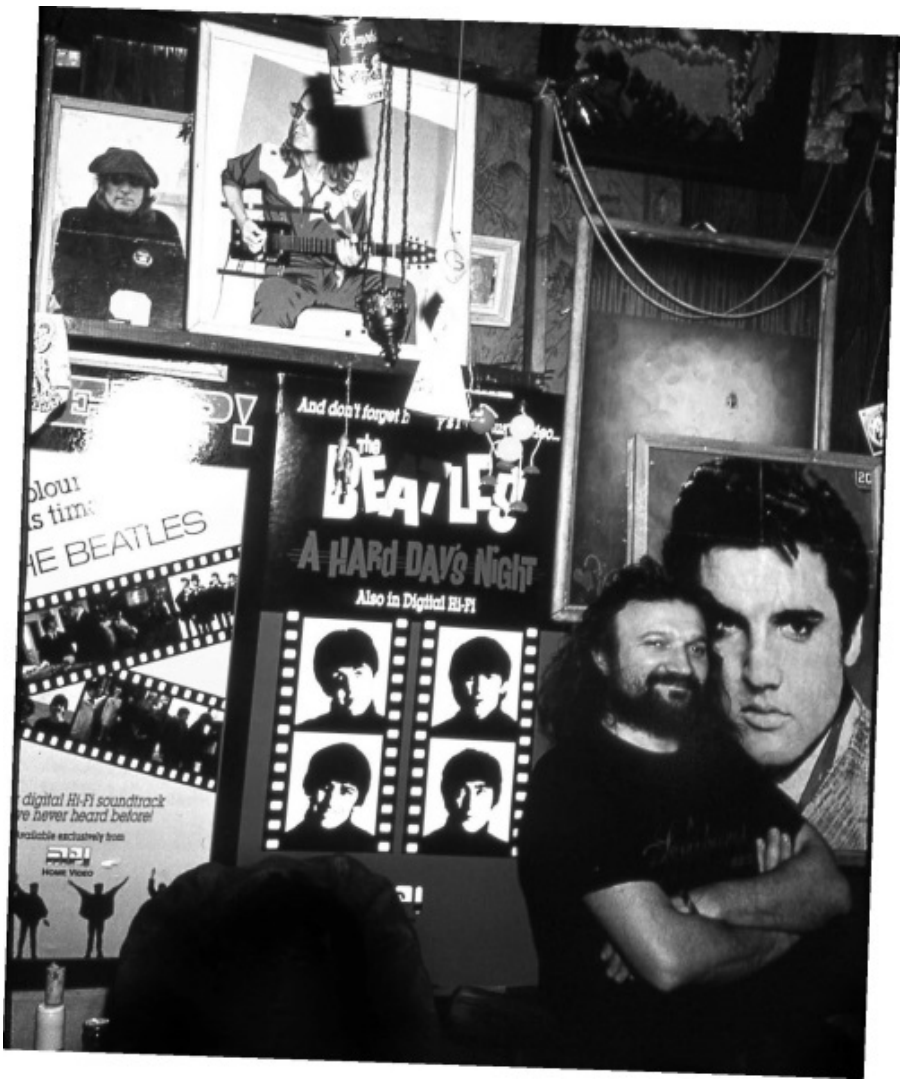


Фото Андрея «Вилли» Усова

Году в 84-м посетил его квартиру возле Московского вокзала и Андрей Заблудовский. На лацкане его пиджака красовался значок с изображением группы «Секрет», который тогда всего

лишь в двух экземплярах изготовил Алексей Либов. Увидев «эту гадость» на юном друге, Коля Васин начал громко кричать «что ты носишь!», сорвал этот значок с Забла, как с опозорившего звание офицера срывают погоны, бросил его в самый дальний угол своей квартиры, а взамен подарил другой, украшенный святым ликом Джона Леннона.

Забл:

– С тех пор прошло года три, и я однажды дома включаю телевизор, а там по какому-то, конечно же, битловскому, поводу берут интервью у Коли Васина. А за спиной у него такой коврик, куда он прикрепил все важные для него битловские значки… Смотрю, значит, я и вижу, что среди всего этого висит мой! Тот самый, который он у меня с пиджака разгневанно сорвал!

В общем, даже такие битломаны, как Боярский и Васин, по прошествии времени «Секрет» признали.

Атогда, в 1986-м, полоса везения продолжалась, это же просто какие-то баловни Господа Бога!

Как сказал Макс, «просто этот уникальный пазл так сложился!»

Только с переходом в Ульяновскую филармонию ребятам пришлось снова избавляться от балласта, которым теперь оказалась пара из двух Вась: Соловьева и Алексеева. Дело в том, что звукорежиссер в оркестре «Диапазон» был свой, причем высококлассный. А конферансье… Ну, об этом отдельно и совсем скоро, прямо в следующей главе!

Да, кстати, перед тем, как ее начать, еще раз напоминаю, что рядовой Алексей Мурашов в эти славные дни продолжал проходить действительную службу в Советской Армии, причем, был хоть и не «салагой», но еще не «дедом», а едва только «черпаком»!

Новогодняя программа джаз-оркестра «Диапазон» «Последний час декабря». Доктор Ватсон и Шерлок Холмс (Фома и Макс) разыскивают пропавшего мужа миссис Хадсон

«У солдата выходной – пуговицы в ряд!» (часть 3)

Город Сочи, пляж. Утро.

Лежа на топчанах, утренним солнышком наслаждаются музыканты группы «Секрет» и их гастрольные подруги. До работы еще далеко, спешить некуда, в их руках бокалы с молодым южным вином…

Крайний слева – барабанщик Алексей Мурашов. У него закрыты глаза, а на лице блаженная улыбка…

Внезапно раздается хруст гальки, Алексей поднимает голову и видит группу солдат-срочников, которые осторожно пришли на пляж не столько искупаться, сколько познакомиться с какими-нибудь девушками, но…

Все девушки заняты. На их плечах уверенно лежат руки музыкантов группы «Секрет».

Солдаты – явно «дембеля». Сапоги в аккуратную гармошку, ремни с бляхами висят на пузе, голубые береты еле держатся на затылках…

Алексей приветливо улыбается ребятам:

– Здорово, служивые! Сколько до дембеля-то?

Парни переглядываются, и один из них, почему-то стесняясь, произносит:

– Да вот он уж, дембель-то! Со дня на день!

Алексей еще раз улыбается, понимающе кивает и вновь укладывается на топчан, произнося:

– Поздравляю, пацаны! А мне еще год трубить…

В Советской Армии – все по уставу…

Но однажды с Лешиной службой возникла большая проблема.

Дело в том, что по законам СССР военнослужащий-срочник не имел права получать никаких денег, кроме «карманных расходов». Ни за что и ни в коем случае, почему, кстати, во всех «Краснознаменных ансамблях» и служат (работают) только

офицеры, по специальному приказу надевающие на себя форму с погонами рядовых.

А артистов, служащих в армии, нередко привлекали к различным «халтурам» и неплохо это все оплачивали! И хоть Леша и не закончил театрального вуза, но проходил именно по этой категории, и кому-то, как у нас водится, этот факт просто спать не давал!

Натаныч:

– Я, когда мы переходили в Ульяновскую филармонию, смог оформить и Мурашову официальный перевод. Юридически такая возможность была. Но деньги на руки – ни-ни! Решили, что будем оставлять на депозите до конца службы!

Мура:

– Я все понимал, но у меня ж ребенок маленький! И я упросил Натаныча, чтобы мне хоть 150 рублей выписали… А тут р-раз! И проверка! Кто-то кому-то настучал, и на всех солдат-артистов Ленобласти в политуправление телега пришла. Я со своими ста пятьюдесятью рублями – двенадцатый в списке, там люди в АПиПе по полторы тысячи получали, но не в сумме же дело, а в прецеденте! Все, грозит дисбат!

Ситуация была крайне тяжелой. Дело в том, что Мурашова «пасли» уже давно. Был даже случай, что в СКК имени Ленина на афишный концерт «Секрета» из Военной комендатуры прислали патрульный наряд, чтобы «забрать рядового Мурашова»…

Я представляю себе, что было бы, если бы эти придурки прямо зашли на сцену и попытались увести! Слава Богу, обошлось. Этих патрульных в СКК просто… не пустила милиция! Ну, прямо – «мушкетеры Короля и гвардейцы Кардинала»!

Атут все было очень серьезно, ибо нет ничего страшнее в России, чем «попасть под кампанию».

Конечно, в подобных ситуациях своими силами справиться нельзя, нужно подключать «тяжелую артиллерию». В распоряжении «Секрета» тогда были именитые коллеги – Боярский, Розенбаум и Леонтьев, но их калибра тоже могло не хватить. И снова фантастическое везение: именно в этот раз, перепуганный речевой активностью Натаныча, который ну о-очень хотел быть конферансье при «Секрете», для ведения концерта в Ленинграде Конторов пригласил из Москвы оружие немеряной убойной силы: Юрия Николаева из «Утренней почты».

Сами понимаете, что при упоминании этого имени все другие варианты отпали сами собой.

Максим Леонидов, Юрий Николаев и Александр Драчев

Юрий Николаев:

– Ну, старик, детали я помню плохо, тридцать лет прошло, как-никак. Помню только, что Вова Конторов меня пригласил в Ленинград просто денег заработать, а когда я приехал, мне рассказали, что у одного из артистов возникли большие проблемы. Ну, я и поехал их решать!

Но сценку он там, в политуправлении, разыграл даже не гоголевскую, а гомеровскую!

По рассказам очевидцев, пока Мура сидел в грузовике, ожидая отправки на гарнизонную гауптвахту, все выглядело так.

«Гнев, о, Богиня, воспой…»

ЗЕВС И ГЕРМЕС. Эпическая комедия. Автор – Жизнь.

Место действия: гора Олимп, оформленная, как кабинет начальника политуправления Ленинградского военного округа.

Время действия: осень 1985 года, середина дня.

Действующие лица: Зевс, переодетый в форму полковника СА, Гермес, изображающий популярного телеведущего, мелкие боги и титаны.

Явление первое, оно же и последнее

За столом своего кабинета сидит Зевс-громовержец, усиленно решающий земные судьбы. Дверь открывается и в кабинет заходит телеведущий Гермес в сопровождении свиты Смертных. Поначалу он даже не глядит на Зевса, а сосредотачивает внимание на стоящих в углу напольных часах.

ГЕРМЕС: – Ах, какая прекрасная работа! Как у вас здесь уютно…(пауза) Николай Александрович… Что же это получается, а? Вот я приезжаю из Москвы с бригадой программы «Служу Советскому Союзу», чтобы сделать репортаж о прекрасном солдате, Алексее Мурашове, отличнике службы, можно сказать, передовике, который служит здесь под вашим началом… А в свободное время он занимается художественной самодеятельностью… И ведь тоже хорошо занимается! Так занимается, что его полюбила наша с вами советская молодежь! (пауза) И вот, я приезжаю, и здесь мне говорят, что Мурашов вовсе не отличник боевой и политической подготовки, а преступник! (долгая пауза) Как же это у нас с вами так получается, а?

Зевс покрывается пятнами, долго молчит, а потом хватается за телефонную трубку. Грозовые разряды и шаровые молнии *летают от стены к стене. Смертные пригибаются, а Гермес только взирает на все с ироничной улыбкой. Зевс орет благим, а также и обычным, матом на кого надо и не надо, потом устало дышит. В это время Смертные покидают Олимп. Ну и все заканчивается, как должно:* Гермес *удостаивается чести быть угощенным нектаром из особой амфоры, после чего они вместе с Зевсом фотографируются на фоне боевого знамени…*

«Ф-фу! Обошлось!»

Юрий Николаев:

– Я же про них в Москве уже много слышал, а не видел ни разу! И вот тогда как раз впервые посмотрел. Понравились они мне безумно! И образом, и песнями, и энергией своей потрясающей… Мы тогда после концерта сели с ребятами в моей гостинице и немножко пофантазировали. Я сказал им, что прокрутить одну песню в «Утренней почте» – это почти бессмысленно, а несколько раз подряд показывать никому в Москве не известных молодых ребят мне никто не разрешит. И я тогда им сказал, что договорюсь со своим другом, режиссером Володей Мельниковым, чтобы снять такую историю, где мы с ними будем как бы соведущими! Нужно только написать правильный сценарий, а песни – само собой!

Ну, вы же понимаете, что замена попугаю Ваке предполагалась вполне достойной! Пару наших успешных соавторов долго уговаривать было не нужно: они немного пофантазировали, буквально за один день написали несколько вариантов сценария и… рванули в Москву! К тому самому, предупрежденному Юрой, режиссеру Мельникову!

Но история, произошедшая в Москве, достойна отдельного произведения. Из нее можно бы даже сделать самостоятельный сценарий короткометражного фильма, правда, его ноги будут расти из хрестоматийного булгаковского эпизода «Воланд у Степы Лиходеева».

Макс:

– Мы приехали к нему домой, но… оказалось, что нас там никто как бы и не ждал. Сначала мы минут десять звонили в дверь, никто не открывал, и мы уж собрались было уходить, но тут послышался какой-то шум. Когда нам открыли, было понятно, что человек, стоящий за дверью… скажем так: хорошо после вчерашнего. Глаза не открываются, стоит, бедный, опершись на стеночку… Он, правда, сказал, что всю ночь были съемки, но мы-то не вчера родились!

Мельников попросил ребят подождать, пока он приведет себя в порядок и хотя бы сварит кофе, но наши герои сразу же взяли инициативу на себя. И кофе сварили, и даже в комнате прибрались.

Дальнейшие полчаса выглядели примерно так: Макс и Фома, перебивая друг друга, на разные голоса читают Мельникову написанный сценарий, постоянно вскакивая и сопровождая текст действиями каждого персонажа, а сам режиссер сидит на кровати, по-лошадиному мотает больной головой, через силу улыбаясь, и пытается хоть как-то уследить за смыслом поступающей информации.

Уж не знаю, как все прошло, но, так или иначе, через некоторое время в эфир вышла первая из «Утренних почт» с участием группы «Секрет»[5].

цветы

«Теперь эти четверо с моторчиками в задницах к нам переехали?» – весело бурчали москвичи, наблюдавшие съемки на улицах

Единственное фото из второго выпуска «Утренней почты». Теперь они уже в и больнице…

Закрытый выпуск «Утренней почты». Слева направо, верхний ряд: Вадим Коротков, Марта Могилевская, неизвестный, Андрей Цвинтарный, Макс, Фома, Натаныч. Нижний ряд: Забл, Сергей Комаров, Мура, Олег Шорох

Собственно, «Утренних почт» было три. Причем третью, снятую уже в 87 году, в эфир не выпустили. Она была слишком смелой даже для того времени, несмотря на рухнувшую на нас Гласность (помните такое слово?). Сценарий, опять же, писали сами секреты, и он оказался недопустимым для тогдашних телевизионных начальников.

На сохранившемся фото можно различить элементы выгородки с надписями: «Громкие приветствия запрещены!», «Спать категорически запрещается!», «Прием пищи запрещен!» и просто всеобъемлющее: «Нельзя!!!» Редактором выпуска была Марта Могилевская, режиссером Вадим Коротков, оператором Олег Шорох.

Марта Могилевская:

– Это была наша первая совместная работа с ребятами. Они меня буквально очаровали, все! Жалко, что они развалились. Уже потом, в 90-е, Коля Фоменко с моей легкой руки стал одним из самых популярных телеведущих в стране!

«Фильм, фильм, фильм!!!»

Следующим рывком к всесоюзной известности для «Секрета» стал фильм «Как стать звездой», но для рассказа о нем нам предстоит вернуться к популярной телепередаче «Кружатся диски», ведь именно она послужила предметом разноцветной зависти режиссера-функционера Виталия Аксенова, а в результате и оплодотворила его.

Я уже рассказывал, что в редакцию Клары Фатовой Макс и Фома пришли вместе и придумали практически все, кроме попугая.

В беседе я, кстати, спросил Фому, а не ревновал ли он Макса к присутствию в кадре, но в ответ услышал лишь то, что «никак нет», Фома был, типа, даже доволен, что он не в кадре, ведь и так все происходило по задуманному им, Фомой, плану.

Фома:

– Понимаешь, я тогда зачитывался книжкой «Любимец публики» о карьере радиоведущего и как раз объяснил Максу, как нужно правильно себя вести в кадре, чтобы резко завоевать популярность! Он все прекрасно понял!

Может, Фоме в той ситуации и впрямь было достаточно того, что он «рулил» Максом? Ну, ладно, давайте вместе сделаем вид, что поверили ему, но… Макс-то был не слишком этому счастлив, правда, выяснилось это только через пять лет, и на эту тему будет отдельный разговор.

А пока суть в том, что новая и совершенно необычная в те дни манера ведения программы подкупила всю Ленинградскую и соседние области, и этот феномен заставил задуматься многих.

Среди задумавшихся оказался и Виталий Аксенов, в те годы – директор Ленфильма. Ну… Что же вам про него сказать-то…

В принципе, я очень рекомендую всем желающим ознакомиться в Википедии с его великими кинофильмами и по списку всех этих достижений понять, что самостоятельно сей достойнейший джентльмен ничего придумать просто не мог. Ну, не мог и все! Перенесение на большой экран популярной телепрограммы, набитой «звездами», с целью выведения киностудии Ленфильм из кризиса, было абсолютным рекордом его творческих потуг!

Впрочем, прошло уже 30 лет, а Ленфильм из кризиса так и не вышел… Ну, да не о нем сегодня речь.

Посмотрите этот шедевр, а заодно попробуйте понять, как же изголодались миллионы наших сограждан по яркому зрелищу,

что этот расширенный вариант «Кружатся диски»[6] стал главным блокбастером 1986 года!

А секреты, конечно же, согласились! Это ж кино, большой экран на всю страну, так какая разница, кто, зачем и почему его снимает? Тем более, что и съемки были не в тягость, а в удовольствие, что еще может доставить общение в кадре и за кадром с Полунинскими «Лицедеями»?

Кадры из фильма, украшавшие киноафиши по всей стране

И еще один очень важный момент остался у «Секрета» в воспоминаниях. Это работа с фантастическим Виктором Резниковым, который был композитором всего фильма.

Все началось с того, что Виктор принес ребятам песню «Не трогай только гитару» и показал ее на совете группы.

А совет группы долго советовался!

Дело в том, что до сих пор Майк Науменко был единственным сторонним автором, кого «Секреты» не гнушались исполнять. Рассуждали они так: битлы же пели песни Чака Берри? Вот и мы можем сделать то же самое, ведь Майк и есть наш Чак Берри!

Случай Резникова был, конечно, намного сложнее. Это же практически официальный композитор! Ну и как быть? И тут, кто-то, видимо, Макс, вспомнил, что такие шедевры битлов как 12-тактовые блюзы Dizzie Miss Lizzie и Bad Boy написал некто Ларри Уильямс, а Джордж Мартин даже серьезно помогал им с аранжировками.

На этом и порешили: песне Резникова в репертуаре быть!

И уже во время съемок на корабле Виктор принес Максу едва наметившуюся тему, которую они вдвоем доработали до мелодичной и грустной песни «Как дела, старина». Фильм был переполнен резниковскими хитами в исполнении Леонтьева, Долиной, Пугачевой, но «Как дела, старина» стала абсолютным

шлягером несмотря на то, что ни разу не была поддержана концертным исполнением!

А вот сам отрывок[7], в котором секреты поют ее, путешествуя на катерке по Ленинградским каналам, и сегодня регулярно повторяется в различных ностальгических телепрограммах!

Макс:

– Удивительно тактичный и внимательный был парень. О таланте я даже и не говорю. А в концертах мы ее ни разу не исполняли просто потому, что мы ведь не играли ее даже на записи! Все сделали музыканты, которые всегда работали с Витей, а мы ее просто спели, и спели, по-моему, неплохо!

Таким образом, Виктор Резников, лучший мелодист 80-х, безвременно ушедший от нас, тоже отметился на творческом пути бит-квартета «Секрет».

Опять повезло!

Композитор Виктор Резников, один из самых ярких мелодистов

80-х годов.

Но в связи с этим, простите, «блокбастером» возникли и проблемы. Например, программа «Кружатся диски» была возмущена тем, что их «ноу-хау» – пару ведущих, состоящую из Макса Леонидова и попугая Ваки, безжалостно эксплуатируют конкуренты! Никакой ссылки в титрах не было, да и авторских прав «на идею» в те времена в СССР не существовало. В общем, напряглась Клара Фатова и… отстранила Макса и весь «Секрет» от регулярного эфира. Жалко.

Да и что касается фильма в целом, сегодня это, конечно, жалкое зрелище, остается только фантазировать, что бы на этом материале сделал скажем, тот же Гинзбург, но, как известно, поздно пить боржоми, если печень отвалилась.

Сейчас бы, конечно, и Фома, и Макс всерьез поторговались бы за авторский гонорар. Ведь практически все сценарные ходы и трюки секреты и «Лицедеи» придумывали сами, и только текст за Макса и Баку писал специально обученный сценарист. Но дело происходило в 1986 году, и по молодости, восторженности и неопытности Фома и Макс о деньгах даже не заикнулись, ограничившись торговлей за максимальное присутствие группы «Секрет» в кадре.

Впрочем, на том этапе для них это было даже важнее денег. После выхода на экраны вся 1 /6 часть суши под названием СССР наконец-то узнала своих героев, о которых раньше только слышала.

Фанфары! «Эх, королевство маловато, разгуляться негде!»

Макс:

– Знаешь, а главным событием, сокрушившим страну, был все-таки «Музыкальный ринг» 1987 года. Это очень важное событие в жизни «Секрета».

Я:

– Да погоди, до «ринга» я еще не дошел! Скоро будет и о нем.

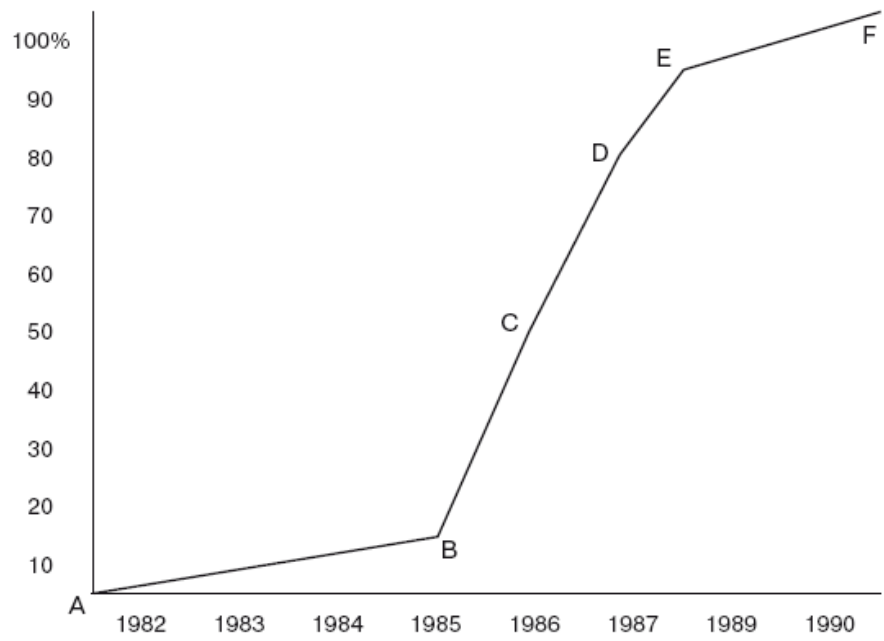
Но здесь пора чуть притормозить и оглянуться назад.

«А упало, Б пропало… Что осталось на трубе?»

Если представить жизнь каждой популярной группы неким графиком, то в нем обязательно присутствует резкий подъем от статистического ноля до квазиэкстремума. Высота этой точки у всех, естественно, разная, но всегда заметна. У «Секрета» она приходится на осень 1986 года.

Давайте, хохмы ради, построим и рассмотрим график жизнедеятельности творческой единицы, такой как рок-группа. По оси абсциссы положим годы существования, а по ординате – примерный уровень популярности.

Вот что здесь получится:



Точка А – нулевая, с нее начинается отсчет, у нас она приходится на свадьбу Андрея Анисимова, дальше идет медленное развитие, скорее даже, некое усвоение информации, наработка профнавыков и способов ее кристаллизации и выдачи зрителю.

Точка В знаменует собой некий момент накопления «критической массы» и начало взрывного роста. До нее прогресс идет с переменным успехом, и если не происходит никакого

«взрыва», то, собственно, все на ней и заканчивается – чего зря огород-то городить! В случае «Секрета» такой точкой стало появление телепрограммы «Кружатся диски».

На этом взлете практически незаметной кажется точка С – приход в группу Сергея Александрова, да, поворота не было, но какая мощная вторая ступень включилась у этой ракеты! В общем, в самый нужный момент произошло получение необходимого дополнительного ускорения.

(У битлов было чуть иначе: точке В соответствовало знакомство с Эпстайном, а точкой С был приход на студию EMI и начало работы с великим Джорджем Мартином.)

Сейчас мы находимся в точке D, обозначающей некое снижение скорости подъема. У большинства групп здесь рост прекращается вообще, команда «садится на волну» и пару лет чешет по стране и миру, почивая на лаврах. Потом это все обычно заканчивается, и участники проекта получают шанс начать «новую жизнь», только не все им пользуются, и тогда картина становится уж совсем печальной.

В случае же таких явлений как «Секрет», обладающих мощнейшим, хоть и не вполне еще осознанным творческим потенциалом, в точке D рост не прекращается, а продолжается, хоть и менее заметен со стороны. Впереди «Музыкальный ринг», вторая «Утренняя почта» и «Огоньки» на Центральном телевидении, успешные гастроли по стране и за рубежом, запись двух классных альбомов и… то, что всем казалось финалом бит-квартета «Секрет»: уход Макса из группы и отъезд его в Израиль.

Именно там будет точка F построенного графика, но это еще не скоро.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Смена

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВЛКСМ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1918 ГОД

№ 185 (18135) • Четверг, 15 августа 1985 г. • Цена 3 коп.

ЭСТРАДА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, ДЕБЮТЫ

КАК ОТКРЫТЬ «СЕКРЕТ»?

Рассказываем о ленинградском бит-квартете, который читатели «Смены» назвали среди 12 «надежд года»

М. САДЧИКОВ

А журналисты все упражняются в придумывании названий своих статей…

Так что же, точка D это пик? Нет, конечно. Динамичное ускорение будет включено еще пару лет, приблизительно до точки E, коей представляется выход на телеэкраны программы «Музыкальный ринг» и превращение «Секрета» в явление масштаба всего СССР. Что касается популярности, то по инерции она будет расти аж до самой «фальш-коды» в 1990 году. Вместе с

ней будут расти концертные ставки и, соответственно, уровень жизни героев, но если раньше наша история представляла цепочку радостных совпадений и неожиданных удач, то с этого момента начиналась серьезная рутинная работа, не менее интересная и яркая, чем то, что было раньше. Именно в процессе нее всегда возникают точки напряжения, накапливаются неразрешимые вопросы…

В нашем случае точка D обозначила еще и некоторое расслоение внутри команды. Если до нее роли Забла, Фомы, Муры и Макса были практически равнозначны, то с этого момента во внутренней гонке Макс начал явно вырываться вперед. Фома напряженно «дышал ему в спину», а вот Забла и Муру вполне устраивала сложившаяся ситуация, когда на публику все оставались совершенно равными, а внутри можно было немного «сачкануть», довольствуясь ролью «ведомых».

Забл:

– Я категорически не согласен с термином «сачкануть». И я, и Мура продолжали приносить идеи песен, но существовало правило, по которому любая песня принимается в работу большинством голосов, Макс и Фома всегда были вдвоем, а нам с Мурой всегда не хватало как минимум одного голоса!

Ну… Я обещал ребятам, что ни одну их правку по смыслу редактировать не буду, только стилистически. Так что пусть эта реплика Забла остается здесь на его усмотрение.

А мы поехали дальше по линии D-E-F, там весело!

Натаныч:

– Погоди пока. Ишь ты, поехал он дальше… Ты здесь две фразы пробросил, а я должен все объяснить, дело-то серьезное! Вот, концерт для Пугачевой… Это же было практически зеркало истории с Бари! Там они его отгрузили, а тут она их! Мы все организовали, специально в ДК Дзержинского публику согнали с дискотеки, ее уговорили. Она приехала с Болдиным и с Троицким, но не глянулись мы ей. Тогда я и понял, что ни под одну звезду ложиться нельзя. Только быть партнерами. И внутренне я себе пообещал, что Пугачева еще пожалеет о своем решении. И второе, ты там раньше написал про пари Вовы Конторова с Мишей Боярским, не верившим в то, что «Секрет» станет группой Первой Величины. Ну, про них я совсем не уверен, а ведь такое пари было у меня самого с Борей Яновицким, начальником горотдела Ленконцерта. На ящик коньяка! Он проиграл, честно отдал мне ящик, и мы его с ребятами потом достаточно долго пили!

«Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!»

С середины 1986 года у «Секрета» начался настоящий гастрольный режим.

Что это такое, человек со стороны понять попросту не может. Ну, для начала попробуйте представить, что в гостиницах, в поездах и в самолетах вы проводите времени в два-три раза больше, чем дома…

Что с утра до вечера вы видите одни и те же лица, и эти лица – отнюдь не ваша семья…

Что ваше первое дело по возвращению домой – это собрать гастрольную сумку на следующий выезд, ибо он может состояться в любой момент, а времени на вдумчивые сборы может не хватить…

Что старые добрые друзья общаются с вами уже не с целью просто выпить по рюмочке, а желая продемонстрировать окружающим свою приближенность к предмету мечтаний всей страны…

Что о простых домашних котлетах с вареной картошкой вы мечтаете уже несколько недель, а вас постоянно пичкают ресторанными битками, эскалопами, шницелями, ромштексами и лангетами, приготовленными на пережившем уже все возможные сроки масле…

Что в песне, которую сегодня нужно спеть в 567-й раз, вы ненавидите не только мелодию и слова, но и даже и те моменты, в которые уже непроизвольно привыкли мигать ваши веки…

Что вы не можете просто погулять по красивому городу, потому что среди прохожих каждую минуту находится идиот, хватающий вас за руку со словами: «Ой, а это, правда, ты, братан? Ой, а ну-ка распишись мне вот тут… погоди-погоди, я сейчас придумаю где…»

Что, просыпаясь утром, вы просто не можете вспомнить, в каком вы городе и как зовут ту девочку, что спит в вашей постели…

Что вся география огромной страны смазывается до трех точек: аэропорт, гостиница, концертный зал, а все они сливаются в одну бесконечную цепочку механических монотонных однообразных действий…

И уж не думайте, что условия жизни всегда роскошны! А ведь каждый уже считает себя исключительным, мол, как же это: МОЮ потребность, и не удовлетворяют?

Фома:

– Серега, однажды по метеопрогнозам отменили все вылеты до следующего дня, а мест в гостинице не было. Ну, вообще! Нас разложили по номерам, как могли, так я вообще в одной постели с Розенбаумом спал, представляешь? Но, слава Богу, в одежде!!!

А вот такой мог быть анонс: «Из этой книги вы узнаете, кто заставил Николая Фоменко спать с Александром Розенбаумом!»

И это еще далеко не полный перечень опций, сопровождающих жизнь популярного гастролера. Если такой режим продолжается больше нескольких лет, артисты спиваются, уходят в религиозный фанатизм или сектантство, подсаживаются на «кокс» или «герыч», сходят с ума, выпрыгивают из окон… Я здесь не буду называть никакие имена, ладно? Но на Западе врачи, занимающиеся психологической реабилитацией «звезд», представляют отдельную область медицины.

Так что «звездная болезнь», которая практически неизбежно проявляется у популярных артистов, есть именно БОЛЕЗНЬ, а не свойство дурного характера.

И вот представьте себе мальчишек, окунувшихся в это все в какие-то двадцать пять лет…

Натаныч:

– Ну, я-то не мальчик, я знал, как это тяжело, и по мере своих сил старался как-то скрашивать… Но при этом и контролировать!

А жены-то их меня просто ненавидели! Еще бы, они ж почти и не виделись. Я для них -

и эксплуататор, и сводник, и жулик… А я при встрече им говорю: «Но денежки-то вы любите? Их ведь только так и только в таком режиме заработать можно! И учтите, что это все – не навсегда!»

Но вот именно эту истину ни один артист постичь никогда не может. Почему-то у всех отключается здравый смысл, и они думают, что мир теперь уже всегда будет лежать у их ног…

Ну, ладно, это все потом. А пока можно перейти к разговорам о сбывшейся мечте, о том, как артист жнет свои лавры!

«Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел!»

Вообще-то мало кто знает, что за пять лет активной гастрольной деятельности «Секрет» сменил пять официальных портов приписки.

Июнь – октябрь 1985 – Ленконцерт.
Октябрь 1985 – ноябрь 1986 – Ульяновская филармония.
Декабрь 1986 – сентябрь 1987 – Ленинградский Мюзик-Холл.
Сентябрь 1987 – лето 1988 – Театр Марка Розовского.
Осень 1988 – январь 1990 – Рок-театр-студия «Секрет».
Не частенько ли?

В советское время таких сотрудников называли «летунами»… Понятно, что рыба ищет, где глубже, а музыкант – где больше наливают. Но детали же интересны!

Джаз-оркестр «Диапазон». Слева направо, сидят: Алексей Канунников, Валерий Тикунов, Роберт Паузер, Александр Драчев, Владимир Кутеев. Стоят: Олег Еремин, Сергей Кузнецов, Владимир Герасименко, Александр Резник, Павел Борисов. В центре – Михаил Боярский

В Ульяновскую филармонию из Ленконцерта Александров их перевел по самой простой причине: оркестр «Диапазон» предлагал тот самый гастрольный график, который был нужен. Маленькая хитрость: нужно приехать в город, хорошо заявить о себе в составе сборного концерта, и через несколько месяцев тебя здесь с «сольником» с руками оторвут!

Кроме того, следует помнить, что Ульяновск достаточно серьезно вложился в «Секрет» финансами: реклама, костюмы, условия проезда и проживания…

Да они были бы и не против там поработать еще, но музыкальный руководитель «Диапазона», Александр Драчев, начал им диктовать свои условия, а директор Владимир Конторов ничего не мог с этим сделать. Отношения с «базовым коллективом» для него были, естественно, важнее. Натаныч, конечно, сопротивлялся, что вызывало еще большее возмущение. В целом с джазовыми музыкантами отношения сложились хорошие, но некоторые бунтовали. Их, вообще-то, не устраивало многое, но самое главное – почему эти «пузочесы», не умеющие толком играть, получают больше всех и живут в люксовых номерах!

Претензии, конечно же, понятны, хоть и банальны, но ведь никак было не объяснить этим классным джазистам, что их время-то, по сути, прошло, и публика ходит уже не на них! Словом, Натанычу опять аукнулась печальная история с Рубиной Калантарян…

В результате в одной из поездок Драчев вызвал «Секрет» на разговор:

– Значит, так. Должен вас информировать, что с Александровым мы расстаемся в любом случае, а вот вас готовы оставить, правда, при определенных условиях…

Должен сказать, что, к чести секретов, они даже не дослушали этот монолог до конца, а сразу, чуть ли не хором, сказали:

– Все понятно, спасибо за все, что вы для нас сделали, но мы уходим вместе с Папой.

Что это было, порядочность или дальний расчет? Скорее всего, что все сразу, ведь именно Натаныч в течение полутора лет решал все вопросы и выполнял все обещания…

Александр Драчев:

– Ну, во-первых, я был не музыкальным, а художественным руководителем оркестра «Диапазон», и мы с Володей Конторовым дружили давно, и все решения принимали совместно. А во-вторых, все было немного не так. Нас просто не устраивало, что

мы стали превращаться в какое-то приложение к «Секрету». Ребята, конечно, молодцы, но у нас-то направление совсем другое! И публика стала меняться, и режим работы… А, кроме того, это же сейчас коллектив выставляет «райдер», в котором указано, что должна поставить на сцену принимающая сторона, а тогда все приходилось возить с собой! И аппаратура для четырех ребят, которую приходилось таскать по всей стране, весила намного больше, чем то, что нужно всему оркестру! Мы поговорили и расстались красиво.

Владимир Конторов:

– И та и другая версия близки к жизни. Конечно, как у всех творческих людей, тогда эмоции зашкаливали, но они не мешали трезвому расчету, наши отношения и проходили, и закончились с выгодой для всех сторон.

Итак, решение принято, но ведь секреты даже и не думали – куда уходить-то?

Но у Папы уже были на этот счет соображения.

Что вы знаете о мюзик-холле? Боюсь, что сегодня уже ничего, причем как о Ленинградском, так и о Московском.

Напоминаю: эти культпросвет-заведения в Москве и Ленинграде были открыты во времена «угара НЭПа». У истоков Московского мюзик-холла стояли Маяковский, Ильф и Петров, Утесов, Голейзовский, а художественным руководителем Ленинградского был вообще Исаак Дунаевский!

В 1937 году оба мюзик-холла были благополучно закрыты как социально чуждые, но в 60-х пережили второе рождение. Московский мюзик-холл воссоздал Лев Миров, по стечению обстоятельств оказавшийся моим дедом, а Ленинградский – Илья Рахлин.

Спецификой этих музыкальных театров во всех странах и во все времена была легкость, современность и даже некоторая фривольность, в эпоху всеобщего воздержания ассоциировавшаяся в умах граждан СССР как минимум с контрреволюцией и военным переворотом.

«Секрет» в программе Ленинградского Мюзик-Холла…

…Мюзик и после ее окончания

Можно долго рассуждать о жанровых отличиях в постановках

ресторанных варьете и мюзик-холлов (как и о разнице между опереттой и мюзиклом!), но при этом в основе рассуждений будут лежать исключительно личные представления спорящих о «допустимом и недопустимом» на большой сцене. Скажу больше: между парижскими варьете «Лидо» и «Мулен Руж» идут именно такие споры, но лично я никакой цензурной разницы в их спектаклях не заметил.

Учтите только, что, говоря о свободе на сцене, нормальный человек имеет в виду не только длину демонстрируемых женских ног и размер груди, а… Ну это, скорее, о свободе духа, что ли!

В общем, настроение, царившее на выступлениях «Секрета», соответствовало атмосфере Ленинградского Мюзик-Холла гораздо больше, чем Ленинградского же рок-клуба, несмотря на все жанровые клише. И они перешли на работу в Мюзик-Холл!

Макс:

– Ну, денег, конечно же, стало меньше, но, во-первых, мы стали больше бывать дома, во-вторых, появилась некоторая свобода в выборе гастролей… Нас именно тогда «Машина Времени» стала приглашать работать с ними первым отделением. А в-третьих… Ну, там же девочки!

О, да! Это, конечно же, в то время был решающий аргумент!

На одном из первых гастрольных выездов Натаныч праздновал свой день рожденья, совпавший с днем рожденья солистки Мюзик-Холла Ольги Вардашевой. Он пригласил ее в лучший ресторан города, который по этому поводу допоздна не закрывали (артисты же после концерта же гулять же будут же!), и попросил, чтобы на это действо она взяла с собой четырех танцовщиц, «ведь нельзя же, чтобы мои лучшие друзья сидели за столом без дам!». Ну и пришли четыре сногсшибательных «першинга» в вечерних туалетах… Секреты даже слегка растерялись, а Натаныч, улучив момент, вполголоса выразил свое праздничное пожелание:

– Парни, чтоб в честь моего дня рожденья из них сегодня перья, перья летели!!! Вы меня поняли?

Ну… Насколько я помню, в двадцать пять лет при имевшемся в виду процессе перья летят не только в честь дня рожденья продюсера, но и вообще без всякого повода… Впрочем, пожелание было аккуратно выполнено всем бит-квартетом.

Rīgas Balss Pirmdien, 1987. gada 4. maijā

Ekspresintervija

Četrinieks, bet ne no Liverpūles

Sporta pilī sākušies bitkvartieta vieskoncerti. Kvarteta parādīšanās uz estrādes savā laikā izraisīja lielu sajūsmu, sak, beidzot pašiem savi bītīši. Grupa koncertē vēl tikai divus gadus, bet jau var runāt par sava veida «sekretomāniju». Ansamblja nosaukums ir... «Sekrets». Ļeņingradā nodibinātās grupas «Sekrets» popularēra mūzikas cienītāju klubs, televīzijā uzņemta filma «Kā kļūt par zvaigzni» un pat gadījies uz pusaudžu jakām redzēt emblēmas ar uzrakstu: «Es dievīnu grupu «Sekrets»!!!»

Un nu esam viesinācas numurā, sarunājamies ar neskaramo pīecnieku. Kāpēc ar pīecnieku, runa taču ir par kvartetu? Pieklatā ir grupas direktors Sergejs Aleksandrovs, ko «sekretieši» dēvē par «tēvu».

— Ar mūsu nākamo mēnešteri iepazināmies, pateicoties nejaušībai, — stāsta ritma ģitārists un vokālists Maksims Ļeonidovs. — Sētiknēs ģluži kā labākajās detektīvfilmās: pēc strīdiņkāss, netālu no Izaka katedrāles.

— **Kādi bija pirmie iespaidi?**

— Sergejs ne tuvu neatbilda tam «impresario» tēlam, kādu bijām iedomājušies, sarunā lesnistās basģitārists Nikolajs Fomenko. — Uz tikšanos viņš ieradās ar cepurī galvā, ādas mēteli līdz papēžiem un basa baisi ierosināja: «Puiši, pasēdēsim tepat netālajā alus bārā.» Velāk atklājās, ka viņš alu necieš ne acu galā...

Iemīļotos telecienus. Un tomēr kādēj grupai, kurā ir tikai četri cilvēki, vajadzīgs administrators? Bundziniēks Aleksejs Murašovs atbildi bij: — Tas bija vieskoncertu laikā. Pulksten vienos naktī, atgriezies viesnīcā pēc koncertā, es teicu: «Tēt, esmu ir klēpdzīs balsi.» Un likos gulēt. No rīta viņš mani samiegojušos piecēla no gultas, lika iekāpt «Volgā» un pēc pusstundas stāmnīcā es teelpoju kaut kādu «telles maisījumu», bet vakarā jau biju formā.

Cietāk ieskatījusies, pamanījām, ka mūsu sarunas biedri ģērbušies vienādās žaketēs, kaklasaitēs un pat... krekļos. Vēl vairāk mūjām pārsteidza, ka visā alu necieš ne acu galā...

— Ja gadītos, ka kāds no mums aizietu, tad nebūs vairs tādas grupas «Sekrets». Ja aizlesim no skatuves, tad tikai visi kopā un rūpīgi strādāsim vienā brigādē.

Grupa uzreiz izveidojās kā domubiedru — tuvāka cienītāju četrinieks, turklāt ar šo vārdu jauniešu saprot ne tikai mūzikas veidu, bet arī īpašu dzīves stilu. Par spīti labajai muzikālajai sagatavotībai pirmie soļi nebija viegli: Maksimam un Nikolajam mūzikas dēļ vajadzēja pamest Lielā dramas teātra un Puškina teātra trupas. Andrejam atteikties no oficiālā «spožās» karjeras, bet Alekseja... tāristu Andreju Zabludovski.

— Ja gadītos, ka kāds no mums aizietu, tad nebūs vairs tādas grupas «Sekrets». Ja aizlesim no skatuves, tad tikai visi kopā un rūpīgi strādāsim vienā brigādē.

Grupa uzreiz izveidojās kā

lējam bundziniekiu. Kāda pasīna mums ieteva Alekseja telefona numuru. Mēs piezvanījām un uzaicinājām, lai septiņos no rīta viņš atbraucot uz mēģinājumu. Viņš nejautāja: kāpēc tik agri, un mēs saprātām, ka tas ir «mūsu cilvēks». Tikai velāk uzzinājām, ka cēlā viņam vajadzējusi pavadīt pusotru stundu.

Koncerta pārliecinājāmies, ka puiši uz skatuves ieturas tikpat dabiski kā dzīvē. Vispār mūzikhols ir «plaša patēriņa» māksla. Mūsu piedalīšanos programmā noteikuši taktiski apsvērumi.

Kā par grupu «Sekrets» teicis kāds pazīstams padomju komponists — tā jābrīdī ir visinteliģentākā grupa. Tam pilnīgi var pievienoties: viss, ko izpilda jaunieši, ir labas gaumes robežās gan muzikālajā ziņā, gan arī dziesmu tekstos, kurus sacer paši. Viņi spēj virtuozi stilizēt dažādus popmūzikas virzienus. Tā pēc viņu uzstāšanās atsaucīgi uzņem dažādu pauaudžu pārstāvji, sākot no padsmitniekiem līdz pensionāriem.

Grupas «Sekrets» muzikālās estētikas aveti sakņojas bītlu jaunradē; šīs grupas dziesmas skanējušas viņu pašrezejo mūziķu ģimenēs, kur vīgi augusi. Kā viņi pati saka: «Mūsu vecāki, par laimi, nekad nav bijuši konservatīvi.»

Ekspresintervijā nav iespējams aptvert visus kolektīva radošās aktivitātes šķautnes: aiz tās ietvariem palika «Sekrets» darbs Ļeņingradas televīzijas populārajā raidījumā «Grieztas plates», «Rīta pasta» darbs, veidojot raidījuma un kinofilmu scenārijus. Starp citu, aprīlī nāks klajā arī kvarteta pirmā skaņu plate: arī te «Sekrets» bijis oriģināls — tas uzreiz sāk ar lielo plati. Starp citu, tā ierakstīta firmas «Melodija» Rīgas skaņu plašu fabrikā.

Vienu no grupas dziesmām ir «Tūkstoš skaņu plašu». Novēlēsim, lai šīs sapnis is-

Вот такая была «Европа в Совке». Называлась – Рига!

Но все-таки сводить работу в Мюзик-Холле к одним только девочкам будет не правильно. Как ни устали музыканты, но

режим работы снова можно было назвать галерным, причем уже на рекордном уровне. На гастролях в Риге «Секрет» умудрялся выходить на сцену десять раз за один день! Как? Ну, это отдельная история!

Забл:

– Знаешь, там можно было с ума сойти! Дело в том, что мы в Рижском театре выступали с Мюзик-Холлом, а во Дворце спорта с «Машиной Времени». Учитывая, что и того, и другого концерта было по два, у нас было ровно десять выходов на сцену: сначала выходили в «антре» с Мюзик-Холлом. Через два номера пели с ними две песни, садились в специально арендованную машину и в сопровождении ГАИ гнали во Дворец спорта на свое первое отделение. Отыгрывали его и опять летели в театр на свой сольный выход, тоже почти отделение. Оттуда – обратно во Дворец спорта играть финальный джем с «Машиной»!

Натаныч:

– Опять врет. Не десять, а шестнадцать. Это один из абсолютных рекордов «Секрета», у меня записано. В субботу и воскресенье было по три концерта на каждой площадке, а однажды днем между концертами была большая пауза, и они успели выйти с Мюзик-Холлом на финальную песню. Правда, они были к такому режиму уже готовы: как-то, помню, еще с «Диапазоном», парни выходили на одной площадке с Валерой Леонтьевым, на другой – с Сашей Розенбаумом, а на третьей сольно, причем по два раза в день!

Кстати, именно в Риге произошла судьбоносная встреча Сергея Александрова с Валерием Янкловичем, на ту пору директором театра Марка Розовского. Они просто оказались в одном лифте, и, пока ехали снизу вверх, почти все уже было решено. А вечером того же дня состоялся разговор и с самим Розовским, в результате которого культуртрегеры окончательно ударили по рукам, и следующим местом работы музыкантов группы «Секрет» стал Театр «У Никитских ворот» под руководством Марка Розовского.

Зачем? Почему? Основных причин было, в общем-то, две. Первая заключалась в том, что творческая единица под названием «Секрет» получила, наконец, практически полную творческую самостоятельность: отдавай только нужный процент Хозяину, а так – делай что хочешь.

Вы ж понимаете: огромная страна уже полностью разогрета, как провинциальная вдовушка – раздевай и властвуй! Никакие другие «звезды» в программе не нужны, ведь сам «Секрет» уже

вполне может быть «паровозом» в любом городе. И «чес» по городам и весям продолжился в темпе разухабистой кадрили!

Натаныч:

– Ты был в театре у Розовского? Ага, ну, так знай, что все это на наши деньги построено! Только учти один момент: нам в городе уже понав-тыкали за «отсутствие ленинградского патриотизма», когда мы ушли в Ульяновск. И второй раз делать это было просто нельзя. Я договорился с Рахлиным, что наши трудовые книжки остаются в Ленинградском Мюзик-Холле, а он нас просто командирует к Розовскому для получения творческого и административного опыта «театра студии на коллективном подряде». Стратегически это было очень важно.

Здесь и крылась главная причина этой «рокировочки». Сергей Александров понимал, что «Секрет» уже готов к тому, чтобы обрести не только творческую, но и абсолютную административную независимость, и хотел набраться опыта для того, чтобы через некоторое время открыть собственный театр.

В общем, за год работы у Марка Розовского «Секретом» были постигнуты все тонкости доселе неведомой хозрасчетной деятельности на ниве искусства, и в 1988 году из Москвы в Ленинград были привезены все необходимые документы для регистрации новой административной единицы: «Экспериментальная рок-театр-студия "Секрет"».

«Наши жены – пушки заряжены!»

Я тут прикинул и сообразил, что на группу «Секрет» в общей сложности приходится одиннадцать жен и восемь официальных детей.

У Забла и Муры на потрепанных жизнью фюзеляжах всего по две звездочки, у Макса три, а рекордсмен Фома сходил в ЗАГС аж четыре раза.

Я, конечно, здесь отмечу, что сегодня Забл неожиданно для себя обрел Юлю, Макс безумно счастлив с Александрой, Мура живет за Леной, как за стеной из силикатного кирпича, а Фома практически успокоился с Наташей, но в этой части книги мне хотелось бы остановиться на тех подругах, кто застал ту самую Игру в «Битлз». Правда, истории, подобной квесту Харрисона и Клэптона в борьбе за Патти Бойд, у «Секрета» не было, так что мусолить «вкусные» детали семейной жизни ребят я не буду, а постараюсь поговорить о том вкладе, какой эти достойнейшие матроны внесли в формирование и процветание группы «Секрет».

Свидетель – Дима Рубин

Ира Селезнева, ныне гражданка Великобритании, как мы уже знаем, училась вместе с мужем, более того, в спектакле «Ах, эти звезды!» блистала едва ли не ярче него самого. Будучи актрисой востребованной, а женщиной мудрой, Ира не слишком

стремилась вмешиваться в творчество Максима сотоварищи, но даже при такой политике была задействована в клипе «Прощай ночь, прости»[8], снятом для альбома «Ленинградское время».

Ада Заблудовская, в девичестве Булгакова, может считаться ветераном движения «секретных жен», ибо находилась рядом с группой почти тридцать лет. Думаю, что и очаровал ее Андрей, как полагалось в те времена, своим сладкоголосым пением с гитарой в руках.

В отличие от Забла, выросшего в театральной семье, но поступившего в ЛИСИ, Ада была студенткой того же Театрального института, что и Фома с Максом, правда, на курсе музыкальной комедии у Гриншпуна.

Конечно же, я не скажу, что только Ада «спродюсировала» приход Забла в команду наших героев. Контакты между всеми ними были давно, а вот финальный импульс «в нужное время в нужном месте» дала именно она, в курилке ЛГИТМиКа напомнив Максу и Фоме про своего мужа в тот момент, когда они лишились Димы Рубина.

Потом Ада появилась в клипе на песню «Анна Скуггенвей» («Ведьма»), к сожалению, так и не вошедшую ни в один секретовский альбом, и всегда, как радушная хозяйка, принимала друзей мужа в своем доме. А уж сын Костик – их с Заблом совместное произведение искусства!

Давая мне подборку музыкальных клипов «Секрета», Забл сопроводил ее информацией, что в одном клипе снялась даже Таня Мурашова, ни разу не актриса. Помните «Именины у Кристины»[9]? Так вот, Кристина во втором возрасте – именно она!

Мура:

– Это тебе Забл сказал? Ну, ему уже пора таблетки от склероза пить. Это не Танька, которая, хоть и была на этих съемках, но в кадр не попала!

Фома:

– Ну-ка, дай посмотреть… Да. Точно, это не Танька, хотя и похожа. Поэтому Забл и спутал.

Таня не слишком влилась в клуб «секретных жен», и причин было две. Первая та, что у остальных девочек, выпускниц ЛГИТМиКа, было гораздо больше общих тем для разговора, а вторая, что жили они с Мурой довольно далеко от центра и без родителей, так что оставлять кому-то дочку Карину удавалось не слишком часто.

Но зато всей компанией с женами и детьми «Секрет» обычно

собирался именно у Мурашовых, единственной «секретной» пары, живущей без родителей! У всех, кроме Забла, были дочки, и вот, когда в доме у Мурашовых Костик, или «малый Забл», как его иногда называли, попал в компанию сверстниц в соседней комнате, его, как мальчика, там, конечно же, принять не захотели.

Вот такие развлечения со всеми необходимыми нюансами организаторы любили устраивать гастролерам

– Это что, телефон? – спросил пятилетний юноша, дабы завязать непринужденную беседу.

– Да, – ответила четырехлетняя Катя Фоменко, – позвони по нему своему папе, чтобы он забрал тебя отсюда!

Ее мама, профессиональная актриса Лена Лебедева, первая жена и соратница Фомы по курсу Игоря Горбачева, ни в одном секретовском клипе тоже не засвечена. Честно говоря, случилось так потому, что расстались они с Колей довольно рано, ибо уже во время службы в АПиПе боец Фоменко познакомился со своей следующей супругой – танцовщицей того же ансамбля, Людой. Впрочем, Лена успела внести неоценимый вклад в развитие группы, хотя бы тем, что родила Коле дочку Катю и проявила первичную инициативу по привлечению в команду Сергея «Натаныча» Александрова.

Дружбу жен между собой, в которой все актрисы по очереди солировали, я выношу за скобки как нечто само собой разумеющееся, ведь если жены молодых музыкантов друг друга

недолюбливают, то никакая группа долго не выживет.

Но еще об одном аспекте жизни я здесь просто обязан сказать.

Читательницы мои, вот попробуйте представить себя на месте жены двадцатипятилетнего парня, который больше половины жизни проводит на гастролях, а вы уж точно знаете, что там, в Мухосранске, каждая вторая гадина просто мечтает оказаться у него в койке, или хотя бы в номере гостиницы!

Смогли бы вы в этих обстоятельствах не пить его мозг через тонкую соломинку всякий раз, когда он возвращается домой? Не уверен.

Так что самый главный вклад всех этих девочек в том, что они набрались сил, мудрости, и смогли-таки обеспечить мужьям нормальную жизнь по возвращении домой.

А для иллюстрации сказанного позвольте маленький драматургический экзерсис, эдакую зарисовку с натуры.

«Следить буду строго!»

ВЕЧЕР ГАСТРОЛЕРА. Драма. Автор: Жизнь.

Место действия: отель «Мухосранские зори».

Время действия: лето 1986 года, около 10 вечера, после концерта.

Действующие лица: Музыкант популярной группы, две его вполне совершеннолетние Поклонницы и гостиничный телефонный аппарат с Голосом его жены.

Явление 1

В двери поворачивается ключ, и в номер шумно вваливается Музыкант с двумя девушками и таким же количеством бутылок шампанского.

МУЗЫКАНТ: О! Коньячок с фруктами нам тут уже и Папа нарисовал! Девочки, располагайтесь!

ПОКЛОННИИА#1: А налей мне шампанского!

ПОКЛОННИИА#2: И мне тоже!

МУЗЫКАНТ: Солнышки, а давайте я вам сейчас коктейль сделаю – шампань с коньяком? Я читал, что в Париже это очень популярный напиток среди красивых дам!

ПОКЛОННИИА#1: Ой, давай!

ПОКЛОННИИА#2: И мне тоже!

(Музыкант наполняет бокалы, мурлыкая что-то из сольного Джорджа Харрисона. Внезапно раздается телефонный звонок.)

Явление 2

Те же и Голос *жены Музыканта.*

МУЗЫКАНТ: *(девушкам)* А ну, цыц! *(в трубку)* Да, любимая?

ГОЛОС ЖЕНЫ: Привет, дорогой. Как концерт?

МУЗЫКАНТ: Изумительно. Мне сегодня на два букета больше, чем этому пижону, поднесли!

ГОЛОС ЖЕНЫ: У-у! Ну, молодец!

МУЗЫКАНТ: Как там наше дите?

ГОЛОС ЖЕНЫ: Нормально. Его сегодня моя мама забрала. А утром на твою фотографию смотрело и плакало.

МУЗЫКАНТ: Хорошо, скоро приеду. А мои там в порядке?

ГОЛОС ЖЕНЫ: В порядке. Папа твой немного кашляет.

МУЗЫКАНТ: Ну, ладно, я тебя целую, передай там, что я звонил, у меня все нормально.

ГОЛОС ЖЕНЫ: Погоди, милый. Знаешь, мне сегодня приснился очень дурной сон!

МУЗЫКАНТ: Какой, дорогая?

ГОЛОС ЖЕНЫ: Как будто у тебя в номере появились девицы! Представляешь? Так что, будь добр… Я тебя прошу, громко и четко сейчас произнеси, пожалуйста, фразу: «Все девки, которые сейчас находятся в моем номере, – прошмандовки последние». Понял? Давай.

(Музыкант растерянно оглядывается. Поклонницы на него внимательно смотрят.)

МУЗЫКАНТ: Ну, солнышко, я такие слова говорить не люблю, ты же знаешь…

ГОЛОС ЖЕНЫ: Давай, давай.

(Музыкант видит, что шнур у телефона достаточно длинный, и аккуратно открывает балконную дверь.)

МУЗЫКАНТ: Ну ладно…

ГОЛОС ЖЕНЫ: Погоди, погоди. Ты с балкона-то в комнату вернись.

МУЗЫКАНТ: Милая, ну…

ГОЛОС ЖЕНЫ: Я сказала!

МУЗЫКАНТ: Ну, хорошо. *(Почти шепотом)* Все женщины, которые сейчас…

ГОЛОС ЖЕНЫ: Громче!

МУЗЫКАНТ: Ну, роднуля!

ГОЛОС ЖЕНЫ: Я сказала, громче!

МУЗЫКАНТ:…находятся в моей комнате *(теряя самообладание, почти кричит)* ПРОШМАНДОВКИ ПОСЛЕДНИЕ!!!

ГОЛОС ЖЕНЫ: Умница. Ну, спокойной ночи, *(гудки)*

Музыкант стоит с трубкой в руке и смотрит на девушек, возмущенно вытаращивших глаза.

ПОКЛОННИИА#1: Это ты про меня так сказал?

ПОКЛОННИLLA#2: И про меня тоже?

Затемнение, звон разбитых об пол бокалов и хлопанье двери номера. Занавес.

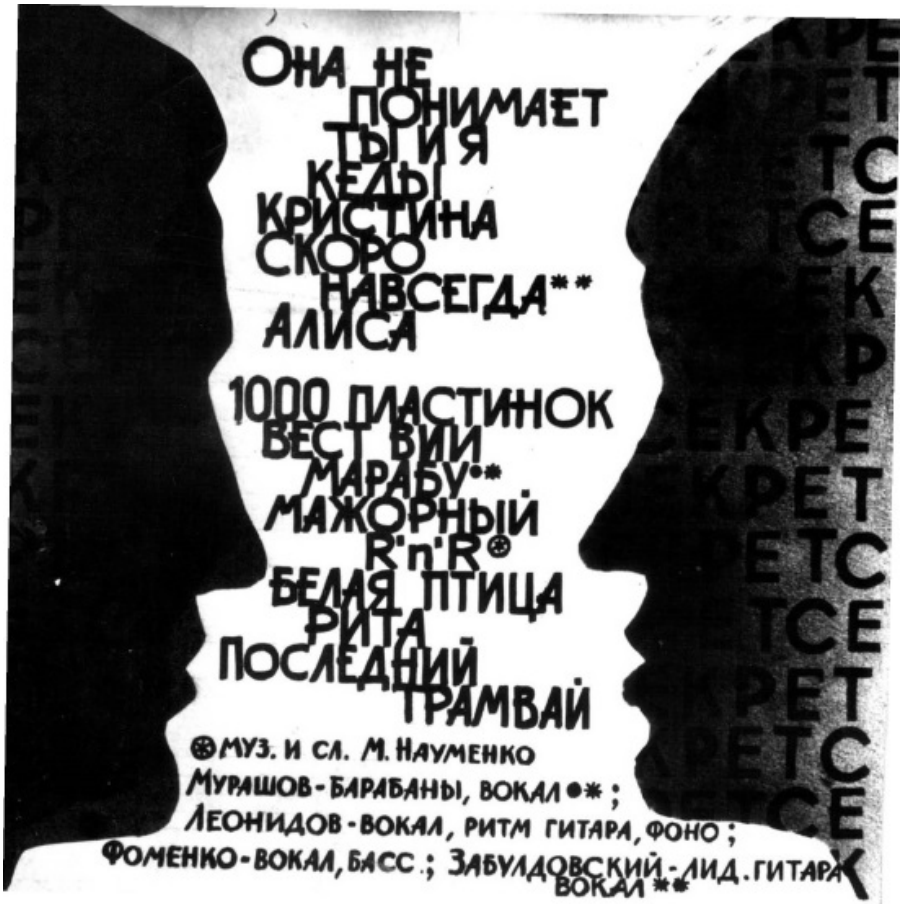
Натаныч:
– Ну, это ж давно известно: артисты, они же как дети, только писька большая!

Ну? Есть еще вопрос, почему все девочки укладывались штабелями?

«Но в мире есть Таллин, он красив, как волшебный сон!»

И вот, настало время «Секрету» выпускать свою пластинку!

Я долго думал, какое слово здесь употребить. Тогда эти предметы музыкальной гордости назывались по-разному в разных слоях общества: «пластинки», «пласты», «пластмассы», «диски» (с ударением на первый слог), «диски» (с ударением на последний), «альбомы», «рекорда». Но выбрал я именно этот старый и спокойный вариант, потому что «дисками» (в обоих вариантах) назывался в основном «фирменный», то есть западный продукт; термин «альбомы» тогда еще не слишком прижился, а все остальные слова представляли собой чисто сленговые обороты.



Обложка магнитоальбома «Ты и Я». Шедевр, правда?

Первый магнитоальбом «Секрета», выпущенный Панкером, конечно, существовал и распространялся, но качество звука было просто кошмарным, да и фамилия Забла на рукотворной обложке была написана с ошибкой! А несколько песен, записанных на телевидении, уже не удовлетворяли профессиональный уровень музыкантов. К тому же оригиналы некоторых записей просто исчезли!

Забл:

– Я пришел на телевидение искать наши песни и обнаружил на катушке с надписью «Секрет, Последний час декабря» какого-то баяниста! Атам с нами записывался прекрасный струнный квартет АПиПа, и была блестящая аранжировка, которую сделал Женя Олешев! Убили, гады. У нихтогда пленки не хватало, и они, видно, от обиды на Макса за «Как стать звездой» решили затереть именно нас!

Кстати, на той самой, «убитой», записи произошла милая история. Представьте: открывается на студии дверь, в тон-ателье заходят несколько солдат. В шинелях, сапогах… и со скрипками! Молча раздеваются. Сотрудники студии ничего не понимают, думают, что ремонт какой… А парни садятся, достают ноты и просят включить микрофон. Режиссер Ивановский включает, они играют некую композицию, все получается с первого дубля, они одеваются и уходят!

А потом в аппаратную заходит Макс.

Ивановский его спрашивает:

– А… что это было?

– Это? «Секрет»!

Сегодня солдаты, зашедшие тогда в студию, представляют цвет мировой скрипичной музыки: Лева Клычков – концертмейстер в Санкт-Петербургском Симфоническом Оркестре у Темирканова, Игорь Ермаченков и Миша Павлов играют в Шведском Королевском Оркестре, Игорь Улокин в Словацком Симфоническом.

Но я отвлекся, давайте возвращаться к тому, что «Секрету» настала пора записывать новый альбом. И на каких-то из гастролей, где «Секрет» совпал с «Машиной Времени», Натаныч обратился к авторитетному Саше Кутикову порекомендовать приличную студию.

АПиП, 1984 год. Николай Фоменко, Лева Клычков (верх), Игорь Улокин (низ) Максим Леонидов

Александр Кутиков:

– Сначала была Рига, первый концерт, куда мы с «Машиной» позвали «Секрет». Во время их сета я вышел в зал, у них тогда не было своего звукорежиссера. За пультом сидел наш Наиль Короткий, он был даже не звукорежиссером, а ассистентом. Я ужаснулся, выстроил баланс и сказал ему, чтобы он дальше рулил так же. И уже после этого, собственно, был разговор с Натанычем!

Забл:

– Нет, Саша путает. Совместные гастроли в Риге были через год. Мы тогда работали с Ленинградским Мюзик-Холлом. А запись в Таллине мы делали, когда еще с «Диапазоном» работали.

Фома:

– Это было не на гастролях. Просто мы сами для себя решили, что нас писать будет только офигенный Кутиков. И пусть он сам выберет, где это должно произойти. Созвонились с ним, предупредили и заслали Натаныча, который специально к нему поехал на этот разговор.

Так или иначе, Саша порекомендовал студию в Таллине, где сама «Машина» недавно записала несколько песен. Эта недавно приобретенная городским концертным залом студия не принадлежала государственной фирме «Мелодия», что было уже хорошо, ведь во все «мелодийные конторы» стояла многолетняя очередь, а кроме того, пришлось бы выполнять их условия. В общем – «нафиг, нафиг».

Ну и, в полном соответствии с привычной стратегией, все было сделано оптимально: Натаныч договорился со студией, составил договор от Ульяновской филармонии, и на эти же сроки организовал в Таллине гастроли. Оркестр «Диапазон» также был с ними, что решало некоторые тонкие профессиональные вопросы.

Но… директор предполагает, а ЦК располагает. В самый последний момент запись чуть было не накрылась медным тазом из-за того, что в Таллине вдруг запланировали «чевой-то международного», и всю гостиничную бронь для «Секрета» и «Диапазона»… аннулировали.

Вы себе представляете шок Александрова! Наши битлы привыкли, что Брайан Эпстайн может решить ВСЕ вопросы, а тут – такой облом…

Конечно же, и с этой проблемой он разобрался, но… вы только послушайте, что его там больше всего волновало!

Натаныч:

– Мы же привыкли, что «все всегда равны»! А тут у меня физически не было возможности создать всем абсолютно равные условия! Ты ж понимаешь, лето, Таллин… Они же все, ядрена вошь, со своими женами ехать намылились! Зачем – совершенно не понимаю, они же по 10–12 часов на студии сидели, а еще концерты! В общем, я, конечно, всех расселил, но равенства не получилось. Кому-то и на частных квартирах жить пришлось!

«Дядя Федор» (Кутиков) за работой

Должен сказать, что в сегодняшних разговорах никто из музыкантов этих деталей даже и не вспомнил. Все сосредоточились на волнительном процессе ЗАПИСИ ПЕРВОЙ ПЛАСТИНКИ!

Александр Кутиков:

Ребятам нравилось, как я записал «Машину Времени», и они попросили меня помочь им. У меня тогда был очень плотный график, и я смог вырваться только в свой отпуск, но они решили, что «дядя Федор успеет». Они всем давали прозвища: меня звали «дядя Федор», как Натаныча – «Папа», а Конторова – «Деда».

Вот тут пора бы сделать очередное технолого-историческое

отступление.

Конечно же, любой молодой музыкант априори хочет все свои партии на записи исполнять сам. И на мелких студиях обычно так и происходит, потому что с ним никто не хочет связываться, да и оплата студийной работы – повременная: хочешь добиться нужного результата сам – ради Бога, 15 долларов в час!

Но у серьезных акул индустрии звукозаписи есть ряд поправок на эти планы. Во-первых, у них все рабочее время на пару лет вперед расписано, и если, скажем, молодежная панк-группа «Тварь дрожащая» не уложится в оплаченное время, то тут хоть землетрясение, но с 12:00 следующего дня на студию заезжает трэш-метал трио «Тамбовские волки». А во-вторых… Ну, я даже не буду говорить, кто умеет, а кто не умеет играть, но при каждой большой студии обычно есть пул студийных музыкантов, у которых, грубо говоря, нет собственного узнаваемого стиля, но технически они в состоянии имитировать любую звезду так, что он и сам не отличит. Только играют они, в отличие от самой звезды, чисто и быстро.

У нас такие тоже есть, могу назвать, например, супертехничного Дмитрия Четвергова, записавшего около 200 студийных проектов, но исключительно редко упоминаемого в «кредитах». Вы не можете себе даже представить, какие имена играют на своих пластинках Димиными пальцами!

И вы, наверное, думаете, что все это мое предисловие ктому, что самодеятельных секретов на пластинке заменили музыканты оркестра «Диапазон»?

Ага, я ведь тоже так думал! Ведь с гитаристом Аликом Ереминым, басистом Пашей Борисовым и барабанщиком Сережей Кузнецовым я знаком, успел поработать, и могу сказать, что они и на сегодняшний день – суперпрофессионалы, а как инструменталисты – на голову выше секретов.

Приставал я с этой темой ко всем, включая Кутикова, и был крайне удивлен, что… все свои партии ребята исполнили сами! Только на рояле несколько песен сыграл Александр Резник, да дудки звучали диапазоновские, во главе с легендарными Робертом Паузером и дядей Лешей Канунниковым.

Ах да, еще там была струнная группа, не к ночи будь помянута…

Забл:

– Чтобы переписать тот самый «Последний час декабря», убитый на телевидении, Натаныч договорился с ансамблем из эстонского театра, и они пришли играть…

Александр Кутиков:

– Я приехал, когда часть записи уже была сделана, послушал и понял, что это просто катастрофа. Самым страшным моментом были струнные… Такое впечатление, что эти эстонские люди в принципе не умели или не хотели играть ровно и без фальши! Я уже предлагал Фоме и Заблу самим взять в руки скрипки!

Но как-то справились. Работа была кропотливая и трудная. Многое приходилось заново пересводить, а некоторые песни даже переигрывать. Саша, конечно же, был авторитетом, но недостаточным для того, чтобы с ним сразу же соглашались такие спорщики, как Макс и Фома, которые уже привыкли к тому, что обычно они во всем правы.

Макс:

– Я до сих пор недоволен этим альбомом. Если б Саша был с самого начала, то, может быть, все и получилось бы нормально. А так – две разных головы слышатся…

Мура:

– Да перестаньте, классный альбом получился, все наши хиты там! Как можно быть им недовольным? Саня все хорошо сделал!

Фома:

– Я очень расстроился. Я всегда расстраиваюсь, когда авторитет себя не оправдывает. Понимаешь, это ж я настоял на нем! Ведь меня с Кутиковым познакомили еще до всякого «Секрета», году в 1982, когда мы с Максом, два студента пробились на концерт «Машины», и нас представили, даже фото есть… Но трагедия в том, что Саша просто нас тогда не почувствовал, не понял! Он все звучание сделал молодежным, электронным… Да и голоса… Ты знаешь, вот наши с Максом голоса к тому времени практически срослись воедино, слились, а он их разнес по колонкам и совершенно развалил!

Вот в этой кирхе Союз композиторов СССР много лет размещал фирму «Мелодия»

Забл:

– Это была наша первая профессиональная запись. Мы столькому научились! Да и альбом первый, причем выпущенный на «Мелодии»… Жалко, что влезли не все песни, какие мы хотели. Там было жесткое ограничение: виниловая пластинка вмещает только сорок три минуты, не больше. Другое дело, что мы хотели битловский саунд, а Кутиков нас очень сильно «опопсил»…

Александр Кутиков:

– Знаешь, им ведь не моя работа не нравится. Это они сами себе там не нравятся! Но понимаешь… Когда «Машина» писалась в Америке, на студии «Гуд Найт Дэллас», с нами работал продюсер Гордон Перри.

И он сказал мне такую фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Артист думает, что его любят за красивый нос и голубые глаза. А на самом деле его любят за торчащие уши, и я как продюсер должен именно эти уши подать зрителю!» Так что я сознательно уводил их от битловского звука в сторону создания оригинального саунда, и музыкальный образ «Секрета» у меня, я считаю, получился. В образе запечатлены свежесть, искренность,

молодость, юмор… в общем, жизнь. Аденегс нихя не взял принципиально, на друзьях не зарабатывают. Хватило того, что они моей Катьке за эскизы костюмов заплатили!

Ну, в общем, я не хочу разбираться, кто здесь Ленин, тридцать лет прошло и альбом давно перескочил через «платиновый» тираж. Тем более, что Саша Кутиков все равно кому угодно сможет объяснить, кто конкретно виноват в том, что у него что-то не получилось. Давайте продолжим историю, ведь если пластинка записана, то, думаете, самое главное позади? Фигушки! Мы же в СССР жили. Теперь надо было все это согласовать со всеми инстанциями, и тут опять включился пресловутый Союз композиторов.

Они же просто не могли себе представить, как это: на фирме «Мелодия» выходит альбом, а… ни одной ИХ песни там нет… Помните, в старом анекдоте: «Как это… "Муму" написал Тургенев, а памятник – Пушкину? Непорядок!»

Владимир Конторов, разделявший в эту пору с Александровым заботы о «Секрете», говорил, что большую поддержку и здесь оказал Юрий Николаев, но сам Юра этого не помнит. А Натаныч, принявший на себя львиную долю административных забот, говорил, что главную помощь оказал поэт Михаил Шабров. В 80-е годы этот достойный человек был (внимание!) начальником отдела по контролю за формированием репертуара и ответственным секретарем художественного совета Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия».

Первая пластинка… Ну, чем не Rubber Soul?

Каков оборотец? Оказывается, контролем за формированием репертуара на «Мелодии» занимался целый отдел! И руководил им сам ответственный секретарь худсовета! Представляете, сколько народу кормилось с каждой пластинки?

Натаныч:

– Ох, и попили же они там моей кровушки… Я даже говорил Мише Шаброву, если что, мы готовы, там, чего-нибудь и про Виктора Хару спеть, но, слава Богу, без этого обошлось. В последний момент нас очень поддержал Давид Тухманов, без него бы и не вышло ничего.

Но и дальше проблемы не кончились. У нас ведь, даже с социалистическим плановым хозяйством, никто никогда не планировал тиражи грампластинок. Вначале всегда же выпускали маленький, пробный, чтобы по скорости продаж понять, сколько нужно печатать дальше. А отдел распространения, конечно же, захотел гарантировать себе квартальные премии, посему ВЕСЬ

тираж отправили в Ленинград! Ну, понятно, что его моментально расхватали, но гастролирующей группе-то важно, чтобы пластинка продавалась по стране! В общем, и здесь пришлось работать Александрову.

Натаныч:

– Да, я стимулировал продажи! Для этого я в каждый город с собой брал несколько пластинок, приходил в кабинет к директору магазина «Мелодия», дарил ему, приглашал на концерт и говорил, что «во всех городах страны пластинка разлетается в момент!» Ну и, естественно, он заказывал тираж и себе!

Думаю, что «платиновый» тираж этого альбома во многом обязан трудам Натаныча. Сколько всего вышло этих пластинок, подсчитать сейчас невозможно. Истинные цифры скрывались тогда, как скрываются и в наши дни. По некоторым признакам ясно, что цифра «5 000 000» успешно преодолена, но никто же не хочет платить исполнителям и авторам реальное потиражное вознаграждение…

Я, кстати, абсолютно уверен, что и эту книгу ждет та же самая участь, что вызывает сегодня особую грусть… Ну да ладно. Пора приступать к теме того самого события, при помощи которого, по выражению Макса, «Секрет» порвал страну!

«Удар, удар, еще удар! Опять удар, и вот…»

Тамара Максимова, автор и ведущий программы «Музыкальный ринг», неоднократно выходила на связь с Сергеем Александровым с целью приглашения в эфир бит-квартета «Секрет». Соблазн был велик, ведь программа к тому времени стала одной из самых рейтинговых на всех каналах, но ребята не торопились, желая и в этом случае стать явлением «из ряда вон выходящим».

Продюсерская идея состояла в том, чтобы не просто «держать удар недоброжелательной части аудитории», а вообще перенаправить критические выпады зрителей-скептиков, обычно адресованные в сторону певцов, на зрителей-энтузиастов, и наоборот. Таким образом, герои программы автоматически превращались из «мальчиков для битья» в доброжелательных и уверенных «судей над схваткой».

Это все мне рассказал Натаныч, и если это не позднейшая его фантазия, то и здесь – мои бурные аплодисменты, переходящие в овации.

Дело в том, что некоторое время перед «Музыкальным рингом» было посвящено структурированию толп обожателей в организованный фан-клуб, имеющий отделения в разных городах СССР. За это даже отвечал особый человек, сидевший у Александрова на зарплате. Причем следует понимать, что раньше ничего подобного в СССР не было. А вот на Западе эта штука была известна давно, с 60-х годов, и происходила она из стихийно возникшего движения «групиз», или «groupies», если быть точным.

Начиналось все, естественно, с желания получить автограф и сфотографироваться рядом с кумиром, но нередко внимание гастролера, находящегося вдалеке от семьи, привлекала доступность обожающей его девчушки, и тогда дело заканчивалось в его гостиничном номере, или даже «быстренько» за кулисами концертной площадки.

Сексуальная революция середины 60-х сделала этот процесс для девочек не только не постыдным, но и вполне статусным. В Штатах даже было издано несколько книг, где такие «знаменитости», как, например, Памела Де Барр, во всех подробностях описывают «свою жизнь в искусстве». Но если о ней я раньше знал, то творческий путь известной скульпторши Синтии Албриттон поверг меня в шок непосредственно при уточнении фактологических деталей этой главы.

Дело в том, что свою известность сия матрона, прозванная «гипсоли-тейщицей», приобрела экспозицией гипсовых слепков… как бы это сказать… предметов мужской гордости рок-звезд, причем исключительно в «рабочем» состоянии. Шедевром ее творчества признано изваяние самой важной части тела Джими Хендрикса.

Именно ей, кстати, посвящена песня Plaster Caster группы Kiss. Да и Пол Маккартни на альбоме London Town посвятил таким, как Синтия и Памела, весьма ироничный опус Famous Groupies.

В условиях развитого социализма такие творческие изыски были, конечно, совершенно невозможны, но лично знавал красотку, известную как Таня Большая, которая посвятила этому виду деятельности около двадцати лет своей бурной жизни. Ничего из гипса она, конечно же, не отливала, но повидала очень даже немало!

У «Секрета» же вся эта история выглядела совершенно иначе.

Во-первых, один из пунктов внутреннего свода правил поведения прямо гласил: «Фанаток не… употреблять!», и это грозило весьма серьезным штрафом, сравнимым разве что с появлением на сцене в непотребном виде. Этим фактом я был по-настоящему удивлен. Только ли в малолетстве основной категории фанаток и Уголовном кодексе было дело, да и как молодые здоровые парни могут отказаться от доступного, если оно само прыгает в койку?

Макс:

– Сережа, ну… Они все были какие-то несексуальные! Зачем нам было иметь дело с фанатками, когда жизнь постоянно предоставляла куда более интересные варианты?

Забл:

– Ну, может, этот запрет и нарушал кто, но мы этого до сих пор не знаем. Никого «на горячем» не застукали! Хотя… Лично у меня есть некоторые подозрения в отношении Фомы.

Натаныч:

– Ну, кого надо я им и сам, бывало, подгонял. Самое главное, чтобы без последствий, не надо нам этого. Но фан-клуб «Секрет» мы создавали для того, чтобы члены этого клуба видели в музыкантах исключительно хороший пример! «Положительный», как тогда любили говорить, ты вспомни, время-то какое было. Ну, и они организованно встречались, общались, подписывали фотографии, пластинки. В общем, все было красиво.

LIONS

Вот так демократично проходили регулярные заседания фан-клуба!

Да, организовано было все блестяще. И на самом деле в СССР впервые! Да, конечно, до секретовского фан-клуба существовало и объединение «пугачисток», и клуб поклонников Валерия Леонтьева «Вераоко», но дальше дежурства у подъездов своих

кумиров они не шли. К тому же фан-клуб «Секрета» был официально структурированной организацией! От Петроградского района в 1986 году было получено помещение подросткового клуба на Пушкарской улице, там проходили встречи, заседания.

При поездках на гастроли группе фанатов даже помогали с билетами и размещением, а если близко, скажем, Новгород или Вологда, то и автобус для них арендовался…

И вот именно этих мальчиков и девочек мобилизовал Натаныч в качестве группы поддержки и основной массы зрителей на съемки «Музыкального ринга»! На студию вдень съемки просто невозможно было пройти. Несколько тысяч тинейджеров, желающих пройти внутрь и постоять за своих кумиров, осадили Ленинградское телевидение так, что даже близкие друзья и родственники музыкантов испытывали трудности с проходом внутрь. Таней Мурашовой, например, фанаты просто выдавили витринное стекло… И не по злому умыслу, просто такая была давка!

Ну, чем не битломания образца 1964 года?

А уж сами секреты привнесли во всю эту историю свой любимый элемент динамичного шоу, в котором, как у знаменитых голливудских комиков, братьев Маркс, элементы гротеска и абсурда причудливо сочетались с совершенно серьезным подходом к каждой проблеме. На ринг они вышли в боксерских перчатках и халатах, неся с собой несколько томов Большой Советской Энциклопедии.

Рекомендую всем посмотреть этот «Ринг»[10] и постичь уровень как продюсерского замысла, так и его реализации.

От себя хотел бы добавить огромное восхищение филигранным мастерством исполнения песен под фонограмму, ведь это умеет не всякий.

Даже я, прекрасно знающий, что на телесъемках исполнение песен «без фанеры» просто невозможно, и то испытал некие сомнения: а уж не «Живаго» лия тут наблюдаю?

Использованы были практически все козыри «Секрета», и даже их бывший конферансье и вечный друг Вася Соловьев, якобы в порыве, взял слово и блестяще продемонстрировал свой дар Демосфена, воспитанный в стенах Щукинского театрального училища.

Вася Соловьев:

– А почему «якобы»? Мой страстный монолог не был никем предусмотрен и тем более заказан. Просто я сам, когда попросился на съемки, про себя имел в виду, что обязательно что-нибудь скажу. Ты ж понимаешь, как трудно мне было молча

слушать эту чушь про то, куда нужно «вести советскую молодежь»!

А правда, куда такие могут повести советскую молодежь?

И еще один момент заставил меня улыбнуться.

«Приезжайте к нам в Казань!» – приглашает в эфире группу «Секрет» Ильсур Метшин, тогда семнадцатилетний юрфаковец Казанского университета, а ныне… всесильный Мэр третьей столицы многонациональной России.

Ну и что, может, пора уже съездить?

«Отпустите меня в Гималаи!»

Ну, Казань Казанью, а вот триумфальный «чес» по городам Золотого кольца запомнился надолго!

Дело в том, что после «Музыкального ринга» наш активный Комсомол предложил «Секрету» первую агитпоездку. Собственно, на их концертах и раньше-то было весьма весело, а после того, как, по выражению Макса, «наш "Музыкальный ринг" порвал страну», на каждом уличном выступлении в этих городах собиралось более двадцати тысяч зрителей-фанатов, и тот крик и шум, который они производили, сильно нервировал местное начальство.

Забл:

– На сцену, по-моему, во Владимире, залез какой-то хрен, подошел к микрофону и сказал: «Если вы не прекратите безобразие, то музыканты прекратят свое выступление!» А тут уже у Фомы взыграло ретивое, он на него заорал: «Да кто ты такой? А ну, вали со сцены, нечего тебе тут делать!» Только этот хрен оказался каким-то секретарем горкома КПСС, и когда Фома его выгнал, нам просто отрубили все электричество. И тут, конечно, базар только усилился! Нас увели, спрятали в каком-то помещении, в общем, именно тогда мы поняли, что выше только небо, а круче только яйца. После этой поездки старая подруга Макса, Зифа, сказала ему, что пора завоевывать Европу. Она когда-то уехала замуж в Италию, а в эти дни вернулась на побывку в Ленинград и сказала тогда, что просто в восторге от нашего концерта и рекомендует пристроиться на рок-фестиваль в Италию, куда уже собралась тусовка от рок-клуба.

Ну… на месте Первого Секретаря Горкома КПСС и я бы чувствовал себя «не в своей тарелке»…

Натаныч:

– Опять Забл врет! Никакого отношения к этому фестивалю Зифа не имела! Это были чисто мои завязки с ЦК ВЛКСМ!

Поездку по Золотому кольцу мы с ними отбарабанили, и нам сказали, что можно поехать на фестиваль в Италию, но перед этим, как тогда полагалось, нужно было съездить в социалистическую страну, и нам предложили Монголию. А эта сука, Зифа, к нам уже в Италии приклеилась… Ну, я тебе скажу, там история была!

Ну, до этой «истории» мы еще дойдем, а пока разрешите исторический экскурс для молодежи. Знаете, как советские люди раньше выезжали за границу? Строго в следующем порядке: сначала ты должен по профсоюзной путевке посетить дружественную страну, типа Болгарии или Монголии.

Подав заявку на такой вояж, нужно было… получить паспорт? Фигушки! Сначала – пройди-ка «выездную комиссию» в райкоме ВЛКСМ или КПСС, в зависимости даже не от твоего членства в оных организациях, а просто от возраста. На заседание комиссии будь любезен принести одну характеристику с места работы, а вторую из ЖЭКа, в которых обязательно должно присутствовать слово «достоин».

Достоин чего, спросишь ты, а я отвечу: достоин представлять Советский Союз в зарубежной стране.

Уже на самом заседании этот вопрос ставился повторно, и ты должен был ответить на серию совершенно идиотских вопросов, например, «за что и в каком году ВЛКСМ получил второй Орден Ленина», или «как фамилия лидера Партии Национального Освобождения Республики Островов Зеленого Мыса».

Я не шучу! Конечно же, в большинстве случаев эти вопросы были чистой формальностью, но уж если тебя нужно было «засыпать», то лучшей возможности просто не было!

Только после этого оформлялись документы, причем и там был возможен облом, ведь комсомол и ЖЭК проверяли твое настоящее, а Контора Глубокого Бурения докапывалась уже до прошлого, причем не только твоего, как кандидата на выезд, но и до твоих родственников! В анкете даже имелся пункт: «Были ли ваши родственники на оккупированной территории?»

И вот когда все эти круги были пройдены, ты получал паспорт, в специальной кассе обменивал строго определенную сумму денег и выезжал исключительно в составе организованной группы, в которую был включен один, а то и несколько «кураторов» из той же вездесущей организации.

Все хорошо? Съездил, вернулся? Прекрасно! А теперь – в пятидневный срок будь любезен вернуть загранпаспорт обратно. Хочешь еще раз съездить? Ничего страшного, пройди опять все те же круги. Причем во вторую поездку тебе уже станут доступны Югославия, Египет и Индонезия. Но… скажи-ка дружок, откуда у

тебя такие деньги, что ты каждый год по заграницам разъезжаешь? В нашей стране столько красот и достопримечательностей! На Байкале был? А на Камчатке? Вот! Давай-ка, на следующий отпуск бери путевку туда, а мы поможем!

И вот, только после двух загранпоездок раз в три года, тебя допускали до развитых стран Европы, или, не к ночи будь помянутых, США.

Сам? По приглашению? К РОДСТВЕННИКАМ? По закону, конечно, можно, только ты ж понимаешь, какие вопросы тебе на комиссии задавать будут…

Впрочем, при содействии ЦК ВЛКСМ наш «Секрет» получил весьма сокращенный и очень либеральный квест. Все дороги ведут в Рим. Даже железные. Даже через Улан-Батор.

Вперед!!!

hard
rock

«Ну че, поехали?»

«Паровоз умчится прямо на границу»

ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС. Короткометражный художественный фильм в жанре психологической драмы с элементами сас-пенса и плутовской комедии. Монтажный план.

С параллельно движущегося вертолета мы видим железнодорожный состав, бороздящий необъятные и живописные просторы пустыни Гоби.

Титр: «Монголия, 1988 год».

Камера подлетает к движущемуся поезду, где в спецвагоне (аж с душем!) едет группа «Секрет».

Сквозь вагонное стекло мы видим, что в одном купе едут Максим Леонидов и Николай Фоменко, один из них лежа читает, другой сидит в наушниках и что-то играет на своей гитаре.

Камера движется дальше, и влетает в окно купе другого, где за столом друг напротив друга сидят Андрей Заблудовский и Алексей Мурашов.

Это хорошо кондиционированное купе, наши герои меланхолично наливают из запотевшего графина холодную водочку и прихлебывают ее из хрустальных рюмочек под солененькие огурчики от щедрот вагона-ресторана и скорбно молчат…

Следующий план – изнутри купе в окно.

Мы видим множество радостных девушек, которые аппетитно пахнут бараниной, кричат что-то жизнеутверждающее на красивом монгольском языке и весело скачут на конях все по тем же необъятным просторам Монголии, кто параллельно, а кто и перпендикулярно движению «поезда дружбы»…

Наезд на лицо Андрея Заблудовского, расфокус.

Вот она, ЗАГРАНИЦА!!!

Идут кадры воспоминаний одного из вечеров после концерта группы «Секрет» в Москве, на служебном входе стоят толпы поклонниц, и Андрей, проходя мимо, улыбается одной из них и указывает на нее пальцем, вызывая вопли восторга.

Мы снова в купе. Наезд на лицо Алексея Мурашова, расфокус.

Мы видим кадры того же вечера, но уже в номере гостиницы, где Алексей уютно расположился на диване, а вокруг него хлопочет парочка таких же поклонниц с восторженно-покорными выражениями лиц…

Мы опять в купе. Камера отъезжает от окна с коренастыми всадницами и останавливается на лице Андрея, почти совсем равнодушно произносящего:

МУРА: Забл, а ты слышал, что есть такие люди… го… гомосексуалы? На Западе их еще геями называют. Слышал?

ЗАБЛ: Д… да! Читал…

МУРА: И солист «Квинов», Фредди Меркюри, даже открыто признался, что он принадлежит к этой категории!

ЗАБЛ: Мик Джаггер и Дэвид Боуи, между прочим, тоже бисексуальны!

МУРА: Ага. И Джордж Майкл, кстати – тоже, на всю катушку. И рыжий солист из Simply Red, все время забываю его фамилию.

ЗАБЛ: – А знаешь, есть такая команда Village People? Так они – все.

МУРА: Это не рок-н-ролл, а диско. Диско не считается. Тогда уж Frankie Goes to Hollywood, там, говорят, та же история.

ЗАБЛ: Ну, про Чайковского я уже и не говорю…

МУРА: Про кого? А-а… и не надо. Но, между прочим, я читал, что даже у Брайана Эпстайна что-то там было с Джоном Ленноном!

ЗАБЛ: Ну, да…

МУРА: И вообще, я считаю, что настоящий мужчина должен в этой жизни познать все.

ЗАБЛ: Хм… Ну, может, ты и прав.

МУРА: Мы же друзья с тобой? Как битлы?

ЗАБЛ: О чем ты говоришь, брат! Конечно!

МУРА: Мы же должны друг другу помогать в трудные минуты?

ЗАБЛ: А как же иначе-то?..

План купе уходит в расфокус, на экране возникает уютная московская квартира, мы видим, как наших героев гостеприимно принимает их старый друг Сергей Миров, раскрыв рот слушая детали этого «роуд-муви» и не веря своим ушам.

Крупный план Мирова.

МИРОВ: Стоп, стоп. Прощу прощения, но, насколько я помню технологию процесса, первое, что необходимо в этом случае, это – добиться эрекции, хотя бы односторонней!

Быстрая панорама на Заблудовского и Мурашова с отъездом камеры:

ЗАБЛ: Вот! Именно! Этого-то как раз ни у кого из нас не получилось!

МУРА: Ну – за здоровье хозяина дома!

Фанфары, титры, затемнение и надпись «The End». Через секунду она отодвигается в сторону, и в кадре снова появляется Мура с укоризненным выражением лица, произносящий прямо в камеру:

МУРА: Миров, ты все перепутал! Это не я, а Забл предлагал!

Мой голос за кадром: Ну, ладно, поменяю.

Муру в кадре отодвигает Забл:

ЗАБЛ: Все так и было, правильно, Сережа, ты ничего не перепутал. Инициатива в отношении сексуальных экспериментов исходила не от меня, а от Леши, а я хоть и был готов помочь брату, но ничего не смог поделать со своим организмом. Тем более, что для себя я таки решил этот острый вопрос при помощи проводницы!

Мой голос за кадром: Хорошо, я не буду менять.

На экране – быстрая перемотка пленки назад, перепалка из которой слышны голоса: «– Поменяй! – Оставь! – Поменяй! – Оставь!»

После этого на экране снова появляется надпись: Ну, теперь-то «The End?» Через паузу вопросительный знак начинает дергаться, тужиться, и превращается в восклицательный: «The End!»

«Уно, уно, уно, уно моменто!»

Выезд в Италию был первым для советских мальчиков рывком за пределы железного занавеса, и характерна реплика Макса, сказанная им в момент, когда самолет коснулся колесами итальянской земли:

– Ну, что ж… До свидания, дорогие товарищи, и здравствуйте, господа!

На рок-фестиваль в итальянском городе Мельпиньяно выехала целая делегация от Ленинградского рок-клуба. Среди всех названий мутно сияли звезды «Телевизора» и «Странных Игр», презрительно именовавшие «Секрет» голимой попсой, ведь наши герои откровенно выделялись из общей массы рокеров своей мелодичностью, аккуратностью и подчеркнутым позитивом, что впоследствии и было отражено музыкальными критиками в газетных и журнальных обозрениях.

При желании, конечно, можно было называть это и фурором, но ответ намой прямой вопрос, как их там принимали, был на удивление честным.

Макс:

– Принимали нас странно. Никто вообще не мог понять, зачем мы туда приехали и пытаемся играть рок-н-ролл.

При этом повадки записных звезд проявлялись довольно отчетливо: Фома уже в аэропорту Фьюмичино, вдохновленный прилетной пресс-конференцией, демонстративно игнорировал все предупреждения, отпечатанные на разных языках крупными буквами, и даже начал дергать дверцу полицейского автомобиля, что перепугало всех: с карабинерами шутки плохи.

Хорошо, кстати, что Натаныч, ссылаясь на гастрольный режим, чуть скорректировал сроки поездки, и «Секрет» прибыл в Италию на три дня позже других, прямо к выступлению. Если все остальные осваивали культурную программу в Риме до своего выхода, то «Секрет» остался гулять по Вечному городу уже после фестиваля. Как-то это было комфортнее.

Должен сказать, что все мы, выросшие в СССР и впервые попавшие на Запад в конце 80-х, выглядели там не слишком солидно, если не сказать смешно.

Хороши были мы с Валерой Сюткиным, бороздящие темные переулки города Бохума, пытаясь всучить продавцам музыкальных магазинов альбом Пола Маккартни «Снова в СССР», по какой-то причуде гения изданный только в Москве.

До сих пор приятели хохочут над Сашей Градским, который

во время знаменитого «Марша мира – 87», едва сойдя на американскую землю, стал мучить всех гидов вопросом: «Где у вас тут можно купить ветровое стекло от «бьюика» 1974 года выпуска?» Говорят, что этот вопрос он задал даже на своей пресс-конференции.

Вот в Швеции «Секрет» не был… Но из Италии статей не

сохранилось!

Безумно умиляет история про Лию Ахеджакову, которая совершенно не знала немецкого языка и, стараясь объяснить продавцу, что жакет ей нужен самого маленького размера, настойчиво повторяла: «Гитлер-югенд! Гитлер-югенд!»

У «Секрета» в этом жанре пальма первенства принадлежала Натанычу.

Отправившись на вещевой рынок в поисках подарка для одной из своих жен, в качестве переводчика он взял с собой Забла, ибо познания в языках господ Леонидова, Фоменко и Мурашова на тот момент равнялись его собственным.

Уже там, обратив внимание на какую-то кожаную юбку, он попросил Андрея выступить посредником в этих переговорах, но и познания продавца в английском (или произношение Забла?) не дали процессу никакой динамики. Тогда Сергей Натанович царственным жестом отодвинул проштрафившегося толмача и сам начал громко вещать своим глубоким, хорошо поставленным, голосом.

– Юбка, понимаешь? Ю-Б-К-А! По губам, по губам читай, хрен нерусский! Вон та! Нет, правее. Правее. П-Р-А-В-Е-Е, я тебе, идиоту, говорю! Да. Эта. В смысле, «си». Ну-ка, дай…

Аккуратно пощупав вожделенный предмет со всех сторон и оценив качество кожи, он продолжил:

– Ну и сколько? Сколько, я тебя спрашиваю. Цена. Ц-Е-Н-А!!! Понял?

До нерадивого продавца, наконец, дошло, чего от него хотят, ион, взяв бумажку и карандаш, написал цену, естественно, в старых добрых лирах.

Когда Натаныч увидел количество нолей, он даже не стал вникать в обменный курс и громко пророкотал, сопровождая речь характерным жестом:

– Отсосанто!!!

И горделиво направился к выходу.

А в коллективных походах ребят повсюду сопровождала недавняя соотечественница, а ныне гражданка Италии, уже упомянутая Зифа. Она все время висела на плече у Макса, а попутно строила глазки и остальным, стараясь возбудить ревность в школьном возлюбленном.

Фома:

– Она там даже ко мне в постель залезла, но у нас не было ничего, я же не буду кидать такую подлянку своему старому другу и брату Максиму!

Натаныч:

– Ух, как она меня там бесила! Лезла во все дыры, занималась моими делами, и даже привела продюсера, якобы для того, чтобы нам устроить какой-то ангажемент!

Забл:

– Судя по всему, она очень хотела отодвинуть Натаныча по всем нашим зарубежным делам, ибо он откровенно терялся в новой для себя обстановке. Если в совке он был просто «Ленин», то там ни в чем не ориентировался, да и выглядел подчас довольно нелепо. Чего стоит хотя бы его пляжный прикид на тех самых переговорах и полиэтиленовый пакет с сувенирами, из которого Натаныч аккуратно отсчитал ровно столько значков, сколько было переговорщиков, а остальное унес с собой. В общем, я сейчас не знаю, чего Зифа хотела больше – Макса или тусовки, но она там стала активно продвигать тему, что группе необходим «импрессарио европейского типа».

История это довольно темная, и однозначно ее трактовать никто не может, кроме, разумеется, Натаныча. Дело в том, что приглашенный Зифой промоутер хоть и был итальянцем, но имел израильский и американский паспорта, а, следовательно, переговоры вполне могли идти на английском языке, фрагменты которого многие понимали, но Зифа настояла на итальянском, которым владела только она одна.

Натаныч:

– Я не понимал ни слова, но жесты ведь я понимаю! К тому же, слово «уно» мы все там уже выучили. И ребята даже не поняли, что эта сука уговаривала человека работать не со всем «Секретом», а раскручивать Максима Леонидова отдельно! «Уно»! Он, видите ли, очень на Эроса Рамазотти похож! Слава Богу, Макс был нормальным человеком и на эту хрень тогда не поддался.

Тогда Макс не поддался. Но мысль о том, что у большого таланта и писаного красавца, такого, как он, любимый, вполне может развиться и сольная карьера, именно в этот день могла пустить в его голове первые ростки.

Забл:

– Помню, как после возвращения из Италии мы с Натанычем сидели на скамейке рядом с моим домом, обсуждали эту поездку, и мне очень четко запомнилась его фраза: «Макса я Зифе не отдам!» Из чего я сделал вывод, что Макс для Натаныча куда интереснее, чем все мы, вместе взятые.

Ну, вы поняли, да? Какие же идиотские нюансы иногда подталкивают нас к судьбоносным выводам! Я не стал даже спорить с Андреем, но совершенно не понимаю этого логического построения.

Между прочим, мы с вами все ближе и ближе подходим к теме развала бит-квартета «Секрет». История это безумно сложная и до сих пор имеет для участников весьма болезненные аспекты. Я очень подробно говорил на эту тему с каждым из секретов, и хоть уже и готов расписать драму расставания, но буду подводить вас к ней медленно, точно так же, как к ней подходили и сами ребята.

И обратите внимание: с самого начала книги мой текст прерывается вставками с прямой речью участников, и теперь, видимо, стало понятно зачем.

За мои слова, за мою трактовку всех этих невеселых событий никто из «Секрета» ответственности не несет и может быть даже не согласен. А вот слова каждого из них я даю здесь вообще без редактуры.

Так спокойнее и честнее.

Впрочем, у нас впереди еще почти два года веселой гастрольной жизни, можем пока расслабиться.

Из загранпоездок нужно отметить «Сопот-89», где «Секрет» был почетным гостем среди таких музыкантов, как Дитер Болен, Си Си Кетч и других. В том же году была поездка в Германию, когда Натаныч устроил «культурный обмен» с гамбургским театром «Клэкс», ну и, конечно, Швейцарию февраля 90-го года, которая стала жирной точкой всей Игры в «Битлз», но к ней мы еще вернемся.

Кстати, возвращаясь в итальянскую поездку, должен отметить, что очень точной характеристикой вышеупомянутой Зифы может служить ее интервью, данное впоследствии одной из питерских газет. В нем сия достойная матрона, супруга итальянского подданного, поведала, что ее ребенок родился после счастливой встречи с бывшим одноклассником во время весьма плодотворного визита группы «Секрет» в Италию!

«Ну, и кто догадается, откуда мы вчера приехали?»

«И новые песни придумала жизнь!»

Со вторым альбомом «Секрета» под названием «Ленинградское время», запись которого состоялась сразу после возвращения из Мельпиньяно, все тоже было непросто.

Дело в том, что никакой аналогии с битлами у меня здесь не получается. Как известно, номерные альбомы битлов (13 или 14 штук по разным классификациям) делились на несколько групп по авторству, направлениям, зрелости и прочим параметрам. Не буду на этом подробно останавливаться, ибо записные битломаны меня здесь просто порвут, ведь на эту тему они до сих пор копья ломают – считать Hey Jude и Yellow Submarine или нет.

А у «Секрета» золотого периода альбомов только два! Так что, здесь удобнее провести аналогию с группой Christie. Помните таких? Да-да, те самые, кто нам Yellow River подарил.

Они тоже на пике популярности успели выпустить всего два, в 70-м и 71-м годах. И тоже, почти накопили материал на третий, но разошлись… И если на первом их альбоме практически все композиции на разные лады с вариациями повторяли свой главный хит всех времен и народов, то второй, вышедший всего-то через год, продемонстрировал совершенно невероятный творческий рост музыкантов, да и самого Джеффа Кристи, композитора и аранжировщика. Потрясающие For All Mankind, If Only, Magic Highway и Picture Painter были на голову выше всего, записанного годом раньше!

На этом, кстати, Christie и прокололись, ибо уровня их привычных почитателей просто не хватило для понимания нового материала.

«Секрету» же и здесь повезло! При вполне сравнимой степени различия по содержанию и форме, основная аудитория, слава Богу, сохранилась и даже приумножилась!

Но вопросы у меня остались, и, прежде чем обратиться с ними к «Секрету», я сформулировал их заранее.

1. Была ли у альбома концепция, или опять – «насыпали в кастрюлю все, что было»?

2. Почему отказались работать с Кутиковым?

3. Почему в «Ленинградское время» не вошли несколько уже написанных стопудовых хитов, например, «Сегодня мы танцуем твист» и «Арина-балерина»?

4. Почему на альбоме нет ни одной песни с лид-вокалом или авторским участием Мурашова и Заблудовского?

5. Социальность, которой «Секрет» всегда избегал, здесь – дань времени, или таки наболело?

Разговор был долгим, и здесь я опять отмечаю удивительное свойство человеческой памяти – забывать то, что помнить не очень хочется. Собирал я эту главу около недели, ведь с одним мы разговаривали по телефону, с другим по скайпу, с третьим по вайберу… А вот Макс оказался в Москве, и с ним мы встретились «тушками».

Макс:

– Сереж, я плохо все это помню. Тридцать лет прошло, как-никак, я после этого больше десяти альбомов записал! Что касается Саши Кутикова, так зачем, если с нами к тому времени уже работал потрясающий Юхан Прууль, оттуда же, с таллинской студии!

Фома:

– Ну, про Кутикова я тебе уже все сказал, мы просто не хотели, чтобы из нас опять «советскую эстраду» сделали, вот и нашли в Таллине правильного человека!

Забл:

– Все не так. С Йоханом Пруулом мы познакомились только уже при записи второго альбома. Нам понравилось, как он сделал наше «демо», а потом стал специально слушать мировую музыку конца 80-х и сказал, что нас «надо писать как Status Quo». Нам и эта мысль понравилась. И мы его долго просили ездить с нами, пока он согласился.

Натаныч:

– Я, как ни странно, согласен с Заблом. Тут уже он прав, а Максим путает, или уже старческий склероз к нему приплыл. Йоханнеса мы приметили только на записи пластинки, но, как я его ни уговаривал, ездить с нами в поездки он не соглашался. Уже потом, когда нас круто подставил Андрей Державин со своим «Сталкером», а Пруль выручил, я его уже додавил, и он стал с нами ездить.

А история была следующая: однажды на гастролях «Секрет» встретился со «Сталкером» и один директор стал плакаться другому, мол, никуда нас никто не зовет, даром, что аппарат свой есть! Ну, Натаныч прикинул, что это неплохой вариант, и предложил державинскому «Сталкеру» выступать у «Секрета» первым отделением, а в благодарность ставить свою аппаратуру. Таким образом, как бы зеркалилась ситуация двухлетней давности: тогда «Диапазон» провез «Секрет» по всей стране и хорошо приподнял их популярность, а тут «Секрет» помогал

«Сталкеру», причем даже с темами главных хитов! Помните: «Не плачь, Алиса, ты стала взрослой»?

Ну и знатно поездили, за полгода полстраны причесали, «Сталкер» с Державиным хорошо приподняли… И вот, приехали однажды в очередные Чебоксары и видят, что на сцене стоит какая-то оптимистическая комедия в виде полутора колонок, а державинский директор лепечет про то, что «настоящий аппарат где-то сгорел». Уж не знаю, как они там разобрались, вроде бы насобирали какую-то мелочь по соседним ресторанам, но звучит это все, как в школьной самодеятельности. Тогда Натаныч сел на телефон и минут тридзать разговаривал с Таллином…

Уж не знаю, какие аргументы были пущены в ход, но волшебник Юхан Пруул прилетел уже к вечеру и умудрился на всем этом сделать удобоваримый звук. И уже после этого звезды встали так, что он стал штатным звукорежиссером «Секрета».

Уж Вы здесь простите меня, уважаемый, я просто запутался, как писать Ваше имя – Юхан, Йохан, Йоханнес, да и с фамилией непонятки: Пруль, Пруул, Прууль?

Это и есть Иохан Пруал
(так тоже пишут)

Все ребята по-разному произносят!

Но давайте вернемся к содержанию новой записи. Для меня осталось загадкой, почему Забл и Мура даже не поборолись за свой вклад в новый альбом. Да и песни «Ленинградское время», «Блюз бродячих собак» и «Беспечный ездок» по тематике достаточно сильно вываливаются из основного «секретного» направления. Они совершенно бунтарские, правда?

Причем за их авторством откровенно проглядывается

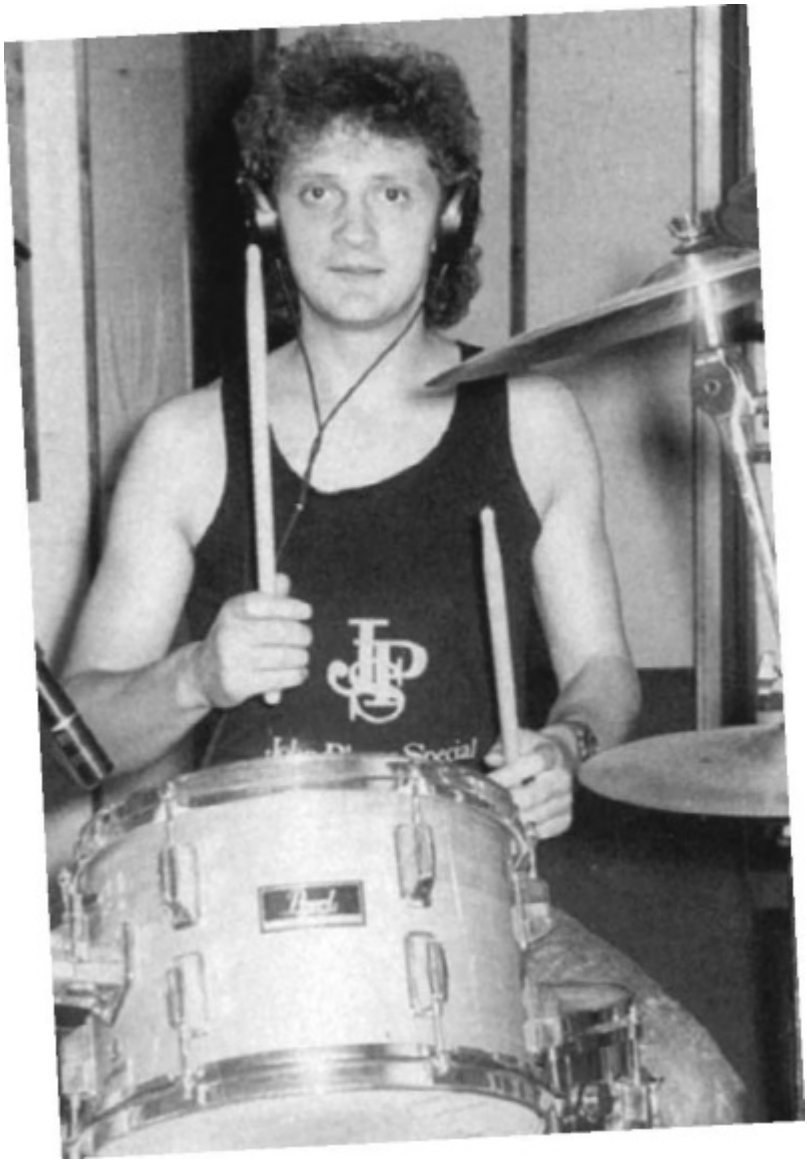
темперамент Фомы, который через два года, уже в составе трио, продемонстрировал себя еще ярче, но об этом мы поговорим потом.

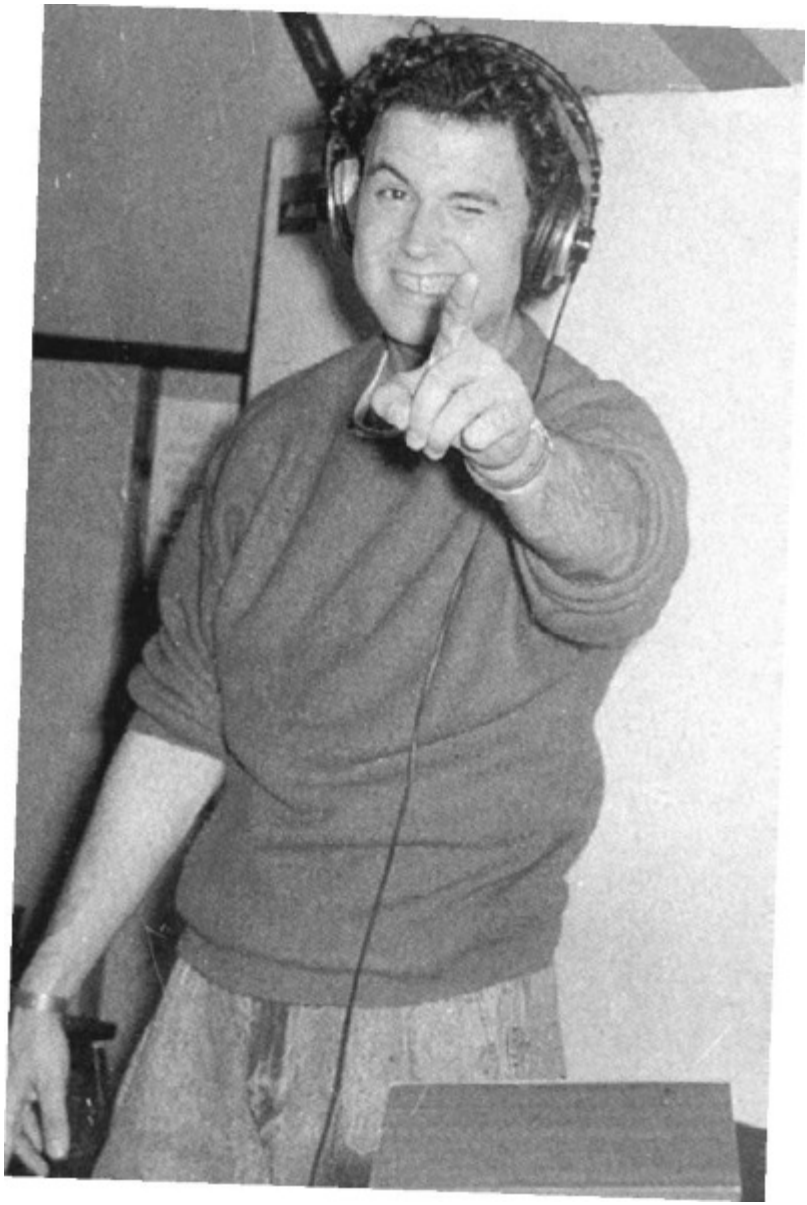
Макс:

– Знаешь, вот в этих песнях – вся соль той ситуации! Мы повзрослели, нам всем хотелось писать современно, как тогда писали Нофлер, Спрингстин, Джоэл: остро, жестко. Не было кого-то одного, инициировавшего их написание, это просто музыка изменилась, она сама требовала таких текстов, ибо время такое пришло. Жесткое. И ты не прав, что вся наша аудитория осталась с нами. Не вся. Зрители продолжали ждать от «Секрета» беззаботности, веселья и позитива. А кактогда было писать «позитив», ты вспомни?

Фома:

– И ты не прав, что нет аналогии с битлами! С «Двойным альбомом» у них вышло то же самое! Большинство людей, которые их любили, оказались просто не в состоянии воспринимать такую сложную музыку, и у нас та же хрень случилась: фаны от нас продолжали тащиться по привычке, но уже ни фига не понимали! Про социальность текстов я, кстати, полностью с Максом согласен, но из песен, которые ты тут назвал, «Ленинградское время» – чисто его. А в каком году-то мы второй альбом писали, в 1989-м?





Таллинская студия.
Забл мотает, Фома рулит, Мура стучит, Макс поет

Я:
– Нет, Коля, в 1988-м.

Фома:
– Черт, ни хрена уже не помню. А песни Забла и Муры… Они же тогда просто не принесли ничего приличного… Хотя Мура написал классную «Она так любит», но почему ее нет на альбоме,

я тоже не помню.

Забл:

– А как мы могли бороться-то? К тому времени наши «Леннон-Маккартни» уже вовсю рулили процессом. Как было встрять-то? Чего ни принеси – все говно.

Макс:

– Да, жалко, что в альбом не вошли, скажем, «Арина-балерина» и очень милая Лешкина песня «Она так любит». Жалко, но я совершенно не помню почему.

Мура:

– А я тоже не знаю, почему ее не включили. Это даже не обсуждалось, наверное, потому, что никому и в голову не пришло, что я могу что-то ценное для альбома принести. А еще вот они для меня написали полную хрень «Букетик незабудок», на концерте-то я ее пел. Назначили. Но ведь не на альбом же было ее вставлять? Понимаешь, тогда у нас возникла какая-то магия фамилий «Леонидов-Фоменко», как «Леннон-Маккартни». И все. Чьи-то другие песни просто не обсуждались, а мы с этим никогда и не спорили. А зачем? Песни-то они хорошие нам писали!

А тут уже совсем Let It Be…

Фома:

– Концептуального подхода к этому альбому тоже не было, но вошло не все, это я помню. Ну, мы же не собирались расходиться-то… Вот и оставили немного песен на третий альбом, а потом затянули как-то… Гастроли, театр, «Король рок-н-ролла» этот хренов… А Макс из того запаса несколько наших с ним песен на свой сольный проект потом взял. Разрешения, кстати, не спрашивал.

Макс:

– Концепции у альбома никакой не было, просто мы ощутили слишком много разных влияний, впечатлений и увлечений, так что альбом вышел очень эклектичный… Да знаешь, собственно, тогда «Секрет» и закончился, наверное!

Оп-па! На этой фразе я немного опешил и потерял дар речи в разговоре, ибо до этой темы нам было еще далеко, но Макс

«сыграл на опережение». Видимо, у него в этот день было такое «самокопательное» настроение.

Ну, а дальше с записанным альбомом все было уже просто, ибо «Мелодия» знала, что прекрасно все продаст.

Фома:

– Уже потом мне сказали, что общий тираж нашего прошлого альбома перевалил за 5,5 миллионов, и все было вполне предсказуемо. К тому же в 88-м году уже замаячили серьезные перемены, и поэтому никаких проблем с худсоветом и тиражом у нас не было.

«Разлука ты, разлука!»

А что, спросите вы, за полных пять лет напряженной концертной и гастрольной работы никто из секретов не болел? Конечно же, случалось всякое, но должен заметить, что сцена – лучший доктор.

Однажды во Фрунзе (так в эпоху всеобщей справедливости назывался Бишкек) за полчаса до выхода на сцену у меня 38,8! Но делать-то нечего, народ уже в зале. Перед третьим звонком меряю температуру еще раз, а там 36,7. И так бывает практически со всеми!

Помню, как на гастролях по Краснодарскому краю Михаила Боярского с острым панкреатитом из города в город возили на «скорой помощи», сразу же клали в больницу, а к началу концерта он выходил на сцену, улыбался и отрабатывал полное отделение.

А потом – опять под капельницу.

Но, конечно же, возможны и ситуации, в которых без замены не обойтись. В англоязычной музыкальной терминологии даже есть специальный термин sideman, то есть – «сторонний человек».

Среди музыкантов, не слишком хорошо знающих английский, даже бродила шутка, что есть такой уникальный человек, мультиинструменталист Изя Сайдман, который в трудный момент приходит на помощь группам, где заболел, внезапно умер или запил тот или иной музыкант…

Но не все знают, что летом 1964 года перед началом гастрольного тура с острой фолликулярной ангиной и высокой температурой в больницу попал Ринго Старр, и группа «Битлз» была вынуждена воспользоваться услугами сайдмэна.

Харрисон предлагал отменить гастроли, но Брайан Эпстайн с арифмометром в руках прикинул, что это удовольствие будет для них слишком дорогим, и Джордж Мартин предложил на замену довольно милого и профессионального Джимми Никола. Он прекрасно отработал с битлами на концертах в Дании и Голландии, а в Австралии их уже догнал выздоровевший Ринго.

Уж не знаю, как у меня забылась эта история, но в прошлом году в Амстердаме я увидел огромный плакат, рекламирующий обзорный круиз по знаменитым городским каналам. На нем сиял слоган «Do it with the Beatles!», а на фото рядом с Ленноном, Маккартни и Харрисоном торчало совершенно незнакомое лицо… Тогда я даже испугался и подумал, что скоро вокруг забегают зеленые чертики… Но вспомнил про Джимми Никола и все обошлось!

Практически такая же история была и у «Секрета».

Когда на одну из репетиций перед сольным концертом в Ленинграде Забл пришел с лицом ярко-желтого цвета, всем сразу стало все понятно.

Вот так это было у «Битлз»…

– Гепатит, – мрачно заключил Натаныч и вызвал «скорую».

Ребята, конечно, попытались Андрея уговорить, мол, сольный концерт штука безумно важная, но тут уже перед дверью легла костьми его мама, Кира Владимировна, и я ее понимаю.

Слава Богу, что долго искать и готовить ему замену не понадобилось: уникальный Алик Еремин, гитарист оркестра

«Диапазон», за полгода совместных гастролей до мельчайшей ноты на слух между делом выучил все партии Забла! Он даже придумал новое соло в песне «Твой папа был прав», и Заблу пришлось это соло потом разучивать.

Макс:

– В музыкальном смысле тогда проблем не было, но, конечно, сам Забл по этому поводу сильно переживал. А я просто объявил со сцены, что он заболел, но ничего страшного, и всем передает огромный «Привет», который мы сразу же и спели. После этого концерта он потом, чтобы печень не отвалилась, полгода жил на строгой диете и щадящем режиме по физическим нагрузкам.

Натаныч:

– А нагрузки-то у них были ого-го! Не все цирковые так потеют, как мои тогда! У меня на каждого был комплект из шести белых рубашек, которые на каждом концерте они дважды меняли, а костюмерша их каждый вечер стирала и гладила… Знаешь, в связи с Забловой болезнью у нас такая история была… На первом концерте после его выздоровления сижу, смотрю, и вижу, что у Фомы нос делает какие-то странные движения – то в одну сторону, то в другую… После концерта захожу к ним и спрашиваю – в чем дело? А Фома говорит: «Натаныч, Забл сгнил…»

Дело в том, что ремни на всех гитарах были пластиковые, а у Андрея – из натуральной кожи, которая в себя впитывала все соки. И вот, когда «режим потения» Забла нарушился, его ремень вдруг резко дал хор-роший трупный запах! В общем, пришлось выбрасывать и заменять в пожарном порядке.

История «под замену», кстати, однажды случилась и с самим Фомой. Дело в том, что как-то вечером после концерта в Киеве они в очередной раз… подрались с Заблом. Повод? Да никакого! Просто начали сначала обниматься, потом толкаться… А потом Забл озверел и исполнил «маваши гери» правой ногой. И все бы хорошо, только блок Фоме не слишком удался… В общем, на следующее утро – перелет в Москву, и уже там выяснилось, что большой палец левой руки безнадежно сломан. И это у бас-гитариста! Больница, гипс… Но и тут подоспела уже привычная «Little Help From My Friends»!

… А вот так у «Секрета»!
Фома с рукой в гипсе, а где-то за кулисами – Жека Маргулис!

Маргулис с Автором на следующий день после этого концерта

Евгений Маргулис:

– У них тогда был второй концерт в Измайлове, в Зале тяжелой атлетики. А у моего «Шанхая» там база была. Вот, прихожу и вижу всю эту мишпуху с вытянутыми лицами: Фома руку сломал… А до концерта – час! Ну, я и говорю: хотите, я выйду? И вышел! Стою фронтменом с битловской гитарой «Хоффнер» в руках и наяриваю рок-н-роллы, а Фома там скачет себе с загипсованной рукой… Я вообще люблю такие неформальные выступления!

А самое смешное, что однажды бит-квартет «Секрет» выступал… без Макса! Случилось это в 1988 году, когда Натаныч был страшно занят созданием театра, и некоторые моменты в организации гастролей упускал, полагаясь на своего помощника с весьма обязывающим именем Александр Македонский.

И зря. Персонаж этот был слеплен из совершенно другого теста, мы к нему вернемся позже. В общем, при согласовании творческих планов случилась серьезная накладка: Македонский, заделывая гастрольный тур по Армении и Азербайджану, не согласовал его даты с Максом, а у того уже были назначены съемки в фильме «Биндюжник и Король». Отменить их или передвинуть было просто невозможно, так как под эти сроки уже подстроили свой график такие мэтры, как Джигарханян, Гердт, Карцев, Евстигнеев…

И вот сидят наши секреты в офисе, смотрит на них Папа своим усталым глазом и вопрошает:

– Ну и что делать будем? Справитесь?

Тут Забл переглядывается с Фомой, и в мозгу каждого пробегает сразу несколько мыслей: «Ведь это ж не только себе в карман, это всему театру доход, людям на зарплату… К тому же "незаменимых у нас нет", и чевой-то мы будем зависеть от этого Макса? Пусть он знает, что мы и "сами с усами", в крайнем случае можем и без него справиться!»

И оба синхронно поворачиваются к Натанычу и кивают:

– Конечно!

Концерты в Армении были отработаны в полном составе, а вот в Азербайджан пришлось ехать уже без Леонидова, который улетел в Одессу. Правда, секретовский клавишник Миша Паклин, о котором подробный рассказ будет позже, закрывал все музыкальные дырки, ну а с вокалом-то что делать? А предстояло четыре концерта, два в Баку и два в Ширване…

Забл:

– Мы с Фомой просто поделили пополам все максовы песни. Я пел и «Привет», и «Арину»… Знаешь, Сережа, я вот именно тогда понял, что такое быть солистом! Представляешь, моя гримуборная была завалена цветами на метр от пола! Больше никогда такого не было…

Забегая вперед, уже во вторую книгу, скажу вам, что именно эти концерты через два года вселили в ребят уверенность, что они смогут работать без основного фронтмена…

А вот Муру, как мы помним, заменяли только в самом начале – на съемках и на первых записях, но это уже к Министерству обороны, а на концертах замены ему не было!

Хотя бывали случаи, когда это казалось бы весьма неплохим выходом, ибо он… скажем так: перед концертом очень сильно уставал.

И вот однажды на сборном концерте в Москве на сцену его привели буквально под руки. Посадили и сказали: «Леша, все хорошо, только соло не играй, ладно?»

Он только мотнул по-лошадиному головой.

И начался «Мажорный рок-н-ролл»!

Подударной установкой внизу сцены сидели два барабанщика из дружественных групп, давали ему отмашку руками и для верности громко считали вслух: «Раз, два! Левой, правой!»

В конце первого куплета к нему подошел Забл и уточнил:

– Леша, соло не играй, я за тебя сыграю!

В ответ – снова утверждающий кивок.

Следующим был подбежавший Фома:

– Мура, так ты не играешь соло, понял?

Чело барабанщика снова качнулось вертикально и совершенно не в такт.

А к ответственному моменту забеспокоился уже Макс:

– Леха, соло не играть, ты не забыл?!

Вот тут перед бедным Муриком встала серьезная проблема – кивнуть головой, или мотнуть ею в стороны. Он задумался, и вдруг вспомнил: да в этом же месте у меня соло!!!

И с диким криком «Не-е-ет!» начал крушить свою установку так, что все барабаны посыпались в разные стороны…

Естественно, он был оштрафован на сумму, равную месячному окладу!

А что вы думали? Такие суровые были в «Секрете» законы…

«Песню подобрал на гитаре я…»

Забл, когда эта тема периодически возникает в наших разговорах, делает умное лицо и занудно вещает:

– Сережа, нот на свете всего семь, и оригинальных произведений нет вообще. Все написано под впечатлением каких-то других произведений, в тот или иной момент понравившихся музыканту!

Ну, в общем, я с этим согласен. Тут важно совесть иметь. Могу процитировать Александра Генслера, очень вкусного автора из компании друзей «Секрета»:

«Я от кого-то слышал как-то
Золотые слова,

Что плагиат – четыре такта.
Я украл только два!»

И вот на этом месте я бы остановился поговорить серьезно.

«А я уже все сочинил!»

Давайте послушаем и признаем, что «Я и ты» – просто компиляция из ранних песен битлов: Anna и That Boy, причем показательно, что эти песни еще не леннон-маккартниевского авторства. А вот «Алиса» впрямую навеяна уже творчеством хрестоматийного дуэта, причем в ней тоже использован конструктор, на этот раз из кубиков Michelle и Girl, и это только самые наглядные примеры.

Да и в «Она не понимает» тот же Билл Хейли не просто однажды переночевал, а всю ночь громко храпел, утром проснулся, умылся и токсидо почистил!

Допустимо? Ну, а почему нет-то, ведь публика 1/6 части суши, у которой в 50-е украли рок-н-ролл, хочет слышать именно эти ноты!

Забл честно рассказывает, что мелодийный ход песни «Снова навсегда» он взял у битлов, просто проиграв в обратном порядке знаменитую АП My Loving.

Альбом 1986 года тоже очень в этом смысле показателен,

причем в первую очередь песнями Майка Науменко, ведь свой «Мажорный рок-н-ролл» Майк впрямую позаимствовал у Билла Хейли, а «Буги-вуги» у Марка Болана, так «Секрет» просто добавил туда немного Луиса Прима, и никто даже не ойкнул!

Ну а что можно сказать о «Саре Барабу», в которой цитата из знаменитой на весь мир песни Эдит Пиаф длится едва ли не минуту?

Очень жалко, что в альбом не вошла заводная песня «Сегодня мы танцуем твист»[11], я ее очень люблю, но и ее корни – в двух битловских! Смыслово и ритмически это Rock'n'roll Music, а по мелодии и гармонии близка к малоизвестной Lonesome Tears in My Eyes.

Правда, и Саша Градский с «Южной прощальной» там тоже отметился…

У альбома «Ленинградское время», как мы уже недавно говорили, источников вдохновения значительно больше, и большинство из них намного современнее. Заглавная песня[12] очень похожа на Money for Nothing группы Dire Straits, «Домой!»[13] целиком навеяна Билли Джоэлом, впрочем, начало-то просто впрямую отсылает нас к Back in the USSR. «Лиза» по смыслу полностью повторяет опять же битловскую Lucy in the Sky with Diamonds, при этом гитарное соло явно позаимствовано у Роберта Фриппа. А вот «Мама» отдает дань Фредди Меркюри и мелодией, и смыслом, и манерой исполнения, и даже заглавием, и уж, давайте вспомним, что «Беспечный ездок»[14] само заглавие свое взял из культового голливудского фильма…

Ну что, поймал я секретов? Уличил? Прижал к стене? Да ничего подобного. Чего вы хотели в стране, где даже нынешний сопредседатель Российского Авторского Общества свой базовый капитал сделал на краденой мелодии? А ведь он нигде и никогда не заявлял, что «играет в Леонарда Коэна»…

Впрочем, наша эстрада привыкла к этому явлению еще в послевоенные годы, ведь советская реальность прямо-таки подталкивала композиторов к беззастенчивому заимствованию.

Помню, как в глубоком детстве я попал в дом к композитору Модесту Табачникову и, увидев огромный, похожий на древний саркофаг, ламповый «Грюндиг», видимо, еще довоенного производства, спросил:

– Дядя Моня, а что это?

– Ой, Сегежа… Это мой сундук с деньхами!

Тогда я не понял этого ответа, но потом, уже во взрослом состоянии, узнал, что аж до 60-х годов простым гражданам СССР иметь в домах коротковолновые приемники не разрешалось. Они стояли только у людей, обладавших особыми заслугами перед

страной, и, после написания знаменитой «Давай закурим» и лирико-патриотичного шлягера «Городу моря», композитор Табачников, конечно же, вошел в эту категорию.

Уж не знаю, кто привез ему «Грюндиг» в качестве трофея из военной Германии, но европейских и американских мелодий из этого сундука было изъято немало. Удивительно только то, что при этом изъятии все западные шлягеры моментально становились патриотичными советскими песнями!

Да и не один он такой был! Вот сегодня, когда тот железный занавес рухнул, и поле западной эстрадной музыки для нас открылось, пройдитесь внимательно по произведениям Дунаевского, братьев Покрасс, Блантера, да и всех других, имевших в доме подобный «сундук». Ой, как много интересного обнаружите!

Сам Вася Соловьев признавался, что его знаменитый дедушка свое депутатское ухо к коротковолновому приемничку нет-нет, да и прикладывал…

Сегодняшняя ситуация отличается только тем, что залезать в этот сундук нужно чуть поглубже. Ни в коем случае не стоит шарить в хит-парадах Штатов, Великобритании, Германии, Франции… Ведь есть же Австралия, Канада, Южная Африка, Израиль, в конце концов…

А «Секрет»… Они же изначально и заявили – играем в «Битлз»! Вот игра у нас такая, так что оно вам надо, чтоб непохоже было?

Было, конечно, похоже, но это всем и нравилось.

«Кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда…»

Непосредственное начало этой истории я, пожалуй, опущу.

Долго соображал, как бы его описать, чтобы и смешно было, и допустимо для печати, но так и не придумал… Давайте так: на группу была приобретена видеокамера Panasonic NV-M9, на тот момент предельно крутая и суперсовременная. Естественно, для ее покупки был выдуман самый что ни на есть объективный предлог: мол, нужно снимать собственные выступления, чтобы потом вместе отсматривать и проводить работу над ошибками.

Все бы это правильно, только… Знаменитый американский фельетонист Арт Бухвальд, который много лет вел авторскую колонку в International Herald Tribune, в конце 70-х написал: «Давайте признаемся хотя бы сами себе в том, что домашнее видео мы изобрели с единственной целью – смотреть по ночам порнуху!»

Ну, а почему только смотреть, если ради дружеского прикола можно… и самим… чего-нибудь замутить?

В общем, при вылете из Свердловска (ныне Екатеринбург) секреты сидят в накопителе и ждут посадки в самолет.

Кстати, хорошее слово «накопитель», правда? Официальный термин советского времени, между прочим. Так называлась зона в зданиях аэропортов, расположенная между паспортным контролем, совмещенным с пунктом личного досмотра, и выходом на летное поле или к специальному автобусу. Нередко там не было ни туалетов, ни достаточного количества кресел для сидения, ну а уж о количестве времени, в течение которого там беспричинно приходилось томиться, я и не говорю.

Мы обычно называли этот «накопитель» отстойником, что абсолютно точно выражало отношение аэрофлотовских властей к серой человеческой массе.

Ну и, значит, сидит народ в бессрочном ожидании, зевает, протирая сонные после бурной ночи глаза. Читать? Да вы с ума сошли… Нечем, нечем пока!

И тут Фома неожиданно оживляется и произносит:

– Ребцы, а у кого камера, а? Дайте позырить, чего мы там вчера наснимали!

Сопровождаемая нехорошими ухмылками, камера вылезает из чемодана и занимает удобное место на плече у Фомы. Напоминаю, что в те времена жидкокристаллического дисплея и в помине не было, так что все отснятое можно было увидеть только

в глазок.

И вот сидит артист Николай Фоменко, упершись в глазок видеокамеры, второй глаз, конечно же, закрыт, утробно и животно тыкает, довольный увиденным зрелищем… Как вдруг ощущает на своем плече тяжкую длань закона:

– Гражданин! Здесь режимный объект, снимать категорически запрещается! Давайте пройдемте!

Ага… Бдительные дежурные уже успели сообщить в службу режима, и сейчас над Фомой стоят два вертухая в военной форме и пограничных фуражках:

– Пройдемте, вам говорят! Сейчас посмотрим, что вы тут наснимали и зачем!

– Да я… – Фома хочет сказать, что он ничего не снимал, а только смотрел, как вдруг понимает, что это еще хуже. Какая там у нас статья за производство порнографии, сколько лет и на какой зоне?

Остальные это тоже прекрасно осознают: тюрьма грозит всем присутствующим, ибо никто вчера без дела не оставался, все после пьянки отметились – кто осветителем, кто оператором, кто режиссером… А кто и главным героем!

Мура:

– Серега, я раньше никогда не видел, чтобы Натаныч растерялся. Представляешь! НАТАНЫЧ РАСТЕРЯЛСЯ! Вот просто – стоит и молчит, глазами хлопает и совершенно не знает, что тут делать! Ведь это же полные кранты всем, и всему делу!.. И тут – Фома! Вот, уважаю, уважаю за это!

Пауза длится всего несколько секунд. Артист Николай Фоменко делает удивленные глаза и невозмутимо встает:

– Ой, тут нельзя снимать, да? Простите, я не заметил таблички. Конечно, жалко, но – что поделаешь, сам виноват, понимаю. Придется засветить, – открывает камеру и достает кассету, крутя ее в руках, – вот, смотрите. Вся съемка пропала…

Патруль профессиональных любителей Родины переглядывается, еще раз смотрит на кассету, потом опять на Фому, и произносит сакраментальное:

– Вот видите, гражданин, всегда нужно соблюдать. И больше тут нам не нарушайте, – козыряет Фоме и уходит восвояси (интересно, какие у них «свояси»?).

И тут самое главное в голос не заржать! Весь «Секрет», прикрыв ладонями рты, сдерживает безумный хохот, а сторонние пассажиры смотрят на Фому – кто с сочувствием, а кто и с подозрением…

Натаныч вытирает холодный пот со лба и пожимает Фоме

руку:

– Браво. Молодец. Уважаю.

Но только на этом история не закончилась. Прилетев в Москву и остановившись в ставшей уже родной гостинице «Космос», Забл, только войдя в номер, сразу перемотал кассету на начало, поставил камеру на подоконник и включил на «запись». И только после этих нехитрых манипуляций пошел на любимый «шведский стол», от греха подальше.

А через несколько дней в Ленинграде, когда весь «Секрет» собрался на какой-то общий праздник, в разговоре с другими женами Люда Фоменко посетовала:

– Я тут вчера хотела посмотреть, чего они наснимали, подключила камеру к телевизору, а там – на всю кассету «Рабочий и колхозница» из окна отеля. Дураки, что ли?

«Секреты» переглянулись, и Макс совершенно серьезно сказал:

– Людочка, мы просто хотели проверить, как при съемке меняется световой режим. Нам это для работы нужно.

Натаныч:

– Ну, это же легенда…Оставь, конечно, только для себя учти: не мог я растеряться. Такого просто быть не могло!

Вечерний Свердловск 14 декабря 1988 года

СЕКРЕТЫ «СЕКРЕТА»

Ленинградский бит-квартет «Секрет» ворвался на музыкальный Олимп подобно урагану. И сразу же занял там одно из ведущих мест. Хит-парады запестрели названиями песен «Привет», «Сара Бара-Бу», «Моя любовь на пятом этаже», «Алиса»... Огромную популярность «великолепной четверки» подтвердил и ее первый диск-гигант, разошедшийся миллионными тиражами. Сегодня М. Леонидов, Н. Фоменко, А. Заблудовский и А. Мурашов завершают свои трехдневные гастроли в Свердловске. Мы встретились с ними в перерыве между концертами и попросили ответить на несколько вопросов.

— Почему вы выбрали... во у нас в стране, но и за ру-

ла», посвященный известному американскому певцу Элвису Пресли.

— Ну а в личном творческом плане?

— Максим Леонидов приступает к участию в съемках фильма «Бриллиантовая рука» по рассказам И. Бабеля. Он утвержден на роль Бени Крика.

— Сейчас все большее распространение получает

А статья в свердловской газете могла быть и совсем другой…

Макс:

– И напиши там, что это была просто пьяная дурь, а то подумают, что мы и впрямь порнуху снимали…

Забл:

– И, между прочим, это не Макс сказал про световой режим, а я, что нам необходим длинный кадр для перебивок. Вот.

Эх, правду говорят эстрадные артисты: «Интересная у нас жизнь, а внукам рассказать нечего!»

«Все мы – простые актеры в театре Господа Бога»

Натаныч рассуждал просто: главное достоинство его детей в том, что они не столь музыканты, сколь актеры. Так что необходимо было что-то кардинально менять, ведь, сколько ни катайся с веселыми песенками по стране, в один прекрасный момент это кому-нибудь надоест: либо зрителям, либо команде. Да и представить, что кому-то из них после 30 лет захочется продолжать козликом прыгать по сцене, было совершенно невозможно.

Ну… и впрямь, с первого взгляда музыкантами не назовешь!

Помните, как умер исключительно удачный спектакль «Ах, эти звезды!» у Леонидова на курсе? Вот так и любое явление культуры умирает, ибо оно – живое. Странная мысль? Сейчас

объясню.

Бренность таланта любой «звезды» заключается в удивительном противоречии: чем активнее ты гастролируешь, зарабатывая деньги своим раскрученным именем, тем быстрее выветривается творчество из твоей работы. И самому тоскливо становится, и зрителю скучно.

Правда.

И ведь не ездить по гастролям глупо! Народ же не вечно будет тебя помнить и любить, так что – «куй железо, не отходя от кассы!» – любимый слоган эстрадных артистов, а особенно продюсеров. Стратегия в этом случае проста и выработана в «мире желтого дьявола» еще в 30-е годы прошлого века: нужно поймать фортуну за хвост и в течение нескольких лет «накосить бабла» столько, чтобы, вложив их в какой-нибудь бизнес, до самого своего заката не знать никаких забот.

Есть и еще один прием – концертные туры раз в несколько лет, а длительные паузы можно заполнять записью альбомов, некоммерческой деятельностью и активной личной жизнью, которая, попадая в таблоиды, поддерживает различные слухи об артисте.

(Вот тут, кстати, вспомнил совершенно идиотскую историю, как в «темные 90-е годы» один наш «желтый журнал» написал, что однажды в Лондоне Максиму Леонидову, то ли на руки, то ли в стакан напИсала какая-то из Spice Girls. Бред, правда? Но тогда про Макса написать было больше нечего, а ведь правду говорят: «кроме некролога – все реклама».)

Но это все было на Западе. А в условиях развитого до патологии социализма максимум, на что мог рассчитывать актер, это на персональную пенсию. Вот и моталась несчастная, постаревшая Рубина Калантарян по огромной стране, как девочка, в каждом городе ощущая все меньший и меньший к себе интерес.

А Сергей Александров это помнил и безумно не хотел стать свидетелем повторения этой истории или того хуже: увидеть, как обрюзгшие, спившиеся и подсевшие на иглу секреты, сойдя с ума от этого многолетнего безысходного «чеса», по одному исчезают в психбольнице, в ЛТП, на кладбище…

Макс:

– Мы тогда страшно бухали. Жутко. Измотаны были очень – из города в город, из города в город, и так уже несколько лет!

Забл:

– Чтоб не сойти с ума, мы придумали две деревни:

Писолысово, где мы с Максом жили, и Громозадово, с населением в виде Фомы и Муры. И две деревни между собой на гастролях воевали! Подушками из-за угла дрались, презервативами с водой бросались! Рабочих, доктора в эту игру вовлекли!

Мура:

– Чтобы нас развлечь, в театр даже специальных людей на работу брали! Вот во Владивостоке нашли Феликса… Ну, очень хороший добрый парень, только ничего не умел, ему даже специальную функцию придумали: на сцене провода распутывать. Такой и этого не мог! Однажды побежал, споткнулся, упал и затих… Чтоб, типа, внимание не отвлекать на себя! А мы ржем, остановиться не можем!

Гастроли по Дальнему Востоку. Второй справа – тот самый Феликс

Забл:

– Этот Феликс был морским офицером, ну, после какого-то гражданского вуза призвали. Ему нужно было служить двадцать пять лет, и чтоб его с флота списали, он специальную акцию там устроил: во время учений на торпедном аппарате нарисовал «пацифик»… Такой скандал был! Но своего он добился, из офицеров списали вчистую!

Фома:

– А однажды на гастролях мы достали какую-то «шмаль», заперлись все вместе в номере и начали курить. Сидим, хохочем! Аза дверями Натаныч орет: «Открывайте, сволочи! Что вы там

делаете, какую гадость в себя засаживаете! Дверь сломаю – всех убью!» Ну, мы ему открыли, он влетел, глазами водит, носом сопит, а сказать ничего не может – он же не знает, как дурь пахнет!

Макс:

– Представляешь, мы тогда включили телик, а там, прости Господи, «Пламя» про снегопад поет! Мура посмотрел и начал плакать: «Вот, артисты, вот песня! Нам с вами никогда такого уровня не достичь!»

Фома:

– А потом сели в машину, и с Максом вдруг истерика случилась: «Ай, страшно, ай, не могу ехать!» Ногами в торпеду уперся и глаза руками закрыл… Вот тогда мы поняли, что нам эту штуку вообще нельзя.

Так что палитра способов безболезненного снятия психологического напряжения и физической усталости постепенно иссякала. Стало понятно, что еще год в таком режиме люди просто не выдержат. И Папа решился.

Натаныч:

– Понимаешь, при любой незначительной проблеме они уже начинали друг друга всерьез ненавидеть. Устали жутко. Я пытался им расслабуху организовывать и ее же контролировал, как мог. Как ты думаешь, если я в штат театра взял гастрольного врача, это что-нибудь значит? Но сорваться это все могло в любой момент, и тогда я подумал, что наш театр может быть спасением.

А зрителям и в голову не приходит, как они устают!

А действительно, театр как юридическая форма хозяйствования это, конечно, хорошо, но если есть несколько классных артистов, почему не сделать нормальный спектакль, поработать над ним, удовлетворить все творческие амбиции… А петь песенки в концертах – просто для удовольствия и не в напряг!

Александров предложил группе делать настоящий спектакль, и тут же Фома начал активно бредить. Он предложил пьесу «Двор», в которой действуют четыре друга, выросшие вместе. По вечерам они собираются, выпивают, поют песни, а песни тут же оживают на сцене в виде клипов, причем клипов дорогих: с мотоциклами, самолетами, метро… Идеей этой он заразил всех, но Натаныч, взяв в руки арифмометр, покачал головой и сказал:

– Не потянем. Дорого. Для начала нужно что-нибудь попроще.

Макс:

– И тут Натаныч сделал ошибку! Он принес в театр пьесу «Король рок-н-ролла», ну, здесь и началось…

Да, все началось именно тогда.

Вернее, конечно же, не началось, а просто вырвалось из-под крышки кипящего котла, из-под спуда приличий, из-под святости мужской дружбы, начав занимать все пространство общения «Секрета», вытеснив совместные пьянки, праздники, творчество… Почему?

Забл:

– Я не знаю, Сереж. Я про это время тебе вообще ничего сказать не могу, мы тогда практически не общались, иногда даже не прощались друг с другом, выходя из самолета.

Вообще-то, до финала время еще есть, но кода уже прописана и явственно проступает сквозь страничку нотной записи. Ее нужно только перевернуть…

Вы спрашиваете, как это стало возможным? Стоп-стоп-стоп! Я же вам все объяснил еще в увертюре! А у битлов разве по-другому было? Джон и Пол в 1969-м практически прекратили разговаривать, а Джордж даже хлопнул дверью студии и ушел со словами, что «больше не может это видеть»…

Знаете, я сейчас дам слово одному из уже «отыгравших» героев, ведь «иногда они возвращаются!», помните?

Вася Соловьев:

– Есть такая квазинаука – соционика. Ее всерьез крутили в спецслужбах, отталкиваясь от типологии Карла Юнга. Фантастическая вещь, и если ей всерьез заняться, то все конфликты становятся понятны, а, следовательно, элементарно преодолеваются. И конфликт внутри «Секрета» мне теперь тоже совершенно понятен. Дело в том, что Макс оказался один против троих. Его социотип – «Максим Горький», для которого социотипы «Гекели» и «Габен», соответственно, Фома и Забл – прямые конфликтеры, а «Дон Кихот», то есть Мура, – контролер! Тут, правда, нужно учитывать, что для творческого процесса конфликтное существование на ограниченном отрезке времени даже идет в плюс! Но все равно я не понимаю, как они там друг друга не съели…

Ну, честно говоря, я тоже не понимаю, но похоже, что мы с Васей не понимаем это по-разному. Главное, что Васю Соловьева в этом смысле мне очень рекомендовал сам Макс, но дальше морочить никому голову всей этой джигурдой я не буду, кому интересно, могут сами заглянуть в «википедию»[15].

А потом – либо отважно въехать в эту тему на всю голову, как Вася и Макс, либо тупо забить, как я.

Но, несмотря на все соционические изыски, публика-то продолжала требовать «Секрет» в любом виде и в любом количестве, так что гастроли продолжались!

«Пол крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги!»

ТУ-154, ночь, пространство где-то над необъятной Родиной.

Несколько рядов в правом ряду самолета занимают музыканты группы «Секрет» и сопровождающие их лица. Ряд, конечно же, правый, ведь опытные гастролеры прекрасно знают, что при возвращении домой с внутренних гастролей самолет обычно летит на запад, а, следовательно, солнце утром будет вставать слева, чуть-чуть сзади. Это будет не скоро, но все-таки.

Сидящие рядом Николай Фоменко, Максим Леонидов и Андрей Заблу-довский читают. У них в руках три совершенно одинаковые книги: «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова. Дело в том, что ни в Москве, ни в Ленинграде эту супермодную книжку достать совершенно невозможно, а в глубинке перед гастролерами обычно открываются запасники всех книжных магазинов, и мудрые люди пополняют свою библиотеку именно таким образом.

За их спинами сидит Алексей Мурашов в сладкой дремоте, рядом с ним Юхан Прууль и штатный доктор «Секрета», дама по прозванию «Борис-Борис», с ударением на первый слог (эх, не было повода о ней поговорить, но именно она умела выводить из запоев, лечить от бессонницы, промывать желудки, снимать головную и мышечную боль, делать восстанавливающий массаж…).

Внезапно двигатель самолета несколько раз чихает и замолкает. Полет продолжается в абсолютной тишине, такой, что слышно поскрипывание пластмассовых деталей самолета, трущихся друг об друга и тракторный храп Натаныча с левого ряда.

Дремота улетает, Алексей беспокойно оглядывается по сторонам. Большинство пассажиров спит, не замечая сложившейся нештатной ситуации. Только трое его братьев по рок-н-роллу сидят и совершенно невозмутимо продолжают читать. Алексей в душе восхищается их железной волей и мужественным спокойствием, про себя говоря:

«Господи, да они же герои! Как я был к ним несправедлив… Вот если выживем, все в себе пересмотрю, а братьев своих… Да я их просто расцелую и на колени перед ними встану!», – затем стискивает зубы и принимает решение никакой паники не поднимать, а встретить все испытания судьбы с той же стойкостью, что и его братья…

Примерно через минуту мотор снова чихает и ровное спокойное гудение возвещает, что все опасности позади, полет продолжается в штатном режиме.

Алексей глубоко вздыхает, вытирает со лба пот и обращается к Борис-Борису:

– Слушай, а у тебя водочки с собой нет?

Докторша хлопает глазами и произносит:

– Нам не положено. У меня только спирт.

– Ну, давай, наливай спирт, раз уж так положено…

«Уфф… Долетели!»

А с переднего сидения слышится веселый голос Фомы, который обращается к Максу и Заблу:

– Слушайте, ребцы, а вы сейчас все одну и туже строчку

перечитывали, или это я один так обосрался?

«I Did it My Way!»

Собственно, будучи людьми не только творческими, но и взрослыми, они и сами пытались друг от друга отдыхать в сольных проектах, и никто не возражал, ибо так и «битлы» всегда делали: Джон снялся в фильме Ричарда Лестера «Как я выиграл войну», а Ринго блеснул в «Чудотворце», в дуэте с самим Питером Селлерсом.

Не только кинематограф, но и музыка была полем их сольной деятельности: концептуальные альбомы Леннона Two Virgins и Life with the Lions могут, конечно, считаться прогибом «под эту Йоко Оно», но совершенно очевидно, что при Харрисоне «такой ведьмы» не было, а ведь и Wonderwall Music, и Electronic Sound, и даже All Things Must Pass Джордж записал, пока битлы еще не рассыпались! То же самое можно сказать и про альбом McCartney, записанный Полом сольно, причем он сам играл сразу на всех инструментах.

На этих работах, кстати, стоит остановиться.

Если Маккартни на своем первом сольном альбоме откровенно экспериментировал, считая, что под вывеской The Beatles можно выставлять только проверенные работы, то тройной (!) альбом Харрисона был, конечно же, откровенной демонстрацией того, что его творческий потенциал в композиции и вокале был трагически недооценен остальными битлами. Подтверждением этому служат абсолютные хиты My Sweet Lord и What Is Life, несколько недель висевшие в хит-парадах по обе стороны Атлантического океана.

Ну и что мешало Заблу сделать такую же работу, если он считал, что его песни зажимают? А что мешало Муре по примеру Ринго сняться в кино? Их имена ведь уже были на слуху во всех издательствах и киностудиях, я уж не говорю о телевидении и радио. Неужели был в СССР музыкант, способный отказать Андрею Заблудовскому в помощи на его сольном альбоме, или режиссер, забраковавший бы Муру, изъявившего желание реализовать себя в кино? Не верю.

Уже потом, когда все рухнуло, я сам был свидетелем того, как Юрий Кара предложил Заблу сделать пробу на роль Иешуа в будущем «Мастере и Маргарите». Но тогда их активность была нулевой.

А ведь еще пять лет назад все было по-другому, ведь это не Макс первым в «Секрете» решился на «сольник»! В 1984 году именно Забл и Мура, как мы уже знаем, записали альбом «Нервная ночь» с Костей Кинчевым, и это понятно, ведь пока Макс

и Фома ходили строем, у них оставалось довольно много свободного времени…

Но и Макс записал самостоятельную пластинку довольно скоро. Сейчас он не любит вспоминать эту работу, но некий композитор Яков Дубравин таким клещом впился в белое максово тело, что отказать ему было никак нельзя, и миньон под названием «Признание» появился на мелодийных прилавках почти одновременно с гигантом «Секрета».

А потом был фильм «Биндюжник и Король», хоть и тоже не слишком удачный, но изрядно нашумевший своим звездным составом. Могли Коля Фоменко стерпеть это вопиющее безобразие? Да нет, конечно! И вот, в 1989 году, на сцене «Театра на Литейном», появляется спектакль «Собачье сердце» по знаменитой повести Михаила Булгакова, где Фома исполняет роль Полиграфа Полиграфовича Шарикова. И хоть тоже не прорыв, но хорошая, профессиональная, коммерчески успешная работа

Знаете, несмотря на уже весьма тугие отношения, все приличия и ритуалы были соблюдены, и каждый из друзей получал приглашение на премьеру как Максова фильма, так и Колиного спектакля. Здесь и ревности-то почти никакой не было, наоборот, все радовались успеху товарища, достигнутому в свободное от основной работы время…

Фома:

– Начнем с того, что ревность таки была. Более того, мне фактически поставили условие, чтобы я с этим спектаклем поскорее закончил, потому что из-за него «Секрет» не может выстроить гастрольный график. И я это сделал! Представляешь? Предал большой коллектив, своего учителя… Потому что понимал, что наше общее дело важнее личных успехов…

Так почему же вышло так, что именно работа над ролью Элвиса Пресли, с которой семью годами раньше еще в дипломном спектакле ЛГИТ-МиКа начинался профессиональный артист Максим Леонидов, окончательно разорвала все творческие и дружеские связи? Давайте попробуем разобраться в этом, но… учтите, прошло почти тридцать лет. Каждый из участников той истории все это время разговаривал сам с собой, моделировал, искал виноватых… Думаю, что, услышав все версии, каждый должен сделать вывод самостоятельно.

«Все могут Короли!»

Макс:

– Все началось гораздо раньше. В определенный момент я оказался в изоляции, мои ближайшие друзья перестали меня удовлетворять и в человеческом, и в творческом качестве. Я долго пытался им объяснить: команда выросла из коротких штанишек, хватит клоунады, паясничания. Вы уже не щенки, а взрослые псы, пора менять поведение, взрослеть, выходить на новый уровень… Они же меня этим загнобили, так как перестраиваться не хотели, и если говорят другое, то лукавят. Фома был главный противник – он, по сути, клоун, и по-другому просто не умел. А меня это «валяние дурака» стало все больше раздражать. Я же профи, а они не растут и ржут над этим. Я начал настаивать, а потом Натаныч принес пьесу про Элвиса, и этот спектакль стал последним гвоздем в мою крышку гроба!

Натаныч:

– Я же ведь не просто эту пьесу взял и принес! Я как-то зашел по делам в Главное управление культуры и случайно увидел на столе начальника отдела эту пьесу, «Король рок-н-ролла». Что это, спрашиваю, а это, отвечают, про Элвиса Пресли, один наш режиссер-эмигрант прислал из Германии с просьбой пристроить куда-нибудь. Ну, я ее просто тихо вынес оттуда, показал Максу, хочешь, спрашиваю… Он полистал и говорит – давай! Я ее так же тихо принес обратно и попросил уже официально. Встретились, сели, почитали, и все ребята говорят – можно попробовать!

Правда, я думаю, что все было не совсем так, и Натанычем «сыграли втемную». Он с этим не согласен, но я готов мотивировать!

Вот скажите мне, в какой Ленинградский театр тогда можно было пристроить эту пьесу? Совершенно понятно, что единственное место – только что открытый рок театр-студия «Секрет», на который уже смотрели косо в связи с отсутствием драматического репертуара. Полагаю, что ему этот материал специально подложили. А он сразу понял, что это именно то, что всем нужно, только в команде могут начаться проблемы, и поэтому решил сначала заручиться неофициальным согласием.

Макс:

– А как иначе-то? Они же не могли ничего возразить открыто, ведь есть наш братский кодекс поведения! А внутри у каждого, конечно, пошло раздражение тем, что весь спектакль строится

под одного меня!

Я:

– А что, у тебя бы раздражение не пошло? Ты уверен, что смог бы держать себя в рамках приличий, если бы первый спектакль был ориентирован на Фому?

Макс:

– Не знаю. Не уверен. Вполне возможно, что и у меня пошли бы эти заскоки. Ревность к большим ролям в актерской среде даже сильнее развита, чем зависть к успеху.

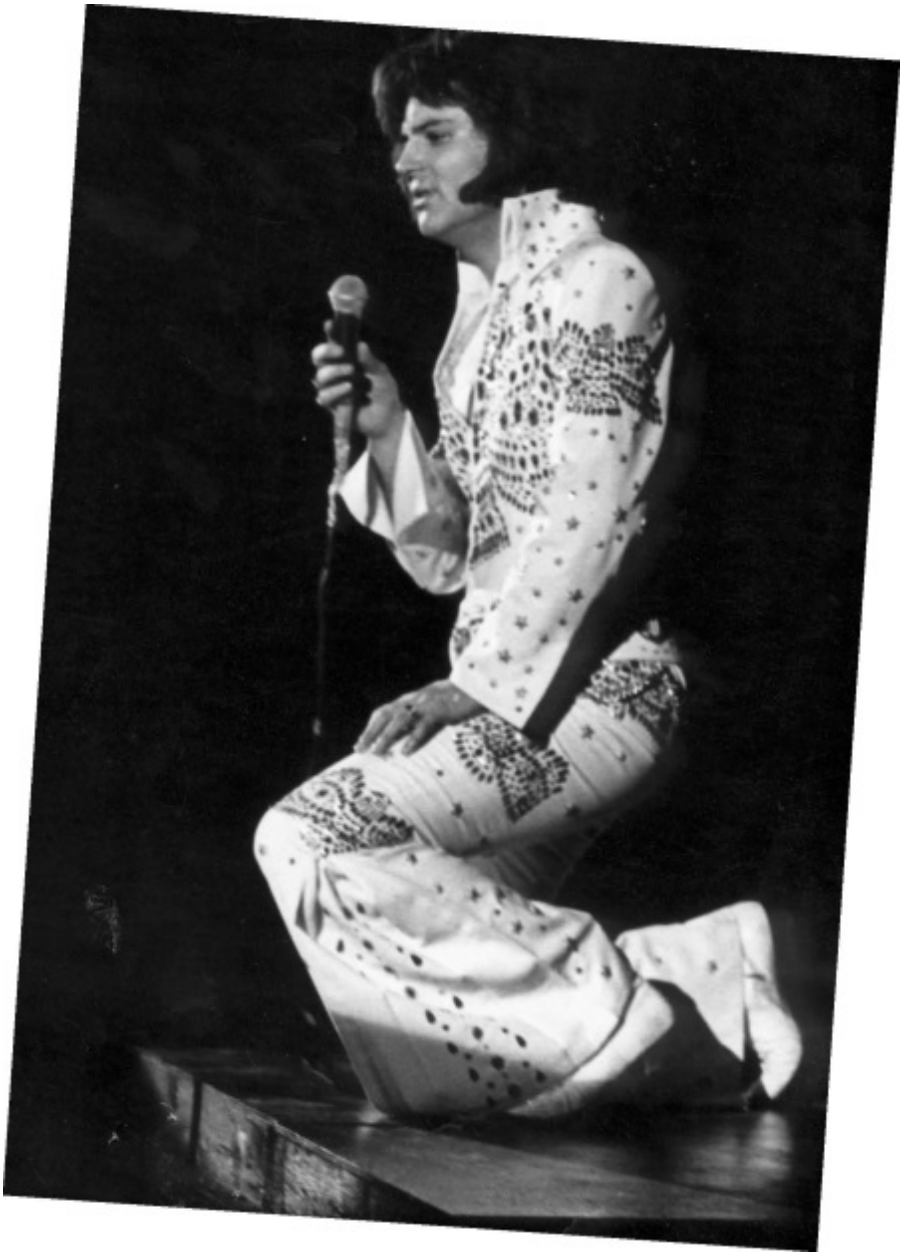
Натаныч:

– И, между прочим, в ближайших репертуарных планах театра была постановка пьесы Стивена Полякова «Любимец публики», принесенная Фомой, да и Забл принес на себя пьесу «Смерть Ван Халена». Так что я видел, что обстановка сильно напрягается, и буквально умолял всех потерпеть ровно пятьдесят спектаклей, на которые подписан договор, а дальше начинаем работать на остальных.

Забл:

– Какая «Смерть Ван Халена»? Старый склеротик этот Натаныч. Я тогда уже начал вместе с Майком Науменко писать пьесу про Марка Волана.

«Король рок-н-ролла» мог стать первым спектаклем театра «Секрет»…



…а стал последним!

Мы продумали все сюжетные линии, подобрали саундтрек… А Майк взял да и умер.

Фома:

– Вранье это все. Я же видел по их настроению, что никакого «следующего спектакля» не будет. Они могли говорить что угодно, но никакой работы в этом направлении не велось. И

вообще, при чем здесь «Любимец публики»? Я хотел ставить «Двор», это бы нас спасло и подняло.

Мура:

– А у меня никакой ревности не было! Наоборот, я в роли телохранителя Элвиса между своими выходами сидел довольный за кулисами, выпивал, а все остальные мне завидовали! Роли у остальных «секретов» были тоже «не ахти». Забл произносил несколько реплик в роли администратора Пресли, а Фома хоть и играл близкого ему по духу Эда Салливана, но объемом роли доволен категорически не был. И тут не работал даже знаменитый афоризм Щепкина «Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры».

Фома:

– «Быть знаменитым некрасиво, не это подымает ввысь…» Нас обоих в институте учили именно этому, а тут у Макса случился какой-то переклин, и он об этом забыл! «Звездочка» накрыла. Ты же знаешь, у артистов только две болезни – «белочка» или «звездочка». Иногда вместе или по очереди! Все остальное лечится анальгином.

Натаныч:

– Но в основном тут виноват Фома. Они Макса просто затравили, когда «Элвис» начался. Дразнили его, игнорировали… Может, они думали, что так его вылечат?

Макс:

– Знаешь, я ведь всю свою жизнь посвятил тому, чтобы делать только то, что доставляет удовольствие. И вдруг я начинаю чувствовать, что перестал это удовольствие получать! Ну и зачем мне это надо? Фома репетировал так, что просто руки опускались. А иногда, вообще, на репетиции не приходил. Ну, разве можно так?

Я:

– А что, там у всех с тобой «пенисометрия» началась? И у Забла с Мурой тоже?

Макс:

– Пожалуй, да. Только они тогда со мной Фомою мерялись! И висели при нем, как два неотъемлемых элемента.

Мура:

– А я вот прямо такой страшной атмосферы не помню! Мы же тогда, летом 1989-го, выступали на юбилее у «Машины Времени», причем Фома и Макс так лихо и быстро написали поздравительные частушки! Прекрасно они могли и общаться, и работать, и творить вместе!

Согласен с Мурой. Я прекрасно помню это выступление, эти частушки, ведь мы тогда впервые стояли все вместе на одной сцене: «Машина» в разных составах, «Секрет», Градский, Романов, Крис, Майк, и мы с тогдашним «Фэн о'Мэном». Честно говоря, никакой напряженной атмосферы в «Секрете» я не почувствовал, но, может быть, поэтому они и считаются хорошими артистами?

Суета на юбилее у «Машины Времени». Забл, Макар, а сзади Авто

А сегодня вся эта история вызывает у меня не жалость, не сочувствие, а весьма философские мысли. Произошло неизбежное, когда два абсолютно равнозначных лидера вдруг понимают, что одного из них назначили Первым, а другого Вторым. При этом Первый всегда воспринимает ситуацию как должную, а Второй с этим смириться никак не может. Если бы мог, то он просто бы не был Лидером. Что об этом говорит соционика, мы уже знаем, но теория Льва Гумилева о «пассионарных и субпассионарных личностях» в данном контексте мне кажется более интересной.

Особенно это обострялось тем, что люди устали, в том числе

и друг от друга.

Правда, я до сих пор продолжаю считать, что Сергей Александров здесь допустил свой главный, если не единственный, промах. Выбрав другую пьесу и по-другому построив работу в этот тяжелый период, он мог бы и спасти группу.

Вот такая была дружба…

Натаныч:

– А вот нет! Если б не я, они еще раньше бы рассыпались! Знаешь, а я уверен, что история со спектаклем была просто «до кучи». Макс ведь очень внушаемый, как большинство талантливых людей. Думаю, что ко всему этому добавилось и очень серьезное давление со стороны его мамы и жены. Ах, да, еще Леня Ноткин… Тема Израиля явно пришла оттуда.

Забл:

– Я очень хорошо помню эти жуткие гастроли перед тем, как Макс взял и объявил о том, что из группы он уходит. Это был какой-то Волхов, жуткая гостиница, жуткий зал, где пахло портвейном и говном… Уж не знаю, где Натаныч эту поездку выкопал, но кошмар был полный. Представляешь, это для нас, уже привыкших к люксовым номерам, машине с персональным водителем… И тут появляется Ира Селезнева, вся в мехах.

Прямого текста не было, но все ее поведение, все интонации были такие, что, мол, Макс, ты же «ЗВЕЗДА», как ты можешь терпеть, что тебя по таким гадюшникам гоняют…

Фома:

– К этой теме нужно одну поправочку сделать. Когда мы говорим о звездной болезни, о славе и о прочих вещах, сопутствующих творчеству, тут возникает один безумно сложный момент. Находясь внутри этого всего, мы видим гораздо больше нюансов и понимаем, какой из них важнее того, что зрителю, даже искушенному, кажется основным. Это как разговор двух профессиональных биатлонистов, членов сборных своих стран, о температуре снега и силе бокового ветра, который будет совершенно непонятен человеку со стороны.

Макс:

– Знаешь, я сейчас даже готов согласиться с тем, что возомнил тогда себя «звездой», что решил покорять Европу и Америку, что не видел ребят в качестве адекватной поддержки мне в этом деле… Но если бы в команде была нормальная атмосфера, я бы никогда никуда не ушел! Просто наша дружба не дала бы мне этого сделать. А так, смотрю, а дружбы-то больше и нет…

Итак, 29 ноября 1989 года Максим Леонидов звонит Александрову и просит собрать весь коллектив на серьезный разговор.

На следующий день все собираются в кабинете директора, и Максим безо всяких вступлений произносит уже ставшую знаменитой фразу:

– Должен всем сообщить, что я принял решение уйти из группы, и обсуждению это не подлежит!

После этой фразы повисает долгая пауза, которую нарушает Александров, как настоящий Папа, пытающийся вразумить своих детей. Звучит долгий монолог, в основе которого лежит древняя притча о прутиках, которые довольно легко сломать поодиночке, а в толстом венике – никогда.

Но решение Леонидова является абсолютно взвешенным и твердым. Никого «пугать» Макс не собирался.

Натаныч:

– Представляешь, какая мне подстава? У нас контракт на пятьдесят спектаклей, гастроли еще заделаны… А тут такое! Ну, мы договорились, что все заделанное доиграем, ведь там даже еще Швейцария у нас была, но атмосфера в команде стала все

больше накаляться, еще и слухи пошли… А на одном из концертов Максу из зала крикнули, что он «предатель и жидовская морда». Если я перед этим еще надеялся, что все можно склеить, то здесь уже стало все ясно. А через некоторое время эти три красавца просто отказались выходить в своих ролях на спектакле «Король рок-н-ролла», и все уже совсем закончилось. В общем, «недолго музыка играла, недолго фраер танцевал».

Впрочем, этот «фраер» танцевал хоть и недолго, но по-секретовски весело. Лебединая песня бит-квартета «Секрет» золотого периода прозвучала довольно громко и убедительно. 26 спектаклей рок-театр-студии «Секрет» по пьесе «Король рок-н-ролла» прошли с полным аншлагом и в Ленинграде, и в Москве.

«BACK in the USSR»

Короткометражный художественный фильм.

Автор – Жизнь.
В главных ролях:
Сергей Александров – Натаныч
Михаил Паклин – Миша
Максим Леонидов – Макс
Николай Фоменко – Фома
Андрей Заблудовский – Забл
Алексей Мурашов – Мура
Леонид Ноткин – Леня
В эпизодах – артисты и сотрудники театра-студии «Секрет», водитель, переводчики, швейцарские полицейские, пассажиры.

Эпизод 1

В кадре танцевальный зал одной из дискотек Цюриха, публика аплодирует, звучат финальные аккорды заводного рок-н-ролла.

Камера пролетает над головами зрителей, и мы видим финальный поклон музыкантов, их веселые дружественные улыбки, объятия, поклоны, а затем идем вслед за ними в раздевалку.

И тут выражения лиц музыкантов кардинально меняются: во время этих двухнедельных гастролей вне сцены они даже не разговаривали друг с другом, так сильно напряжены между ними отношения.

Макс стоит к бывшим друзьям спиной и переодевается.

ФОМА: Ой, а кто это здесь?

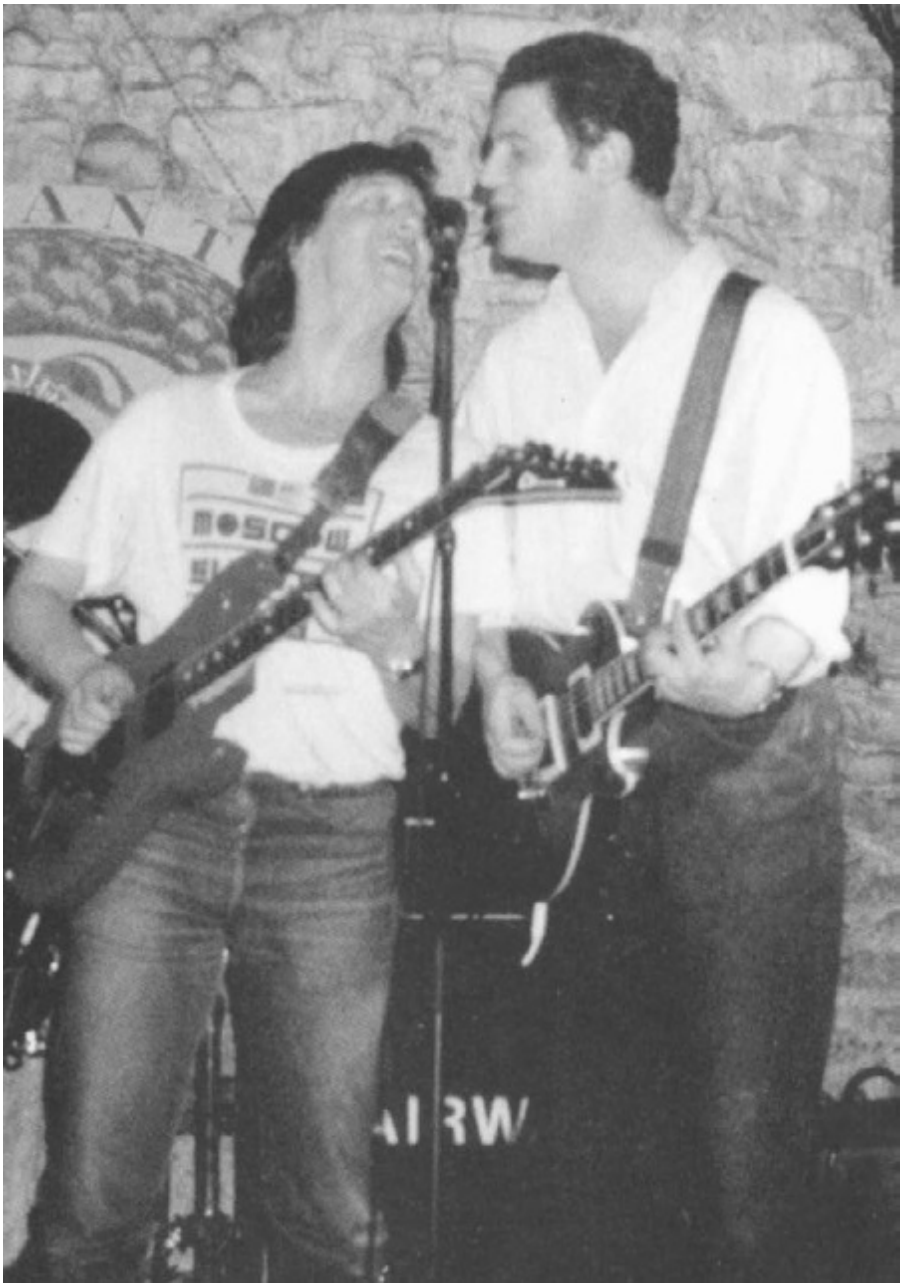
ЗАБЛ: Ты что, не узнаешь? Это же Элвис Пресли! МУРА: Сам? Да не может быть!

Макс делает вид, что не замечает их нарочито издевательских разговоров. Затем, не прощаясь, выходит с гитарой и сумкой на улицу. Клавишник Миша провожает его взглядом:

МИША: Всего хорошего, Максим!

Максим не отвечает на прощание, видимо, он его просто не слышит, а все остальные музыканты смотрят на Мишу с таким

укором и раздражением, что он прячет голову в плечи, что-то бормочет себе под нос и тихо выходит из раздевалки, прихватив свой музыкальный инструмент и гастрольный рюкзак.



Зритель и не подозревает, что они сейчас чувствуют…

Эпизод 2

По вечерним улочкам Цюриха движется комфортабельный

автобус, выворачивает на шоссе и едет в направлении аэропорта Клотен.

Камера сопровождает движение, потом влетает в окно, и мы видим, что салон заполнен артистами и сотрудниками театра «Секрет».

Камера панорамирует по лицам, и мы видим, что общее настроение в салоне, прямо скажем, невеселое: кто-то дремлет, стараясь не думать о будущем, чье-то лицо, наоборот, озабочено. Обычно такая атмосфера бывает в автобусе, едущем с кладбища. Мура спит, Фома читает, Забл смотрит по сторонам, Макс ведет ленивую беседу с Леней.

А вот Натаныч злой, как собака, он просто не понимает, как и с кем вести дела дальше. Да и какие тут могут быть дела, когда только что окончилось последнее совместное выступление бит-квартета «Секрет»!

В следующем ряду за Мурой и Заблом сидит клавишник Миша, озабоченно глядя в ту сторону, где сидит Натаныч, объятый тяжкими думами.

Кто-то из сидящих в автобусе обращается к Натанычу с вопросом, тот раздраженно отвечает. В этот момент и Миша решает, что можно сделать то же самое:

МИША: Сергей Натанович, а скажите, когда мы получим свои деньги за поездку?

Крупным планом лицо Натаныча, на котором за несколько секунд пробегает полная гамма цветов и выражений. Сначала он вообще не понимает вопроса, потом вдруг осознает, что какой-то сопляк, который без году неделя в коллективе и не знает, что деньги независимо ни от чего всем всегда выплачиваются в срок, в этот страшный момент имеет глупость или наглость выпячивать свои мелочные меркантильные интересы над глобальной бедой…

В автобусе раздается его могучий рык:

НАТАНЫЧ: Что-о-о? Кто это спрашивает? Тебе, дурак плюшевый, денег вообще не полагается! Тоже мне, Билли Престон, хренов! Исчезни, и сделай так, чтоб я тебя больше не видел! По крайней мере, до Ленинграда, а уж там я тебе покажу

деньги!

Во время этой тирады Миша как бы становится меньше и прячется между сидениями, а Натаныч, закончив показательную порку «салаги», обратно погружается в свои невеселые мысли.

Так же, как и все остальные пассажиры автобуса, которых этот спектакль немного развлек, но траурное настроение не развеял.

Камера панорамирует в окно, где мы видим приближающееся здание Цюрихского аэропорта Клотен.

Эпизод 3

В следующем кадре мы видим всю группу, собравшуюся вокруг своих чемоданов в центре Зала Вылетов, как это принято у всех советских людей.

Пассажиры вокруг одеты в обычные плащи и пиджаки, а наша группа довольно нелепо выглядит в вытащенных из чемоданов теплых пальто и ушанках: в Ленинграде суровая зима, на календаре 21 января.

Натаныч бегает вокруг и бесится:

НАТАНЫЧ: Где этот хренов Миша?

Никто не знает. Поиски продолжаются несколько минут. В общей суете в кадр входит пара. Это швейцарский водитель и переводчик.

ПЕРЕВОДЧИК: Герр Александрофф, мне неприятно это говорить, но похоже, что у вас есть проблемы.

Натаныч переводит выпученный взгляд на говорящего.

ПЕРЕВОДЧИК: Водитель сказал мне, что мальчик, которого все ищут, десять минут назад спрашивал у него, где здесь отделение полиции.

Немая сцена. Все не первый год живут на свете и знают, что может означать, когда перед отлетом один из членов делегации начинает выяснять, где находится отделение полиции.

Внезапно на балконе появляется группа полицейских с автоматами и ненавязчиво начинает следить за нашей группой.

Натаныч и секреты переглядываются, Натаныч сплевывает на пол, грубо матерится и говорит переводчику:

НАТАНЫЧ: Ну, веди меня к нему.

Эпизод 4.

Отделение полиции. Друг напротив друга на достаточном расстоянии сидят Натаныч и Миша. За спиной у каждого полицейские.

НАТАНЫЧ: Мишенька, друг ты мой дорогой, я ж не хотел тебя обидеть, ты просто не понял, что мы все очень раздражены, но, упаси Бог, не на тебя, ты гениальный клавишник, у нас тут просто ситуация очень тяжелая сложилась, а? Прекрати ты свои глупости, скажи им, что погорячился, и пойдем скорее ко всем, тебя ребята ждут!

Миша молча сидит, красный как рак, смотрит в одну точку и ничего не отвечает.

НАТАНЫЧ: Послушай, время идет! Тебе ничего плохого за эту глупость не будет, никто никому ничего не скажет, я ж понимаю, что просто сильно тебя напугал, а? А вот если ты здесь и впрямь останешься, то тебе наши такое устроят!..

Миша съеживается от интонации Натаныча, а полицейские обеспокоенно делают шаг вперед.

НАТАНЫЧ: Хорошо, хорошо, малыш, давай так: у меня здесь полно знакомых. Давай сейчас пойдем в самолет, и я тебе гарантирую, что через месяц тебе отсюда придет приглашение, ты приедешь и останешься, как и хотел, только спокойно, продуманно и без неприятностей для всех твоих друзей. Ты же знаешь, мое слово – как кремень! А?

Миша вскакивает, закрывает лицо руками и убегает за дверь.

Крупно растерянное лицо Натаныча, камера отъезжает, он понуро встает и идет по направлению к другой двери.

Эпизод 5

Снова зал вылета. Фома, Забл и Мура стоят около своих сумок, и провожают глазами подходящего к общей группе Натаныча, который на них даже не смотрит.

Макс и Леня стоят поодаль, спокойно продолжая свой разговор.

НАТАНЫЧ: Все. Концерт окончен. Собираемся, идем на паспортный контроль. И это… кто-нибудь, у кого руки свободные, возьмите его синтезатор.

Обуреваемый искренним человеколюбием, Мура смотрит на друзей, а потом обращается к Натанычу.

МУРА: Слушайте, а может, инструмент лучше Мишке как-нибудь передать… Как он тут без клавиш-то своих будет?

Концерт в Цюрихе.
Последнее совместное фото эпохи Игры в «Битлз»

НАТАНЫЧ: Щас! Заботливый ты мой! Вот, сейчас прямо, разбежимся и передадим! Сволочь он такая…

ЗАБЛ: Ну, вот, похоже, что с этого момента акценты немного сместились, и самой важной наша проблема осталась только для

нас троих…

ФОМА: Да брось ты, Забл, все нормально будет, это я тебе говорю!

Вся гастрольная делегация вяло собирается, поднимает багаж и направляется в сторону паспортного контроля.

Длинный финальный план: камера отъезжает от медленно переступающих ног Фомы, Забла и Муры, идущих последними, и провожает удаляющуюся группу. Из под потолка звучит голос диспетчера, на плохом русском языке произносящий:

– Внимание товаришчи! Пассажирен, вилетаюшчие рейсом нумер 4683 в Ленинград могут направляться на посадку. Ахтунг, ахтунг, даммен ундхеррен…

«Вот и весь секрет…»

В Ленинграде промозглый февраль 1990-го.

Мы с Заблом и Мурой идем по Васильевскому острову, направляясь в гости к нашим общим друзьям Гале и Васе Скигиным. Галя – прекрасная джазовая певица, Вася – звукорежиссер. Через пару лет оба уедут в Штаты, и Вася найдет свое новое призвание, работая на стройке прорабом.

По дороге Забл сбивчиво рассказывает мне всю последнюю ситуацию с «Секретом», об уходе Макса, о последних гастролях. Мура его постоянно перебивает и вставляет подробности.

Я наблюдаю за ними: Забл растерянно серьезен, а Мура балагурит, хлопает глазами и ушами, но заметно, что он тоже сильно озадачен, и «легковесничает» только для того, чтобы поддержать друга.

Фомы с нами нет. Он где-то крутится по своим делам, видимо, ищет выход из неожиданного тупика.

В рассказах и настроении Забла и Муры сквозной темой проходит образ предательства, которое им так трудно пережить и осознать.

Я не знаю, что нужно говорить в таких случаях, но прекрасно понимаю, что не в предательстве дело, ведь я сам еще недавно сподобил Валеру Сюткина уйти из процветающей группы «Зодчие» и создать новую команду. Просто форма, в которой долгое время существует коллектив музыкантов, в один прекрасный день кому-то из них становится тесной и неудобной.

Я иду, слушаю подробности швейцарских гастролей, о ситуации с деньгами, сложившейся в театре «Секрет», и понимаю, что я должен сказать своим друзьям что-то такое, что вызовет у них не жалость к самим себе, а подтолкнет к активным действиям. И нахожу достаточно наивный, но звучный тезис:

– Слушайте, а посмотрите на ситуацию с другой стороны! Вы же с Максом близкие друзья и знаете друг друга, как родные… Если он, вот так резко, решил вас оставить, значит, он верит в вас, доверяет! Он знает, что вы не пропадете, а прекрасно сами справитесь!

Первым на эту тираду реагирует Мура:

– Ты смотри, Забл, а может, Миров-то и прав!

Забл на ходу бросает бычок прямо в черную воду Невы и скептически качает головой:

– Ну-ну…

Натаныч:

– Стоп, стоп… Я вот не понимаю, почему так мало позитива в твоей книге? «Секрет» же – особенная команда! Мы же в те годы столько уникальных рекордов установили и дружили… по-настоящему! Как-то мрачновато у тебя…

Мура:

– А мне все нравится!

Забл:

– Нормально все. Только ты там ко всем с пиететом, а ко мне – запанибрата. Нехорошо. Люди могут не понять, что просто у тебя со мной наиболее давняя дружба.

Фома:

– Ну… Я не знаю. А чего там добавить-то? Как мы однажды за Натаныча в драку с какими-то бандитами полезли? Ну, было, было. И он за нас впрягался, как за родных. Ты пойми, вот то, что ты сейчас пишешь, его возвращает в молодость, в самые лучшие годы!

Макс:

– А я тут с Натанычем согласен. К тому же, ты не раскрыл заявленную самим же тобой тему: почему эта группа до сих пор выступает вместе!

Я:

– Люди, это ж только первый том! Ваш самый главный рекорд, главный позитив и главный секрет в том, что мальчишки, собравшиеся в 1983 году под названием «Секрет», сегодня, спустя 33 года, регулярно выступают в первоначальном составе! Этой истории в «Книгу рекордов Гиннеса» пора. Все, чего вам не хватает, будет во втором томе, я его уже пишу, даже название есть – «Игра в "Секрет"»!

Кода

Несколько лет назад я, как бы в шутку предлагал перед Министерством культуры поставить Памятник Неизвестному Артисту. Как еще можно отблагодарить тех, чья фамилия не украшает афиши, чьи портреты не висят над кроватями впечатлительных школьниц, чьи дети говорят о профессии своих отцов без особой гордости…

Сегодня советское слово «спасибо», из которого давно испарилось изначальное «Спаси тебя Бог!», превратилось в рефлекторное междометие, многими из нас экономично опускаемое. Но вот, например, Мура говорил мне «спасибо» после каждой нашей беседы, книга еще не была написана, он даже не знал, как я все в ней поверну, а «спасибо» говорил!

Пользуясь хорошим примером старого товарища, и я хочу поблагодарить всех, имевших отношение к этой книге. В первую очередь, конечно, маму, которая успела застать начало этой работы, и жену, придирчивую первую слушательницу каждой главы. Ну и, конечно, благодарю всех, потративших свое время на разговоры со мной, иногда «вживую», иногда по телефону, частенько по скайпу!

Несколько любимых и уважаемых людей к моменту написания книги уже «присоединились к большинству», но я позволил себе использовать здесь фрагменты наших давних бесед, уж очень точно они попали. Светлая вам память и благодарность, Никита Владимирович Богословский, Кирилл Юрьевич Лавров, Михаил Александрович Ульянов, Георгий Арамович Гаранян и Максим Владимирович Капитановский.

А дальше – спасибо (в порядке появления на страницах) Андрею Макаревичу, Дмитрию Гинзбургу, Алексею Либову, Дмитрию Рубину, Михаилу Боярскому, Александру Калинину, Владимиру Рацкевичу, Бари Алибасову, Игорю Гудкову, Валерию Сюткину, Сергею Попову, Александру Кутикову, Евгению Олешеву, Василию Соловьеву, Борису Деденеву, Алексею Романову, Леониду Гуткину, Матвею Аничкину, Владимиру Конторову, Александру Драчеву, Юрию Николаеву, Марте Могилевской, Евгению Маргулису.

Особая благодарность, конечно, Натанычу, который подошел к процессу настолько серьезно, что даже сам начал искать разные документы. А ведь были и люди, для которых давно закончилась если не сама история «Секрета», но уж их в ней участие точно! И они тоже со мной терпеливо разговаривали, отвечали на не очень приятные вопросы, искали и пересылали фотографии. И вам

спасибо, уважаемые!

И отдельное спасибо всем фотографам, чьи кадры украшают мое повествование. Из них лично мне известно только имя Андрея «Вилли» Усова, остальные герои здесь фигурируют безымянно, но мои благодарность и уважение от этого не меньше.

Кого еще-то… А, вспомнил! Глубочайшая благодарность и признательность Джону Леннону, Полу Маккартни, Джорджу Харрисону и Ринго Старру, без них не было бы не только этой книги, но и вообще всего!

Ну, а Макса, Фому, Забла и Муру я благодарю не за разговоры с бутылочкой и без, а за огромное удовольствие, мною полученное в процессе работы, и за то… странное, эфемерное и необъяснимое, что побудило меня за эту книжку взяться.

Как же оно называется-то… ах, да: музыка!

notes

Примечания

1

https://www.youtube.com/watch?v = vp-UbLmEUYI

2

https://www.youtube.com/watch?v = uDcX9FbSWo8

3

https://www. youtube.com/watch?v = WMZWL6gHvcY

4

https://www.youtube.com/watch?v = BMC77fgiJEA

5

https://www.youtub e. cor/watch?v = K YrhllyP 0 Yo

https://www.youtube.com/watch?v=z40brwo-cNg

https://www.youtube.com/watch?v = pLvt3_5ENSs

https://www.youtube.com/watch?v=MOfEgRiNDpE

9

https://www.youtube.com/watch?v= lxlo6_qWOHg

10

https://www.youtube.com/watch?v=lgyrHBtmJ5o

11

https://www.youtube.com/watch?v=s62bwV7Hsk8

https://www. youtube.com/watch?v = SOMDRt4RwAU

13

https://www.youtube.com/watch? v = MU2pDRDBweE

https://www.youtube.com/watch?v = fmSDVtCDI5w

https://ru.wikipedia.org/wiki/соционика